
**МИНИСТЕРСТВО ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ордена Трудового Красного Знамени федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московский технический университет связи и информатики

Т.В. Кожевникова

Курс лекций по теории английского языка

Учебное пособие

Москва 2021

**МИНИСТЕРСТВО ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ордена Трудового Красного Знамени федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московский технический университет связи и информатики

Т.В. Кожевникова

Курс лекций по теории английского языка

Учебное пособие

Для аспирантов и слушателей программы дополнительного образования

ПЕРЕВОДЧИК В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Москва 2021

УДК 811.111 (075.8)

Кожевникова Т.В. Курс лекций по теории английского языка: учебное пособие / МТУСИ. – М., 2021. – 124 с.

Учебное пособие «Лекции по теории английского языка» предназначено для аспирантов, слушателей программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и широкого круга лиц, интересующихся английским языком.

Целью данного учебного пособия является обеспечение учащихся необходимыми материалами для освоения таких дисциплин, как «Введение в языкознание», «Лексикология английского языка», «Теоретическая грамматика английского языка», «Стилистика английского языка», включающими как теоретическое изложение сути дисциплины, так и практические задания.

Издание утверждено Методическим советом университета в качестве учебного пособия. Протокол № 4 от 13.04.21г.

Рецензенты: Т.В. Бычкова, к.ф.н., доцент (РГГУ)
Т.Н. Машенская, ст. преподаватель (МТУСИ)

© Московский технический университет
связи и информатики (МТУСИ), 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие «Курс лекций по теории английского языка» предназначено для аспирантов, слушателей программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и широкого круга лиц, интересующихся английским языком.

Оно может использоваться на традиционных занятиях под руководством преподавателя, для традиционной самостоятельной работы, на занятиях в компьютерном классе (под руководством преподавателя и самостоятельно) и в условиях дистанционного обучения (в автономном режиме или в режиме онлайн).

Целью данного учебного пособия является обеспечение учащихся необходимыми материалами для освоения таких дисциплин, как «Введение в языкознание», «Лексикология английского языка», «Теоретическая грамматика английского языка», «Стилистика английского языка», включающими как теоретическое изложение сути дисциплины, так и практические задания, основанные на изучении первоисточников.

Пособие состоит из четырех частей и приложения. Четыре части направлены на теоретическое изложение основных тем вышеперечисленных дисциплин. В приложении даны статьи классиков лингвистики либо в оригинале, либо в переводе на русский язык, взятые из соответствующих сборников. Предлагаемые в приложении задания, направленные на формирование у учащихся коммуникативной, общеобразовательных и специальных компетенций, отмеченных в Проекте профессионального стандарта «Специалист в области перевода» 2020 г. Министерства труда и социальной защиты РФ, носят как тестовый, так и творческий характер и предполагают подробное изучение фундаментальных работ. Они используются для закрепления пройденного на занятиях материала, ознакомления с новым материалом и проверки усвоения изученного студентами.

Все части пособия поделены на темы. Темы рассматриваются в соответствии с предваряющим планом. Теоретические положения иллюстрируются примерами из англоязычной литературы. В качестве источника дополнительных примеров могут быть использованы учебник «Английский язык для университетов и институтов связи» (Кожевникова Т.В. - М.: КноРус, 2020) и учебное пособие «Высокие технологии в современной англоязычной литературе» (Кожевникова Т.В. - М.: Амирит, 2020).

Пособие соответствует Проекту профессионального стандарта «Специалист в области перевода» 2020 г. Министерства труда и социальной защиты и Рабочим программам дисциплин «Введение в языкознание», «Лексикология

английского языка», «Теоретическая грамматика английского языка» и «Стилистика английского языка». Содержание заданий соответствует теоретическому материалу, изложенному в частях 1 - 4. Для загрузки в систему «Электронный университет МГУСИ» с целью автоматизации проверки и формирования отчетов задания возможен перевод в цифровой формат.

Часть 1. Введение в языкознание

Наука о языке, язык как средство общения, функции языка

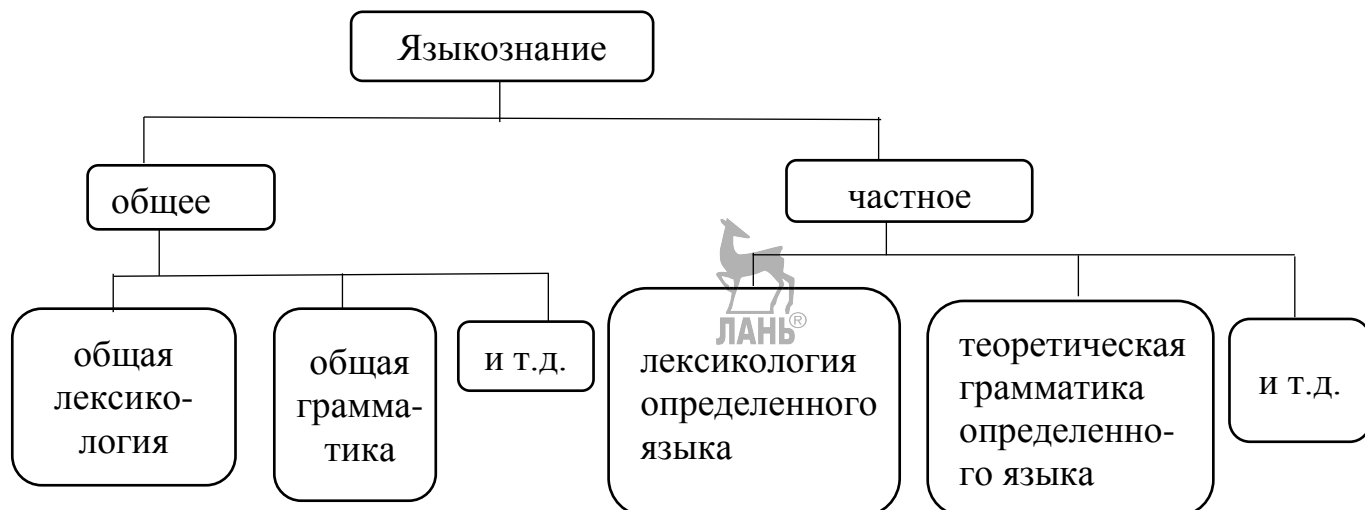
1. Единство человеческого языка.
2. Общее и частное языкознание.
3. Связь языкознания с другими науками.
4. Общение языковое и неязыковое.
5. Человеческое общение.
6. Функции языка.

1. На земном шаре существуют тысячи различных языков. И всё же мы говорим о «языке» - человеческом языке как о чём-то едином целом. Мы вправе поступать так, потому что при всех громадных различиях между языками они все в самом главном имеют между собой много общего.

Каждый язык - достояние какого-то коллектива и поэтому - явление общественно-историческое. Каждый язык - неперемное условие развития человеческой культуры, орудие общения, средство формирования мысли и передачи её другим людям.

Каждый язык пользуется для выражения мысли звуками, произносимыми человеком. Каждый язык членоразделен: нормальное высказывание на любом из языков членился на элементы, повторяющиеся в других комбинациях в составе других высказываний. Каждый язык обладает обширным набором таких повторяющихся элементов и гибкой системой правил, по которым эти элементы соединяются в осмысленные высказывания.

2. Языковедение (языкознание, лингвистика) - наука, изучающая языки (в принципе - все существующие, когда-либо существовавшие и могущие возникнуть в будущем), а тем самым и человеческий язык вообще. Как всякая наука, языковедение возникло в связи с практическими потребностями, но постепенно развилось в сложную и разветвлённую систему дисциплин как теоретического, так и прикладного характера. Внутри теоретического языковедения условно различают частное и общее.

Частное языковедение занимается отдельным языком (русским, английским, узбекским и т.д.) или группой родственных языков (скажем, славянскими языками). Оно может быть синхроническим, описывающим факты языка в какой-то момент его истории, либо диахроническим (историческим), прослеживающим развитие языка на протяжении определённого отрезка времени. Разновидностью диахронического языковедения является сравнительно-историческое, выясняющее путём сравнения родственных языков их историческое прошлое.

Общими особенностями человеческого языка занимается общее языковедение. Оно исследует сущность и природу языка, проблему его происхождения и общие законы его развития и функционирования, оно также разрабатывает методы исследования языков. *Общее* языковедение выявляет и формулирует языковые *универсалии*, т.е. положения, действительные для всех языков мира (абсолютные универсалии) или для значительного большинства языков (статические универсалии).

Абсолютными универсалиями являются, например, следующие утверждения: 1) во всех языках существуют гласные и согласные звуки; 2) на всех языках люди говорят предложениями; 3) во всех языках есть имена собственные. Пример статической универсалии: почти во всех языках в местоимениях различается не менее двух чисел.

Одной из важных задач общего языковедения является научное определение понятий - таких как «гласный» и «согласный», «предложение», «имя собственное» и т.п.

Особое место занимает *прикладное* языковедение. Оно решает и частные задачи, касающиеся одного языка, и задачи, принципиально приложимые к материалу любого языка: создание и усовершенствование письма; создание систем автоматического перевода, автоматического поиска, аннотирования и

реферирования информации, создание систем, обеспечивающих общение человека с машиной на естественном языке.

3. Языковедение тесно связано со многими другими науками: с философией, изучающей наиболее общие законы природы, общества и мышления, с социологией, историей, этнографией, археологией, логикой и психологией, физиологией высшей нервной деятельности, антропологией, литературоведением, поэтикой и фольклористикой, акустикой - разделом физики, изучающим звук, с анатомией и физиологией органов речевого звукообразования в человеческом организме, с педагогикой и методикой, с медициной, с математической логикой, статистикой, с теорией информации и кибернетикой, социолингвистикой, психолингвистикой, математической лингвистикой и некоторыми другими.

4. Общение в широком смысле слова существует не только в человеческом обществе, но и в животном мире, а в наши дни мы должны также учитывать общение человека с машиной. Во всех случаях общение есть передача некоторой информации, преднамеренно или же непроизвольно посылаемой отправителем и воспринимаемой получателем. Следует различать два плана общения: выражение - способ или форма выражения и содержание передаваемой информации.

5. У животных общение основывается главным образом на врождённых, передаваемых по наследству (в меньшей мере на выработавшихся у данных особей) реакциях на определённые стимулы, не выходящие, используя терминологию великого русского физиолога И.П. Павлова, за рамки «первой сигнальной системы».

Языковое общение составляет, по И.П. Павлову, «вторую сигнальную систему действительности». Языковое общение всегда основывается на усвоении данного языка участниками общения, не на врождённом, а приобретённом знании. Языковое общение носит преднамеренный, осознанный характер и осуществляется не только как прямая реакция на непосредственно наличный стимул. Это значит, что, пользуясь языком, можно отвлечься от ситуации, говорить о том, чего в данную минуту нет, о прошлом и будущем, обобщать и строить предположения, т.е. мыслить, можно обращаться к воображаемому собеседнику. Содержание информации, передаваемой языком безгранично, как безгранично само человеческое познание. Языковое общение выступает как качественно особый обмен информацией - не просто сообщение каких-то фактов или передача связанных с ними эмоций, но и обмен мыслями по поводу этих фактов.

6. Первейшей функцией языка является *коммуникативная* (от лат. *communicatio* 'общение'), его назначение - служить орудием общения, т.е. в первую очередь обмена мыслями. Но язык не только средство передачи «готовой мысли». Он и средство самого формирования мысли.

В науке выделяют отдельные стороны коммуникативной функции языка: *констатирующую* - служить для простого «нейтрального» сообщения о факте (ср. повествовательные предложения); *вопросительную* - служить для запроса о факте (ср. вопросительные предложения, вопросительные слова); *апеллятивную* (от лат. *appello* 'обращаюсь к кому-л.') - служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям (ср. формы повелительного наклонения, побудительное предложения); *экспрессивную* – выражать (подбором слов или интонацией) личность говорящего, его настроения и эмоции; *контактоустанавливающую* - функцию создания и поддержания контакта между собеседниками, когда передачи сколько-нибудь существенной информации ещё (или уже) нет (ср. формулы приветствия при встрече и прощании, обмен репликами о погоде и т.п.); *метаязыковую* - функцию эстетического воздействия. Особое место занимает *функция индикатора* (показателя) принадлежности к определённой группе людей (к нации, народности, к той или иной профессии и т.д.). В случае сознательного использования этой функции она превращается в своеобразное средство самоопределения индивида в обществе.

В конкретных высказываниях частные функции языка обычно выступают в разнообразных сочетаниях друг с другом. Высказывание, как правило, многофункционально.

Язык и речь, язык и мышление, язык и общество

I. Язык и речь

1. Гипотезы форм существования языка.
2. Разграничение понятий «язык» и «речь».
3. Понятие о речевом акте.
4. Элементы высказывания и правила их связи.
5. Определение языка.
6. Познание языка (лингвистками и носителями).
7. Функционирование языка в речи. Абстрактный характер языка.

II. Язык и мышление

1. Диалектическое единство языка и мышления.
2. Вербальное и невербальное мышление. Связь языка с психологической деятельностью.
3. Многообразие языков и единство человеческого мышления.

III. Язык и общество

1. Общественная природа языка. Язык этнической общности.
2. Диалекты и говоры (наречия).
3. Литературный язык.

I. Язык и речь

1. Человеческий язык существует в виде отдельных языков - русского, английского, китайского и многих других. Выделяют отдельные гипотезы существования каждого отдельного языка.

1) Язык существует объективно, независимо от лингвистов. Словари и грамматики составлены далеко не для всех языков. Даже лучшие из них дают, очевидно, лишь более или менее приближённое и далеко не полное отражение того, что существует объективно, т.е. независимо от описывающих язык учёных.

2) Язык существует в сознании его носителей. Он не является «врождённым», переданным по наследству. Термин «родной язык» не значит «врождённый», а значит только «усвоенный в раннем детстве». В сознание каждого человека язык проникает, безусловно, «извне», проникает потому, что этим языком пользуются другие люди, окружающие. По их примеру он начинает с детства пользоваться и сам данный человек. И, с другой стороны, язык постепенно забывается, а в конце концов и начисто исчезает из памяти (даже родной язык), если человек почему-либо перестаёт им пользоваться. Из всего этого явствует, что о подлинном существовании языка можно говорить лишь постольку, поскольку им пользуются.

3) Язык существует как живой язык, *поскольку он функционирует*. А функционирует он в речи, в высказываниях, в речевых актах.

2. Разграничение понятий «язык» и «речь» впервые в чёткой форме было выдвинуто и обосновано швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857 - 1913), крупнейшим теоретиком в области общего языковедения. Затем понятия эти были глубже разработаны другими учёными, в частности в России академиком Л.В. Щербой и его учениками. Под *речью* современное языковедение понимает не только устную речь, но также и речь письменную. В широком смысле в понятие «речь» включается и так называемая «внутренняя речь», т.е. мышление с помощью языковых средств (слов и т.д.), осуществляемое «про себя», без произнесения вслух.

3. Отдельный акт речи, *речевой акт*, в нормальных случаях представляет собой двусторонний процесс, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. При письменном общении речевой акт охватывает соответственно писание и чтение (зрительное восприятие и понимание

написанного), причём участники общения могут быть отдалены друг от друга во времени и пространстве. Речевой акт есть *проявление речевой деятельности*.

В речевом акте создаётся текст. Лингвисты обозначают этим термином не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое кем-то созданное (всё равно - записанное или только произнесённое) «речевое произведение» любой протяжённости - от однословной реплики до целого рассказа, поэмы или книги. Во внутренней речи создаётся «внутренний текст», т.е. речевое произведение, сложившееся «в уме», но не воплотившееся устно или письменно.

4. Почему произнесённое (или написанное) высказывание в нормальном случае будет правильно понято адресатом?

Во-первых, потому, что оно построено из элементов, форма и значение которых известны адресату (скажем для простоты - из слов, хотя элементами высказывания можно считать и другие единицы).

Во-вторых, потому, что эти элементы соединены в осмысленное предложение по определённым правилам, также известным (правда, во многом интуитивно) нашему собеседнику или читателю. Владение этой системой правил позволяет и строить осмысленный текст, и восстанавливать по воспринятому тексту его содержание.

5. Язык того или иного коллектива - это находящаяся в распоряжении данного коллектива система элементов - единиц разных ярусов (слов, значащих частей слов и т.д.) плюс система правил функционирования этих единиц, также в основном единая для всех, пользующихся данным языком. Систему единиц называют также инвентарём языка; систему правил функционирования единиц, т.е. правил порождения осмысленного высказывания (а тем самым и правил его понимания), - грамматикой этого языка. Соотношение языка и речи и их отдельных аспектов иллюстрирует рисунок 1.

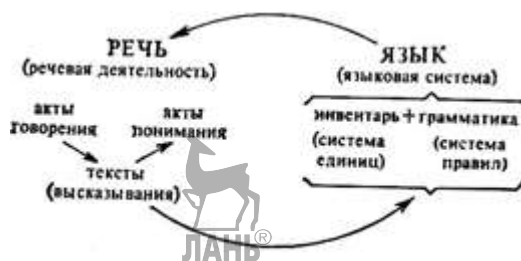

Рис. 1

6. В речевых актах и в текстах как инвентарь, так и грамматика языка существуют, можно сказать, в «распылённом виде»: в каждом отдельном предложении представлены какие-то элементы из инвентаря языка и использован

ряд правил грамматики. Некоторые из этих элементов и правил применяются часто, другие используются реже, третьи - совсем редко. Задача лингвиста - разобраться в том «хаосе языковых фактов», который представляет собой речь, выявить и взять на учёт все элементы инвентаря, все действующие правила грамматики и точно описать их. Когда лингвист исследует живой язык, ему даны не только тексты - устные или письменные, но и возможность наблюдать речевые акты носителей данного языка. Кроме того, как подчеркнул Л.В. Щерба, лингвист может в этом случае экспериментировать, т.е. создавать сам[®] слова, грамматические формы и целые тексты на исследуемом языке и проверять приемлемость и понятность созданного, привлекая живых носителей данного языка (в том числе и себя самого, если объектом изучения является родной язык исследователя). Если же изучается мёртвый язык, т.е. латынь, древнегреческий, старославянский и т.д., учёный располагает только письменными текстами, более или менее ограниченными по объёму (иногда даже только отдельными словами или формами, так или иначе сохранившимися в текстах других языков). Ни наблюдения за актами общения, ни эксперимент здесь уже невозможны.

У природных носителей живых языков владение языком создаётся постепенно, начиная с раннего детства, тем же путём, каким идёт и учёный лингвист: каждый человек познаёт свой родной язык, «добывая» его из речи. Только процесс этого добывания носит в этом случае не вполне осознанный характер, протекает в основном интуитивно, особенно в детстве. Знание родного языка добывается индивидом из собственного речевого опыта; в процессе переработки данных этого опыта из всей массы услышанного, а затем и прочитанного неуклонно и постепенно отбирается, обобщается и складывается в систему всё повторяющееся, всё более или менее устойчивое, и всё это тут же проверяется на практике, и в сознании человека вырабатывается почти автоматический механизм владения родным языком и «контроллер» этого механизма - так называемое языковое чутьё, или «языковая компетенция».

7. Язык и речь различаются так же, как правило грамматики и фразы, в которых использовано это правило, или слово в словаре и бесчисленные случаи употребления этого слова в разных текстах. Речь есть форма существования языка. Язык функционирует и «непосредственно дан» в речи. Но в отвлечении от речи, от речевых актов и текстов всякий язык есть абстрактная сущность.

Абстрактный характер языка можно ясно показать также на его отдельных элементах.

Ворон к ворону летит,

Ворон ворону кричит...

В этом отрывке семь конкретных экземпляров слов. Можно считать два экземпляра формы ворон за одно слово и два экземпляра формы ворону также за одно слово. Считаем некие абстрактные единицы - словоформы. Словоформа представляет собой абстракцию «первой степени». Мы считаем две словоформы ворон и ворону за одну единицу, т.е. говорим о слове ворон, отвлекаясь от его грамматических видоизменений - отдельных словоформ. Слово, понимаемое в этом смысле, отвлекаясь от грамматических видоизменений, называют «лексемой». Лексема, таким образом, есть слово как абстрактная единица в системе данного языка.

II. Язык и мышление

1. Будучи орудием закрепления, передачи и хранения информации, язык тесно связан с мышлением, со всей духовной деятельностью людей, направленной на познание объективно существующего мира, на его отображение (моделирование) в человеческом сознании. Вместе с тем, образуя теснейшее диалектическое единство, язык и мышление не составляют, однако, тождества: они разные, хотя и взаимосвязанные явления, их области пересекаются, но не совпадают полностью.

2. Так же как и общение, мышление может быть вербальным и невербальным. Невербальное мышление осуществляется с помощью наглядно-чувственных образов, возникающих в результате восприятия впечатлений действительности и затем сохраняемых памятью и воссоздаваемых воображением. Его высокоразвитые формы - это особое «техническое», или «инженерное», мышление; а также мышление шахматиста, живописца, скульптора, композитора.

Вербальное мышление оперирует понятиями, закреплёнными в словах, суждениями, умозаключениями, анализирует и обобщает, строит гипотезы и теории. Оно протекает в формах, установившихся в языке, т.е. осуществляется в процессах внутренней или внешней речи. Язык определённым образом организует знания человека о мире, расчленяет и закрепляет эти знания и передаёт их последующим поколениям. Понятийное мышление может опираться и на вторичные, искусственные языки, на построенные человеком специальные системы общения. Так, математик или физик оперирует понятиями, закреплёнными в условных символах, мыслит не словами, а формулами и с помощью формул добывает новые знания.

Мышление человека многокомпонентно и представляет собой сложную совокупность различных типов мыслительной деятельности. Вербальное, речевое мышление является лишь одним из компонентов человеческого мышления, хотя и важнейшим.

Язык связан со всей психической деятельностью человека, т.е. не только с мыслью, но также с чувством и волей.

3. Чрезвычайное разнообразие языков мира нисколько не подрывает принципиального единства человеческого мышления, единства законов логики, по которым протекает мыслительная деятельность; однако инвентарь понятий, зафиксированных в словах и грамматических формах, конечно, отличается от языка к языку. Хотя в речи и в языке всё подчинено задаче выражения смыслового содержания, некоторые стороны в структуре языка связаны с формулируемой в высказывании мыслью очень косвенно. Иногда языковая форма отражает понятия, ушедшие в прошлое. Элементарный пример: мы говорим солнце взошло, солнце село, хотя прекрасно знаем, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца.

III. Язык и общество

1. Язык - всегда достояние коллектива. Организация совместной трудовой деятельности, функционирование социальных институтов, развитие культуры имеют своим неперменным условием постоянное и активное речевое общение членов коллектива. В громадном большинстве случаев коллектив людей, говорящих на одном языке («языковая общность»), - это коллектив этнический (нация, народ, племя). Языки некоторых этнических коллективов используются и как средство межэтнического общения.

В силу исторических причин в одном этническом коллективе используется не один язык, а параллельно два (и больше), причём сферы их употребления обычно так или иначе разграничиваются (например, французский - дома, английский - на работе, в официальной обстановке). Иногда, напротив, один язык выступает в качестве основного средства общения нескольких разных народов. В особых условиях возникают и такие языки, которые ни для кого не являются основными (родными) и служат только для межэтнического общения.

Язык этнической общности, как правило, не является абсолютно единым на всей территории своего распространения и во всех сферах своего использования.

2. Более или менее единый литературный язык обычно противостоит заметно различающимся между собой местным диалектам, а также профессиональным и другим разновидностям языка. Диалекты и групповые различия в языке изучает диалектология, а всю совокупность вопросов, связанных с воздействием общества на язык и с языковыми ситуациями, складывающимися в обществе, -

так называемая социолингвистика.

Даже на сравнительно небольшой территории диалекты порой заметно отличаются друг от друга. Такие более дробные диалекты называются говорами. Они объединяются лингвистами-диалектологами по тем или иным признакам в группы, называемые наречиями. Так, например, северно-русское наречие характеризуется «оканьем», т.е. произношением звука «о» не только под ударением (бросить, водный), но и в неударных слогах (бросать, вода, борода), а также «стяженными» формами в спряжении настоящего времени (бываш, бывает), совпадением творительного падежа множественного числа с дательным падежом (пойти за грибами, с рукам, с ногам), многими специфическими словами (орать в смысле 'пахать') и т.д., причём каждая такая особенность имеет свою географическую зону распространения, не вполне совпадающую с зоной других диалектных особенностей. В результате диалектолог имеет дело не столько с «границами диалектов», сколько с границами отдельных диалектных явлений, так называемыми изоглоссами.

В настоящее время во многих языках диалекты постепенно изживаются. В более или менее чистом виде они сохраняются у старших поколений деревенского населения. Для значительной части носителей диалекта характерно своеобразное «двуязычие»: владея параллельно и диалектом, и литературным языком, они пользуются то одним, то другим, в зависимости от ситуации общения. Это ведёт к появлению смешанных, переходных форм, так называемых «полу-диалектов».

В некоторых языках, например в немецком, итальянском, китайском, положение диалектов другое. Они используются значительно шире, в том числе и в среде образованной, так что литературно-диалектное «двуязычие» охватывает практически всё население. В ряде стран возникла и современная художественная литература на диалекте.

3. Литературный язык - вариант общенародного языка, понимаемый как образцовый. Он функционирует в письменной форме (в книге, газете, в официальных документах и т.д.) и в устной форме (в публичных выступлениях, в театре, в кино, в радио- и телепередачах). Для него типично наличие сознательно применяемых правил, т.е. нормы, которой обучают в школе. Письменная разновидность литературного языка наиболее строго кодифицирована, устная тоже регламентируется (нормами правильного произношения). Наименее регламентирована обиходно-разговорная разновидность. За пределами кодификации лежит так называемое просторечие. Оно содержит элементы, имеющие широкое территориальное распространение, но не включаемые в литературную норму либо как «грубые», либо просто как оттеснённые параллельными формами, а также новообразования, литературным языком не принятые.

Литературный язык, обслуживающий два или несколько разных народов, имеет соответственные варианты. Так, различают британский и американский варианты литературного английского языка. Ср., например, 'железная дорога': брит. *gailway* - амер. *gailgoad*; 'метро': брит. *underground* - амер. *subway* (в Англии последнее слово обозначает 'подземный переход, тоннель'); 'багаж': брит. *luggage* - амер. *baggage*. Свои особенности имеют и другие варианты английского языка - австралийский, новозеландский, южноафриканский.

Литературный язык. Стилистические различия в языке

I. Литературный язык

1. Профессиональные особенности языка.
2. Социальная дифференциация языка.
3. Семейные и индивидуальные особенности языка.

II. Стилистические различия в языке

1. Предмет стилистики.
2. Стили языка.
3. Стилистические различия в области произношения.

I. Литературный язык

1. Каждая отрасль производства и науки нуждается в громадном количестве слов и выражений, в богатой и разветвлённой терминологии.

Кроме официальных терминов в каждой отрасли производства есть ещё неофициальные обозначения тех или иных понятий, то, что называют профессиональным арго.

В научной и технической литературе мы наблюдаем некоторые особенности и в употреблении грамматических форм. Так, в математической литературе почти не используется форма прошедшего времени, всё изложение ведётся с помощью настоящего. В любой научной литературе крайне редки формы второго лица, а форма первого лица ед.ч. часто заменяется формой мн.ч. (так называемое «авторское мы»). Профессиональные особенности в языке не ограничиваются одной терминологией, в связи с чем обычно говорят о профессиональных подъязыках: «подъязык радиоэлектроники», «подъязык биохимии» и т.д.

Существование профессиональных и иных подобных различий в языке не подрывает единства общенародного языка и, как правило, не служит помехой при общении между представителями разных профессий, разных поколений и т.д. Здесь мы можем говорить о своеобразном «двуязычии» и даже

«многоязычии»: представитель данной профессиональной группы владеет и общенародным языком, и его «ответвлением» - профессиональным «подъязыком» своей специальности, а также одним (или несколькими) аргю.

2. В обществе, разделённом на классы, а тем более на резко обособленные и замкнутые сословия, касты и т.д., наблюдаются элементы ещё большей социальной дифференциации в языке, возникают классовые, сословные и кастовые аргю. Вспомним, как Гоголь высмеивал в «Мёртвых душах» жеманную манеру светских дам своего времени: эти дамы отличались «необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка».

Особое явление представляют собой аргю деклассированных элементов общества — нищих, бродяг, воров, и т.д. В том «воровском жаргоне» употребляют и в частности, следующие специфические иносказательные выражения: колеса 'сапоги', мокрое дело 'убийство'. «Воровской жаргон», а отчасти и некоторые другие аргю являются своего рода «тайными языками»: в них существенную роль играет стремление «зашифровать», сделать непонятным для посторонних передаваемое сообщение.

3. В общенародном языке наблюдается дифференциация, отражающая всю сложность внутреннего членения соответствующего языкового коллектива. Рассматривая эту дифференциацию, мы доходим до такой ячейки общества, как семья, которая тоже, как любое объединение людей, может иметь свои, пусть «микроскопические», особенности языка (что было подмечено, например, Л.Н. Толстым). Дальше идёт уже отдельная личность, индивид со своими речевыми привычками, индивидуальным тембром голоса, со своей степенью владения языком. Наличие в устной и письменной речи индивидуальных особенностей (обобщаемых в понятии «идиолект» - индивидуальный вариант языка) несомненно, учёные исследуют идиолекты отдельных личностей, в частности великих писателей, своим творчеством вносящих важный вклад в сокровищницу языка общенародного. Понятие «идиолект» нисколько не отменяет принципиальную социальность языка. Ведь индивид осуществляет речевую деятельность, чтобы быть понятым другим. И в языке важно и значимо только то, что общезначимо, «над-индивидуально».

Язык коллектива (народа, нации, диалект отдельной области, говор района, села, то или иное аргю) не есть «научная фикция», вынужденное «усреднение» фактов индивидуальной речи. Он существует объективно, но только не как «непосредственная данность», а как общее, существующее в отдельном, как то, что вновь и вновь воспроизводится в речи, повторяясь в миллиардах высказываний, произносимых и воспринимаемых в соответствующем коллективе.

II. Стилистические особенности в языке

1. Обслуживая общество в самых различных областях его жизни и деятельности, язык обнаруживает различия функционально-стилистические, т.е. языковые стили, изучением которых занимается стилистика. Каждый стиль, кроме, пожалуй, лишь нейтрального, характеризуется прежде всего своими особыми, стилистически окрашенными словами, выражениями, оборотами. Их «окрашенность» выступает отчётливо на фоне слов нейтрального стиля. В известной мере для языковых стилей типичны и грамматические особенности.

2. Так, в русском языке для высокого стиля характерны, в частности, такие слова и выражения, как гордыня (вместо гордость), отчизна, возмездие, чаяния, более частое, чем в других стилях, использование устаревших церковнославянизмов (страждущий вместо страдающий, разверстый вместо раскрытый и т.д.).

В научном и научно-популярном стилях используются в большом количестве элементы специальной терминологии и такие слова и выражения, как являться, представлять собой, подразделяться, состоять, как правило, по определению, необходимое и достаточное условие и т.д. Некоторые из этих выражений употребительны и в газетно-публицистическом стиле, но здесь к ним присоединяются новые: поднять (или поставить) вопрос, в центре внимания, тревожный сигнал, реагировать на критику.

Для официально-делового стиля характерны такие слова и выражения, как проживать, жилплощадь, место жительства, наложить резолюцию, на повестке дня, в рабочем порядке, академическая задолженность.

В области грамматики для рассмотренных стилей типичны широкое использование сложных предложений, обилие причастных и деепричастных оборотов, сравнительно частое появление страдательной конструкции, замена глаголов отглагольными существительными.

Противоположными признаками характеризуется разговорный стиль, и особенно его бытовая разновидность. Разговорными являются, например, такие слова и выражения, как белиберда, окоlesiца, проныра, пустомеля, хлипкий, горланить, ляпнуть, удосужиться, втирать очки, без году неделя, качать права; такие варианты слов, как печка, надо. В грубом сниженном стиле к этим словам присоединяются элементы просторечия и аргю. Особо выделяется так называемый сленг - стиль, характеризуемый сознательным, нарочитым отказом от принятых норм, ироническим переименованием некоторых понятий (предки вместо родители, приварок в значении «незаконный приработок», жестянка - о легковой машине), демонстративной грубостью (забалдеть, балдёж) и цинизмом.

В области грамматики для разговорного стиля типичны более короткие (часто – так называемые неполные) предложения, формируемые «на ходу», прерываемые разного рода вставками, часто недосказанные или обнаруживающие некоторую рыхлость грамматической структуры. Отмечается также широкое употребление уменьшительных, уничижительных или иных суффиксов эмоциональной оценки (ср. домишко, домина, домище).

Особое место занимают поэтический и народно-поэтический стили. Поэтический стиль отчасти смыкается с высоким (торжественным), но содержит и менее «патетические» слова и обороты (тишь, синь, даль, лучистый, пламенеть, озарить, рвать), а также включает в том или ином количестве и разговорные элементы, порой даже бытовые и сниженные, придающие речи естественность и простоту или вносящие ироническую нотку. Весьма устойчив и традиционен состав стиля народно-поэтического; добрый молодец, красна девица, белы ручки, тоска-кручина, горе-горемычное, палаты белокаменные, леса дремучие, мать - сыра земля, буйная головушка, пригорюниться и т.п.

3. Специально в области произношения следует выделить два главных стиля - полный и разговорный. Полный стиль используется в публичной речи (лекции, доклад, выступление по телевидению и т.д.) и вообще в официальной обстановке, также нередко при телефонных переговорах; он характеризуется более тщательным и чётким выговариванием всех элементов слова. Разговорный стиль встречается чаще всего в непринуждённой беседе, когда многое «скрадывается», «проглатывается», так как речь и без того понятна собеседнику. В рамках этого стиля возникли разговорные варианты здрасте! И даже драсть! Вместо здравствуйте, пап! Петь!, Ванн Саныч, Марь Пална.

В большинстве современных литературных языков между отдельными стилями нет непроходимых перегородок. Напротив, стили обычно взаимодействуют друг с другом, грани между ними являются подвижными.

Классификация языков

I. Языки мира

II. Генеалогическая классификация языков

1. Основной принцип генеалогической классификации.
2. Основные семьи и группы языков.

III. Типологическая или морфологическая классификация языков

1. Основной принцип типологической классификации.
2. Четыре основных морфологических типа языков.
3. Взаимопроникновение морфологических типов языков.

I. Языки мира

На земном шаре примерно 5000 языков. По количеству носителей языки мира чрезвычайно многообразны - от миллиарда до нескольких сотен человек.

Знание о языках и их истории неравномерно. История отдельных языков, а в некоторых случаях и их теоретических описаний, прослеживается на протяжении двух-трёх тысячелетий, например, греческого языка и древнеиндийского языка - санскрита. История некоторых языков прослеживается с IV-X вв., таковы языки германские, тюркские, славянские, армянский и грузинский языки. О ряде языков, имевших очень древнюю письменность, наука получила сведения только в XX в. в результате археологических находок и последующей дешифровки клинописных и иероглифических памятников - хеттский язык. Большинство же языков Африки, Австралии, Америки европейцам стали известны в XVII-XVIII вв., а некоторые языки - даже и в XIX-XX вв.

Вопросы классификации многообразия языков мира, распределения их по определённым таксонимическим (от греч. taxis - расположение по порядку, nomos - закон) рубрикам стали активно разрабатываться в начале XIX в. Были выработаны теоретические основы и принципы различных классификаций языков мира. Наиболее признанными являются две классификации - генеалогическая и типологическая, или морфологическая.

II. Генеалогическая классификация языков

1. Первые попытки классификации языков связаны с поисками выявления их родства. Основы генеалогической классификации были разработаны на материале индоевропейских языков в результате утверждения в XIX в. сравнительно-исторического метода в языкознании. Толчком к сравнительно-историческому изучению языков послужило знакомство европейских учёных с литературным языком Древней Индии - санскритом.

С помощью сравнительно-исторического метода сравниваются между собой генетически тождественные слова и формы родственных языков и восстанавливается их первоначальный вид, который называют праформами.

Историческое родство языков не всегда определяется их географической близостью. Например, венгерский язык находится в окружении языков индоевропейской семьи, но сам принадлежит к финно-угорской семье.

Генеалогическая классификация опирается на историческое родство языков и тесно связана с исторической судьбой их народов. Группировка языков мира на основе их родственных связей предполагает общее происхождение того или иного

количества языков из одного языка - праязыка. Праязык - это общий предок ряда родственных языков, распавшийся в ходе эволюции на родственные языки. По признаку родства языки могут быть разделены на несколько крупных разрядов, именуемых обычно семьями. Языковую семью образует вся совокупность родственных между собой языков, то есть в структурах всех этих языков есть общие черты, которые можно объяснить, если признать, что все эти структуры восходят к некоему языку-основе. Языки, принадлежащие к разным семьям, не обнаруживают признаков исторического родства. В таких языках нет слов и форм, имеющих общее происхождение, кроме заимствований, которые могут проникать из одного источника и в родственные, и в неродственные языки.

Внутри семьи языки связаны между собой более близкими и более далёкими родственными отношениями. Группы языков внутри семьи называются обычно ветвями, или группами. Языки одной ветви всегда ближе один к другому, нежели языки двух ветвей. Например, славянские языки как ветвь индоевропейской семьи языков ближе один к другому, чем русский и французский, поскольку последний принадлежит к ветви романских языков. Внутри ветви степень близости между языками также различна, поэтому некоторые ветви членятся на подгруппы родственных языков. Так, славянские языки делятся на южную, восточную и западную подгруппы. Языки могут оказаться и вне семей, если у них не обнаруживается родственных языков, например, японский и баскский языки.

2. Самой крупной из всех языковых семей по числу говорящих на языках этой семьи является индоевропейская, которая и изучена в большей степени, чем другие семьи. Индоевропейская семья распадается на 12 ветвей, часть которых состоит из отдельных языков, включая мёртвые языки. В состав индоевропейской семьи входят индоарийская, или индийская, иранская, германская, славянская, романская, балтийская, кельтская группы языков. Отдельно в этой семье стоят греческий, армянский и албанский языки.

В индоарийскую группу языков входит более 96 живых языков: наиболее представлены хинди, а также урду и мертвый язык санскрит.

Иранская группа обнаруживает наибольшую близость с индийской. Она включает в себя более 10 живых языков: персидский, афганский, таджикский, курдский, осетинский. В иранскую группу входит мёртвый язык: скифский.

Германскую группу обычно разделяют на две подгруппы - северогерманскую, или скандинавскую, и западногерманскую. Северогерманская подгруппа объединяет в себе датский, шведский, норвежский, исландский и фарерский языки. Западногерманская подгруппа состоит из немецкого, английского, голландского, фризского и новоеврейского (идиш) языка.

Славянская группа языков разделяется на три подгруппы - восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую. В восточную подгруппу входят русский, украинский и белорусский языки. Западная подгруппа включает в себя чешский, словацкий и польский. Южная подгруппа состоит из болгарского, сербского, хорватского, македонского и словенского языков и мертвого старославянского языка.

Романская ветвь индоевропейской семьи языков представлена 12 живыми языками, наиболее известными среди которых являются итальянский, французский, испанский, португальский, румынский и молдавский языки.

Балтийская группа языков немногочисленна. Она состоит из живых литовского и латышского языков и мёртвого прусского языка.

Кельтская группа языков также немногочисленна. Она включает в себя ирландский, шотландский, бретонский и валлийский языки.

Не образуют ветвей греческий, албанский и армянский языки.

В мёртвую анатолийскую группу языков входят хеттский, ливийский, лидийский. Мёртвая тохарская группа индоевропейской семьи представлена языками Китайского Туркестана.

Китайско-тибетская семья языков занимает второе место по числу говорящих на языке этой семьи людей. По количеству входящих в эту семью языков она немногочисленна. Сюда входят китайский, бирманский, тибетский языки.

Третьей по численности носителей языков является нигеро-кордофанская семья языков. По количеству языков это одна из многочисленных семей, её иногда называют языками коренного населения Африки. Она разбивается на ряд групп и подгрупп, включающих языки банту, языки манде, языки сангари, гвинейские языки, кордофанские языки и т.д.

Австронезийская семья языков представлена более чем 150 языками. Её разбивают иногда на две - индонезийскую и океанийскую. На языках этой семьи говорят народы, населяющие многочисленные острова и полуострова Юго-Восточной Азии.

Семито-хамитская, или афразийская, семья языков включает в себя арабский, амхарский и иврит. В эту семью входят также языки многих народностей Северной и Западной Африки - берберской и кушитской.

Дравидская, или дравидийская, семья - это языки народов, населявших Индию до прихода туда индоевропейцев. Наиболее распространёнными являются язык телугу и тамильский язык.

Алтайская, или тюркская, семья объединяет в своём составе более тридцати языков: турецкий, казахский, узбекский, азербайджанский, татарский, киргизский, якутский.

Австроазиатская, или аустроазиатская, семья включает в себя языки народностей, проживающих в Юго-Восточной Азии: вьетнамский и кхмерский язык.

В тайскую семью языков входят тайский, лаосский и некоторые другие языки.

Индейская семья - языки Северной и Южной Америки. Это языки коренных индейских племён, проживающих на этих территориях, - майя, ацтекские, ирокезские языки.

Нило-сахарская семья включает в себя шари-нильскую, центрально-суданскую, северную и юго-восточные группы африканских языков.

Уральскую семью иногда рассматривают как состоящую из двух групп - финно-угорской и самодийской. К финно-угорским языкам относятся венгерский, финский, эстонский, хантыйский, мансийский, карельский и марийский. В самодийские языки входит ненецкий, энецкий, иганасанский.

Кавказская, или иберийско-кавказская, семья языков включает в себя абхазский, аварский, адыгейский, даргинский, лезгинский.

Ряд языков в генеалогической классификации стоит отдельно, вне семей, - японский, корейский, баскский.

Общая картина родства языков ещё далека от завершения.

III. Типологическая или морфологическая классификация языков

1. На протяжении XIX-XX вв. разрабатывается ещё одна классификация языков, получившая название типологической, или морфологической, классификации. Основным принципом этой классификации языков является положение о том, что все языки мира независимо от того, родственны они между собой или нет, могут быть распределены на типы по каким-то общим признакам их структуры, прежде всего морфологической структуры слова. Поэтому классификация и получила своё двойное название. Хотя типологическая классификация языков в начале своего возникновения и была прежде всего морфологической, в действительности первое понятие несколько шире второго, так как при типологической классификации может учитываться не только морфология, но и фонетические, и синтаксические особенности сравниваемых языков. Такие классификации существуют в современной лингвистике. Однако наиболее разработанными являются типологические классификации, основанные на анализе морфологической структуры слова, поэтому они и носят двойное название.

2. Наиболее общепризнанной остаётся типологическая классификация языков, представленная четырьмя морфологическими типами: флективным, агглютинативным, аморфным и инкорпорирующим.

В языках флективного типа флексия является устойчивым и существенным признаком морфологической структуры слова. Для флективных языков характерно широкое использование флексий, выражающих самые различные грамматические значения. При этом флексия чаще всего полифункциональна, то есть выражает одновременно несколько грамматических значений. Например, в слове рука окончание -а выражает сразу три грамматических значения: женский род, единственное число, именительный падеж.

К флективным языкам принадлежат прежде всего индоевропейские языки. Для них существенно деление на языки аналитического и синтетического строя. Аналитический строй предполагает более широкое использование служебных слов, а также фонетических средств и порядка слов для выражения грамматических значений. Языками аналитического строя являются английский, французский, болгарский и некоторые другие языки. Синтетический строй характеризуется большей ролью форм слов, образуемых при помощи флексий, а также формообразующих суффиксов и префиксов в выражении грамматических значений. К языкам синтетического строя относят русский, польский, белорусский, литовский и др. языки.

Второй морфологический тип языков - агглютинативные, или агглютинирующие, языки. Агглютинация - это последовательное приклеивание к основе-корню особых аффиксов, каждый из которых выражает только одно грамматическое значение. В агглютинативном типе языков границы морфем чётко отграничены друг от друга. Сами морфемы остаются в любых сочетаниях значимыми и самостоятельно показывающими своё значение. Для языков этого типа характерен единый тип склонения и спряжения. К агглютинативным языкам принадлежат тюркские, финно-угорские, дравидийские.

Третий морфологический тип языков - изолирующие, или аморфные, языки. Эти языки характеризуются отсутствием словоизменения, например, китайские слова ча - чай, во - я, бе - не, хэ - пить, соединённые в последовательности ча во бе хэ, обозначают я не пью чай (буквально чай я не пить). Грамматические значения в изолирующих языках выражаются с помощью служебных слов, порядком слов, музыкальным ударением и интонацией. Другое их название - аморфные - подчеркивает, что у этого типа языков нет морфологической формы. Изолирующие языки называют также корневыми, поскольку слово в них равно корню, основе. К языкам изолирующего типа принадлежат китайский, вьетнамский и некоторые другие языки.

Последний морфологический тип языков - инкорпорирующие, или полисинтетические, языки. Главная структурная особенность инкорпорирующих языков состоит в том, что предложение в них строится как сложное слово, то есть слова сливаются в одно общее целое, которое является и

словом, и предложением. В результате возникают комплексы без формального выражения морфологии, сливающиеся в одно синтаксическое целое, начало которого - подлежащее, конец - сказуемое, а в середину инкорпорируются дополнения со своими определениями и обстоятельствами. Полисинтетизм свойствен индейским языкам, языкам народностей Северо-Восточной Азии - чукотскому, корякскому, камчадальскому.

3. В любом языке или группе языков можно обнаружить особенности иных морфологических типов. Так, русскому и белорусскому языкам не чужда и агглютинация. Она проявляется в формах прошедшего времени глаголов, в формах повелительного наклонения глаголов во множественном числе, в образовании глаголов страдательного залога с помощью постфикса *-ся (-сь)*. Многие языки занимают промежуточное положение в морфологической классификации, совмещая в себе признаки разных типов. Например, языки Океании относят к аморфно-агглютинативным языкам.

Язык как знаковая система

1. Знаковая природа обмена информацией в человеческом обществе.
2. Основные свойства языка.
3. Членение текста и основные единицы языка:
 - а) односторонние и двусторонние единицы языка;
 - б) языковые знаки;
 - в) синтагматические и парадигматические отношения между языковыми единицами одного уровня.
4. Язык и искусственные знаковые системы.
5. Отсутствие симметрии между типами выражений и содержанием в языке.

1. Обмен информацией в человеческом обществе строится на принципе: адресату сообщения предъявляются не предметы, о которых идёт речь, а некие заместители этих реальностей, вызывающие в сознании образ, представление или понятие об этих реальностях, тогда, когда самих этих реальностей поблизости нет.

Такие заместители называются *знаками*. Знак в собственном смысле имеет место лишь тогда, когда что-то преднамеренно ставится кем-то вместо чего-то другого с целью информировать кого-то об этом.

Все системы средств, используемых человеком для обмена информацией, являются знаковыми, или семиотическими, т.е. системами знаков и правил их употребления. Наука, изучающая знаковые системы, называется семиотикой, или семиологией.

2. Примерами относительно простых знаковых систем могут служить железнодорожный семафор, светофоры разных типов, дорожные знаки, информирующие водителей о тех или иных особенностях предстоящего отрезка пути либо предписывающие или запрещающие выполнение каких-то действий. Рассматривая эти и некоторые другие подобные знаковые системы, мы можем сделать следующие наблюдения:

а) все знаки обладают материальной, чувственно воспринимаемой «формой», которую иногда называют «означающим», а мы будем называть «экспонентом знака»;

б) материальный, чувственно воспринимаемый объект только в том случае является экспонентом какого-то знака, если с этим объектом (или событием) связывается в сознании общающихся та или иная идея, то или иное «означаемое», или, как мы будем говорить, *содержание знака*;

в) очень важным свойством знака является его *противопоставленность* другому или другим знакам в рамках данной системы. Из факта противопоставленности знаков вытекает, что не все материальные свойства экспонентов оказываются одинаково важными для осуществления их знаковой функции: в первую очередь важны именно те свойства, по которым эти экспоненты отличаются друг от друга, их «дифференциальные признаки»;

г) установленная для каждого данного знака связь между его экспонентом и содержанием является *условной*, основанной на сознательной договорённости. Она может быть чисто условной: например, связь между зелёным цветом и идеей «путь свободен». *Мотивированной*, внутренне обоснованной, если экспонент имеет черты сходства с обозначаемым предметом или явлением. Элементы такой изобразительной, наглядной мотивированности мы находим в некоторых дорожных знаках (например, изображение бегущих детей, зигзага дороги, поворота и т.д.);

д) содержание знака есть *отражение* в сознании людей, использующих этот знак, предметов, явлений, ситуаций действительности, причём отражение *обобщённое* и *схематичное*. Так, знак извилистой дороги в каждом конкретном случае своего использования указывает на реальные извилины данной конкретной дороги, вообще же относится к любой извилистой дороге, к классу извилистых дорог, обозначает самый факт извилистости дороги как общую идею, в отвлечении от частного и конкретного. Этим содержанием знак обладает также и тогда, когда никакой извилистой дороги поблизости нет (например, в учебной таблице дорожных знаков).

3. а) язык представляет собой систему знаков и правил оперирования этими знаками. Отдельное высказывание составляет основную единицу речевого общения. Как в любых случаях общения в высказывании различают две стороны:

1) «план выражения» и 2) «план содержания». *План выражения* — это звуковая, материальная сторона высказывания, воспринимаемая слухом (а при письменной передаче высказывания - материальная последовательность начертаний, воспринимаемая зрением). *План содержания* - это выраженная в высказывании мысль, содержащаяся в нём информация, те или иные сопровождающие эту информацию эмоциональные моменты.

Высказывание членится на предложения, следующие друг за другом, либо состоит из одного предложения. Предложение, в свою очередь, членится дальше на значащие части. Минимальная значащая единица, не раскладывающаяся на более мелкие значащие части – морфема. Морфемы - это значащие части слова, такие как корень, приставка, суффикс, окончание.

Минимальное предложение может содержать в себе одно слово, и это слово может быть *одноморфемным*.

Все значащие элементы внутри предложения обладают планом выражения и планом содержания. Лексема и морфема - двусторонние единицы языка.

И в речи, и в языке, кроме двусторонних единиц, существуют единицы *односторонние*. Таковы звуковые единицы, выделяемые в плане выражения и связанные с содержанием лишь косвенно;

б) *языковыми знаками* можно считать, конечно, только значащие, двусторонние единицы, и прежде всего слово и морфему. Значение, выражаемое словом или морфемой, есть содержание соответствующего знака. Материальным экспонентом знака является звучание (написание) слова или морфемы.

Фонемы, будучи единицами односторонними, не являются знаками, но служат «строительным материалом» для знаков.

Многоярусность языковой структуры обеспечивает существенную *экономия языковых средств* при выражении разнообразного мыслительного содержания. Всего из нескольких десятков фонем, с помощью их различных комбинаций, язык создаёт экспоненты для тысяч морфем. Сочетаясь различным образом, морфемы составляют уже сотни тысяч слов со всеми их грамматическими формами;

в) между языковыми единицами одного уровня (словом и словом, морфемой и морфемой, фонемой и фонемой) существуют отношения двух видов - *парадигматические* и *синтагматические*. *Парадигматические* отношения - это отношения взаимной противопоставленности в системе языка между единицами одного уровня, так или иначе связанными по смыслу. *Синтагматические* отношения - это отношения, в которые вступают единицы одного уровня, соединяясь друг с другом в процессе речи или в составе единиц более высокого уровня. Имеется в виду, во первых, самый

факт сочетаемости. Во-вторых, имеются в виду смысловые отношения между единицами, совместно присутствующими в речевой цепи.

4. а) экспоненты морфем и слов, как и экспоненты дорожных и иных знаков, материальны: в процессе речи морфемы и слова воплощаются в звуковой материи, в звучании (а при письменной фиксации - в материальном начертании);

б) все морфемы и слова обладают, как и неязыковые знаки, тем или иным содержанием: в сознании людей, знающих язык, они связываются с соответствующими предметами и явлениями, вызывают мысль об этих предметах и явлениях и, таким образом, несут определённую информацию;

в) подобно неязыковым знакам, морфемы языка и его слова участвуют в разнообразных противопоставлениях. Именно в силу противопоставления, как и в искусственных знаковых системах, возможны случаи нулевого экспонента, а у положительных экспонентов не все материальные свойства являются существенными;

г) как и в искусственных системах, связь между экспонентом и содержанием языкового знака может быть либо чисто условной, либо в какой-то степени мотивированной. Но в языковых знаках изобразительная мотивированность экспонента встречается относительно редко, главным образом в звукоподражательных словах (*кукушка, мяукать* и т.д.), точнее - в их корневых морфемах (*куку-*, *мяу-*). Большинство же знаков языка характеризуется чисто традиционной связью между экспонентом и содержанием (то, что называют «описательной мотивированностью»);

д) содержание знаков искусственных систем есть отражение в сознании человека предметов, явлений, ситуаций действительности. Знаки эти служат средством обобщения и абстракции. Это в ещё большей мере относится к знакам языка, фиксирующим результаты абстрагирующей работы человеческого мышления. Только так называемые имена собственные (*Эльбрус, Саратов*) обозначают (и, следовательно, отражают в своём содержании) индивидуальные предметы (определённую реку, определённую гору и т.д.). Все остальные языковые знаки обозначают классы явлений и предметов, и содержание этих знаков представляет собой обобщённое отражение действительности.

Итак, знаки языка во многом сходны со знаками других знаковых систем, искусственно созданных людьми. Сходство это таково, что язык, без сомнения, нужно считать системой знаков и правил их функционирования. Вместе с тем язык - знаковая система особого рода, заметно отличающаяся от искусственных систем.

Прежде всего язык - универсальная знаковая система. Он обслуживает человека во всех сферах его жизни и деятельности и поэтому должен быть

способен выразить любое новое содержание, которое может понадобиться. Искусственные системы, рассмотренные нами выше, не таковы. Все они – специальные системы с узкими задачами, обслуживающие человека лишь в определенных сферах, в определенных типах ситуаций. Все типы ситуаций, для которых созданы эти искусственные системы, в принципе предусмотрены заранее при создании системы. Если возникает потребность выразить какое-то новое содержание, требуется специальное соглашение, вводящее в систему новый знак, т.е. изменяющее систему. Знаки в искусственных системах либо вовсе не комбинируются между собой в составе одного «сообщения», либо же комбинируются в строго ограниченных рамках, и эти комбинации обычно точно фиксируются в виде стандартных сложных знаков. Напротив, количество содержаний, передаваемых средствами языка, в принципе безгранично. Эта безграничность создаётся, во-первых, очень широкой способностью к взаимному комбинированию и, во-вторых, безграничной способностью языковых знаков получать по мере надобности новые значения, необязательно утрачивая при этом старые. Отсюда — широко распространённая многозначность языковых знаков.

Язык — система, по своей внутренней структуре значительно более сложная, чем искусственные системы. Сложность проявляется здесь уже в том, что целостное сообщение лишь в редких случаях передаётся одним целостным языковым знаком. Обычно же сообщение, высказывание есть некая комбинация большего или меньшего числа знаков. Это комбинация свободная, создаваемая говорящим в момент речи, комбинация, не существующая заранее, не стандартная (хотя и строящаяся по определённым «образцам», моделям предложений). Языковой знак, как правило, есть лишь компонент высказывания; он даёт не целостную информацию, соответствующую определённой ситуации, а лишь частичную информацию, соответствующую отдельным элементам ситуации, на которые этот знак указывает, которые он выделяет, называет и т.д. При этом знак, в свою очередь, может быть простым, элементарным (т.е. морфемой) или сложным (многоморфемным словом, так называемым устойчивым сочетанием слов вроде белый гриб). Некоторые языковые знаки являются «пустыми», т.е. не обозначают никаких «внеязыковых реальностей». Эти знаки выполняют чисто служебные функции. Сложность структуры языка проявляется в том, что в языке есть не только ярус, лежащий «выше» знакового, - ярус предложений и свободных (переменных) словосочетаний, но также и ярус, лежащий «ниже» знакового, ярус «незнаков», или «фигур», из которых строятся (и с помощью которых различаются) экспоненты знаков.

5. Каждый язык складывался и изменялся стихийно, на протяжении тысячелетий.

Поэтому в каждом языке немало «нелогичного», «нерационального» т.е. между планом содержания и планом выражения нет симметрии. Во всех языках немало знаков с полностью совпадающими экспонентами, так называемых омонимов, например лук (растение) и лук (оружие), что следует отличать от многозначности, когда один знак (например, петух) помимо своего «прямого» значения, обладает ещё другим, логически выводимым из первого («забияка»). Иногда язык допускает разное осмысление одного и того же сочетания знаков. Так, *Я знал его ещё ребёнком* может означать «когда он был ребёнком» и «когда я был ребёнком». Встречаются в языках и знаки, полностью совпадающие по содержанию, так называемые абсолютные синонимы, например *огромный* и *громадный*. При всей принципиальной экономичности своей структуры язык оказывается иногда очень расточительным и в пределах одного сообщения выражает одно и то же значение несколько раз. Подобная избыточность не является недостатком: она позволяет принять и правильно понять речевое сообщение даже при наличии помех. Наконец, в отличие от знаков искусственных систем, в значении языковых знаков нередко входит эмоциональный момент (ср. ласковые слова и, напротив, ругательства, так называемые суффиксы эмоциональной оценки, наконец, интонационные средства выражения эмоций).

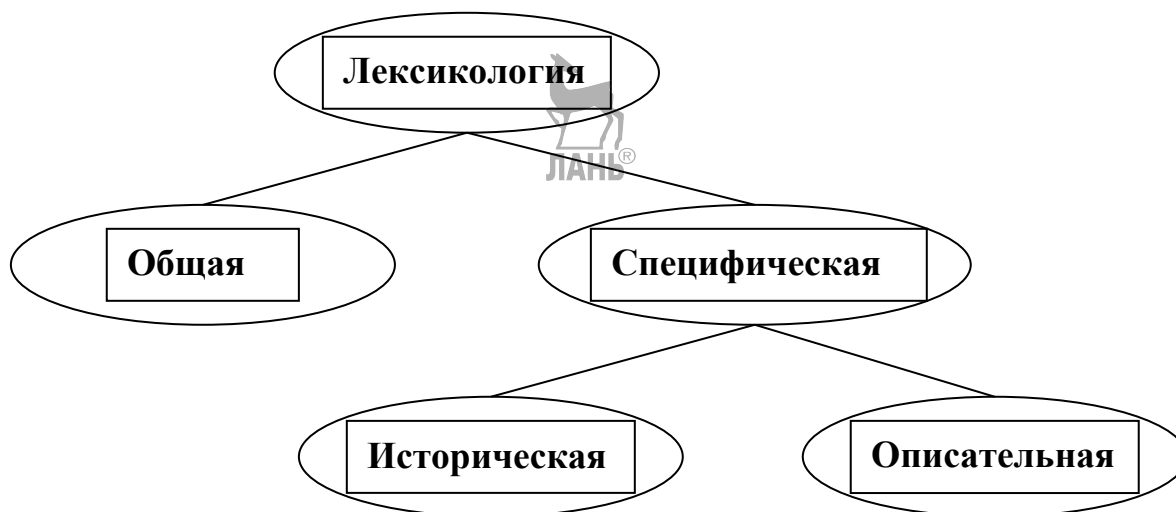
Часть 2. Лексикология английского языка

Предмет лексикологии

1. Определение терминов «лексикология», «словарный состав», «слово».
2. Общая и специфическая лексикология.
3. Историческая и описательная лексикология.
4. Два основных научных подхода в лексикологии.
5. Социальная природа словарного состава языка. Социолингвистика.

1. **Лексикология** (от греческого «lexis» – «слово» и «logos» – «учение») – это раздел лингвистики, занимающийся словарным запасом языка и свойствами слов как главных языковых единиц. Термин «словарный состав» обычно означает систему, сформированную общей суммой всех слов, которыми обладает язык. Термин «слово» обозначает базовую единицу рассматриваемого языка, складывающуюся из ассоциации определенного значения с особой группой звуков, подчиняющуюся законам грамматики. Поэтому слово – это одновременно семантическая, грамматическая и фонологическая единица.

Лексикология подразделяется на общую и специфическую. Специфическая лексикология может быть исторической и описательной (см. схему ниже).

2. **Общая лексикология** – это наука о словах и словарном составе, вне зависимости от характеристик определенного языка.

Лингвистические явления и особенности, общие для любого языка, называются **лингвистическими универсалиями**. **Специальная лексикология** занимается описанием характерных особенностей словарного запаса языка. Она основана на принципах общей лексикологии и в дальнейшем формирует часть общей лингвистики.

3. Эволюция любого словаря, так же как и отдельных его элементов, является предметом **исторической лексикологии**. Эта область лингвистики рассматривает происхождение различных слов, их изменение и развитие и исследует лингвистические и внелингвистические силы, формирующие их структуру, значение и использование.

Описательная лексикология занимается словарным запасом конкретного языка на заданном уровне развития. Она изучает функции слов и их специфическую структуру как неотъемлемую характеристику системы.

Несмотря на достигнутые успехи, лексикология как отдельная область лингвистики все еще находится на ранней стадии развития.

4. В лексикологии существуют два основных научных подхода: синхронный и диахронный. **Историческое** или **диахроническое** (от греческого «*dio*» - «через» и «*chronos*» - «время») и **описательное** или **синхроническое** (от греческого «*sin*» - «вместе») – различные методологические отличия в подходе, искусственно отделяющие с целью изучения то, что в настоящем языке неразделимо, так как в действительности каждая лингвистическая структура и система существуют в состоянии постоянного развития. Различие между синхронным и диахронным подходом открыто швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857-1913). Язык – это реальное выражение мысли, а мысль изменяется вместе с развитием общества, поэтому язык и словарный запас должны изучаться в свете социальной истории. Например, современное значение «*to sack*» увольнять произошло от «*to get a sack*» получить свой мешок с инструментами, что означало увольнение работника.

Социальная природа языка и его словаря не ограничена социальной сущностью внелингвистических факторов, влияющих на них извне своим развитием. Так как язык является средством коммуникации, социальная сущность неотъемлема для него. Целые группы говорящих на языке, например, должны совпасть в отклонении, если оно приводит к лингвистическому изменению. Например:

Karah'ohr panav – хебру (сияющая кожа).

Cornuta esset facies sua – лат., IV в.н.э.

Пер. Св. Жерома (кожа с рогами).

Все изображения Моисея – с рогами (Микеланджело – собор Св. Петра).

Область лингвистики, занимающаяся случайными отношениями между способом работы языка и его развитием, с одной стороны, и фактами социальной жизни с другой, называется **социолингвистикой**. Всегда нужно иметь в виду важность различия между синхроническим и диахроническим подходами. Однако крайне важно принять во внимание тот факт, что в языковой действительности

эти два аспекта взаимозависимы и не могут быть поняты один без другого. Каждое лингвистическое исследование должно сохранять разумный баланс между этими двумя подходами.

Понятие лексической системы

1. Системный характер словарного состава: основной подход.
2. Структура системы.
3. Явные лексические характеристики, лексическая оппозиция, приближение, комбинаторные возможности слова.
4. Словарный состав как лексико-семантическая система. Морфология и семасиология.
5. Синтагматические и парадигматические отношения. Контекст.

Теоретическое и практическое значение лексикологии

1. Множество дискуссий было проведено между российскими и западными учеными относительно различных проблем систематической природы языкового словарного запаса. Российские ученые в настоящее время используют подход, основанный на диалектике и учении общей взаимосвязи и взаимозависимости явлений в природе и обществе.

2. Понятие «**система**» определяет однородное целое, образованное взаимозависимыми элементами одного порядка, связанными определенными специфическими способами. **Лексикология** изучает это целое (словарный состав языка), определяя сходства и различия его элементов, существующих в языке, и способы, которыми на них влияет внелингвистическая реальность.

Слово «sea», например, означает не только большое пространство соленой воды, противостоящее суше и пресной воде, но и:

mountainous sea – горный массив;

a sea of troubles – море проблем.

Используемое в качестве определения, данное слово показывает связь с реальным морем, например:

sea air – воздух, характерный для морского побережья.

Внешняя реальность иногда прямо отражена в слове. Слово «splash» возникло благодаря схожести между звуками, которые производят его, относящимися к его значению.

Однако чаще встречается звуковая форма слова, только в общем отражающая свойства представляемого предмета. Мотивация здесь не прямая и базируется на различных аналогиях, как, например, в фигуративных вариантах:

the leg of the table – ножка стола;

the mouth of the river – устье реки;

the heart of the matter – суть вопроса.

Слово также может зависеть от контекста (немотивированное словосочетание), например, dry sea.

Отражение объективной реальности выборочно, так как человеческая мысль и язык выбирают, связывают и обозначают предметы в зависимости от деятельности человека.

3. Термин «**лексически определенная характеристика**» («**явная лексическая характеристика**») употребляется в отношении характеристик, способных отличить слово в морфологической форме или значении от схожих слов и вариантов. **Лексическая оппозиция** определяется как семантически важное отношение частичного различия между двумя частично схожими словами.

Pool, pond, lake, sea, ocean: сходство – ограниченные водные пространства, различия – размер, состав.

Термин «система» применительно к словарю не является строгим. Словарная система не может четко и полностью характеризоваться определенными функциями. Приближение всегда возможно путем неприятия во внимание определенных вещей. Ни сравнение, ни оппозиция невозможны без сходства. Например, существительные образуются от прилагательных с помощью суффикса –ness:

short – shortness;
narrow – narrowness,
но long – length;
deep – depth;
big – size.

Вторая аналогия становится ограничением в работе первой. Более того, отношение прилагательного big с остальной системой еще более непредсказуемо, так как наиболее коррелировано с существительным size. Семантическая корреляция тогда представляет собой следующее:

short/shortness = narrow/narrowness = shallow/ shallowness;
long/length = wide/width = deep/depth;
big/size.

Последнее, но не малое значение имеет тот факт, что все лексические единицы зависят от контекста. Изучение лексической системы должно включать в себя изучение возможностей комбинации слов, то есть их возможности определяются по установленному образцу. Такими способностями являются валентность, коллигация (связь, обобщение) и коллокация (расположение слов в предложении), способность к комбинациям. Например:

to fall in love;
to fall out of love;
to dump one's love;
love at first sight;
long-lost love;
to be truly, madly and deeply in love;
to be under love's spell.

4. Учитывая все вышеперечисленные ограничения, мы, тем не менее, представляем словарь как **лексико-семантическую** систему, потому что все его элементы, некоторым образом связанные между собой, не имеют значения без

взаимосвязей схожести и контраста, которые есть между ними, и сгруппированы в ряды в соответствии с различными характеристиками схожести. Некоторые авторы, такие как Х. Свит и О. Ясперсен, особенно настаивают на точке зрения, что словарный запас и грамматика - это системы, утверждая, что «грамматика изучает общие явления языка, а лексикология – частные». Данное мнение иллюстрировано образованием множественного числа существительных с помощью добавления – s. Это общее явление, потому что противопоставление cat – cats не является частным случаем, а повторяется в случаях со многими другими словами: rats, hats, works, cups, hooks, chiefs. Ясперсен сталкивается с трудностью, представленной такими исключениями как ox – oxen. Однако он преодолевает ее, заявляя, что исключение подтверждает правило.

Грамматика еще не очень хорошо определенная система, это также вероятностная система, хотя и намного более строгая по сравнению со словарной системой. Взаимосвязь элементов внутри слов обнаруживается при рассмотрении лексической системы как сложной морфологической и семантической структуры. **Морфология** (от греческого «morphē» – «форма» и «logos» – «учение») представляет английское слово как структуру, описанную с точки зрения морфем и образцов, в соответствии с которыми морфемы организованы. Семасиология (от греческого «semasia» – «значение» и «logos» - учение) изучает **семантическую структуру** слов, описанных с точки зрения лексико-семантических вариантов и дистрибутивных условий, важных для определения, являются ли варианты одинаковыми или отличаются.

5. Лингвистические отношения между словами делятся на **синтагматические** и **парадигматические**. Синтагматические отношения основаны на линейном характере речи, то есть на влиянии контекста. Термин «**контекст**» определяется как минимальный отрезок речи, необходимый и достаточный для определения того, какое из возможных значений полисемантического слова используется. Например:

blue eyes – синие глаза;

to feel blue – чувствовать себя печальным.

В некоторых случаях недостаточно микроконтекста, то есть выражения или синтагмы, и необходим более широкий контекст или макроконтекст. Например, в «Записках Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса мы сталкиваемся с фразой: There were Blue shops and Buffs shops, Blue inns and Buff inns. Чтобы понять эту фразу, читатель должен знать, что Blues и Buffs - это главные конкурирующие партии в городе, представляющие две главные английские партии того времени – виги (либералы) и тори (консерваторы).

Для понимания выражения blue stoking (чулок, клуб, старая дева) также может быть необходим макроконтекст.

Синтагматические отношения изучаются посредством контекста, валентности, дистрибуции, преобразования и некоторых других типов анализа.

Парадигматические лингвистические отношения, определяющие словарную систему, основываются на взаимосвязи слов в словаре.

Сравнивая слова внутри одной семьи слов, можно увидеть, что разница в значении может быть обозначена различием в расположении морфем:

- перемещением

house-dog – dog-house;

- противопоставлением исходных морфем

doggish – собачий,

doggedly – напористо, упрямо;

- различием в морфемной композиции и исходных образцах

dog – собака,

doggedly – настырно.

Этот же принцип контрастов подходит для тематических групп. Значение слова blue, например, зависит от названия цвета, который может быть противопоставлен ему: red, yellow, green, brown и прочее; оно отличается от русского слова «синий», которое может быть противопоставлено в той же тематической группе не только желтому и зеленому, но и голубому.

Диахронически взаимозависимость слов в пределах лексических подсистем просматривается как сдвиги (перенос) значений существующих слов, когда новое слово вводится в семантическую сферу. Характерным примером является влияние заимствованных слов на родные слова языка. Изначально «harvest» (нем. «herbst») означало «сбор зерна», а также «сезон жатвы». Начиная с конца XIV в., после римского периода, было заимствовано слово «autumn» - «осень», второе значение исходного слова «harvest» было утеряно и трансформировано на слово «autumn».

Теоретическое значение лексикологии становится очевидным, если мы понимаем, что она изучает три основных аспекта языка, а именно словарный состав и его грамматическую и звуковую системы.

Лексикология возникла для удовлетворения потребностей различных областей прикладной лингвистики: лексикографии, литературной критики, терминологии, передачи информации и преподавания иностранных языков. Она особенно полезна в построении учебного словаря путем эффективного отбора, группирования и анализа новых слов. Лексикология не только дает систематическую расшифровку нововведений в словаре, но и помогает студентам овладеть литературными стандартами использования слов. Правильное использование слов является важной частью выразительной речи. Лексикология также развивает необходимые навыки пользования различными видами словарей и справочников и готовит к будущей независимой работе по расширению и усовершенствованию собственного словаря.

Мотивация

1. Определение мотивации. Три основных типа мотивации.
2. Немотивированные слова.
3. Исторический характер изменения мотивации.
4. Звуковой символизм.

1. Термин **мотивация** используется для обозначения отношений между морфемным или фонемным составом и структурой слова, с одной стороны, и его значением с другой. Существуют три главных типа мотивации: **фонетическая, морфологическая и семантическая**.

Слово *hiss* мотивировано главным образом схожестью между звуками, которыми оно создано и которые оно означает: это фонетическая мотивация. Например: *bang, buzz, cuckoo, gurgle, purr, whistle*.

Изначально слово *rethink* мотивировано, поскольку его морфологическая структура предполагает «обдумывание заново», т.к. приставка *re-* означает «повтор». Такая мотивация называется морфологической. Считается, что на этом уровне мотивация прекращается: окончательные составляющие, морфемы *re-* и *-think* – не мотивированы. Сравните: *detainee, maneuverable, prefabricate, racialist (расист), self-propelling, vitaminize*.

Что касается сложных слов, то их мотивация – морфологическая, если значение в целом базируется на буквальном значении компонентов, и семантическая, если комбинация используется фигуративно. *Eyewash* в значении «лосьон для глаз» мотивировано морфологически. Такая же мотивация существует для таких сложных слов как *air-taxi, crash-land* (место катастрофы), *pressure-cabin* и т.д.

Если же, с другой стороны, *eyewash* используется метафорически и означает «нечто сказанное или сделанное, чтобы обмануть человека таким образом, чтобы тот думал, будто все хорошо понимает, хотя это и не так», мотивация – семантическая. Сравните также: *heart-breaking, time-server* (приспособленец), *lick-spittle* (подхалим).

Семантическая мотивация основывается на сосуществовании прямого и фигуративного значений, то есть старого и нового смысла в пределах одной синхронной системы. Например, *mouth* продолжает означать часть человеческого лица и, в то же время, метафорически это слово означает нечто открытое: например, *the mouth of the river*. В прямом значении *mouth* не мотивировано, так что семантическая мотивация в данном случае также относительна.

2. Когда связь между фонетической и морфологической структурой слова и его значением общепринята и при этом нет четкой причины для наличия у слова определенной фонемической формы и морфологической композиции, слово называется **немотивированным**. Разница между мотивированным и немотивированным словом такая же, как между символом и знаком. Знак просто указывает на значение. Значение символа не произвольно, зависит от его структуры.

3. С исторической точки зрения мотивация изменяется с течением времени. Немотивированные слова в настоящем могли потерять свою мотивацию вследствие изменений в словаре, их мотивация считается **исчезнувшей**. Глагол *earn* в современном английском языке не предполагает обязательную связь с сельским хозяйством. Он является чисто условным. Исторический анализ показывает, однако, что это слово произошло от ОЕ (*ze-earnian* («собирать урожай»). В современном английском языке эта связь больше не существует, мотивация утеряна, и сейчас *earn* – немотивированное слово.

4. Некоторые лингвисты предполагают еще один тип мотивации, близкий к имитации форм, именуемый звуковым символизмом. Суть его в том, что некоторые слова предполагают более четкую иллюстрацию значения, чем обычные. Так как одинаковые комбинации звуков используются в семантически одинаковых словах, они становятся теснее связанными со значением. Например: *flap, flip, flop, flitter, flimmer, flicker, flutter, flash, flush, flare; glare, gloat, glimmer; sleet, slime, slush*, где *fl* ассоциируется с быстрым моментом, *gl* – со светом и огнем, *sl* – с грязью. Подход звукового символизма не слишком распространен. Существует множество слов, например, содержащих начальные сочетания *fl*, но не ассоциированных с быстротой или любым другим движением и даже означающих противоположное: *flat, floor, flour*.

Основные проблемы теории слова

1. Определение понятия.
2. Описание понятия.
3. Неделимость слова.
4. Позиционная мобильность слова.
5. Материалистическое определение слова.

1. **Определение** должно отражать наиболее важные характерные черты понятия, выраженного термином, характеристики, которыми это понятие отличается от других похожих. Например, в определении слова его необходимо отличать от других лингвистических единиц, таких как фонема, морфема или словосочетание.

2. **Описание понятия** перечисляет все его необходимые характеристики. Определение понятия очень сложно, так как даже простейшие понятия имеют много различных аспектов. Они имеют звуковую форму, морфологическую структуру, могут существовать в различных словоформах и иметь различные значения. Все попытки охарактеризовать понятие специфичны для каждой области науки и поэтому являются односторонними с точки зрения представителей других областей знания и критикуются ими за неполноценность.

3. Слово нельзя разделить, не нарушая его значения. Сущность неделимости может быть ясно представлена при сравнении артикля *a* и приставки *a-* в случае *a lion* и *alive*, где *a lion* – это группа слов, так как можно их разделить и вставить между ними другие слова:

a living lion – a dead lion;

alive – одно слово, так как структурно неделимо и между его элементами нельзя вставить ничего, морфема *a* не свободна, и не является словом.

Такой подход усложнен раздельным написанием. Например, Оксфордский словарь не включает местоимения *each other* и *one another* в отдельные словарные статьи, хотя они, безусловно, должны анализироваться как словарные единства, а не группы слов, так как они стали неделимы: мы говорим *with each other*, *with one another* вместо устаревшего *one with another* или *each with other*. *Altogether* – это, исходя из написания, одно слово, но как тогда рассматривать *all right*, которое является похожей комбинацией? ЛАНЬ®

4. Слово характеризуется позиционной мобильностью в предложении и является мельчайшей значимой единицей языка, которая может **функционировать самостоятельно**.

5. Суммируя наш обзор различных определений слова, приходим к заключению, что они сильно зависят от подхода и цели, преследуемой учеными. Поэтому для всестороннего изучения слова описание кажется более подходящим подходом, чем определение.

Слово является основной фундаментальной единицей языка. Оно представляет собой диалектическое единство формы и содержания.

Связь лексикологии со стилистикой, фонетикой и грамматикой

1. Взаимосвязь элементов языковой системы.
2. Связь лексикологии с фонетикой.
3. Связь лексикологии со стилистикой.
4. Связь лексикологии с грамматикой.

1. В реальном процессе общения все элементы языка взаимозависимы и находятся в определенных отношениях друг с другом. Слово изучается не только в лексикологии, но и в общей лингвистике, истории языка, фонетике, стилистике и, особенно, грамматике.

2. Связь лексикологии с **фонетикой** очень важна, так как акустический уровень слов состоит из фонем и, следовательно, фонемы принимают участие в формировании значения. Однако они не имеют своего собственного значения.

Единство формы и значения устанавливается на более высоком уровне – уровне морфем. Тем не менее, фонемы не являются лексикологически нерелевантными, так как их функция – создать морфемы, которые служат для различия значений.

Слово как единица определяется рядом фонологических характеристик. Фонемы следуют друг за другом в фиксированной последовательности. Вся важность фонетической последовательности и расположения может быть обнаружена при перестановке частей слов. Например:

Our queer old dean изменяется на *our dear old queen*.

Между словами могут быть родственные отношения. Слова *whole, heal, hail* этимологически связаны. *Whole* изначально означало «целое». Глагол *whole* означал «to make whole», то есть «лечить». Значение «здоровый» привело к его использованию как приветствия *hail*. Теряя в процессе исторического развития свою фонетическую схожесть, такие слова сейчас не могут оказать ни малейшего ограничительного влияния на дальнейшее семантическое развитие друг друга.

Значение слова неразрывно связано с фонемическим анализом, так как для установления фонемической разницы, например, между [ou] и [ɔ], достаточно знать, что [hoʊp] отличается по значению от [hɔp].

3. **Стилистика** изучает проблемы лексикологии под другим углом. Это проблемы значения, синонимии, различия словаря в зависимости от сферы общения и некоторые другие. Для читателя, не обладающего знаниями об истории слова, образы скрывают свои корни и стилистические возможности, существенная часть значения литературного текста, прозы или поэзии, потеряны.

4. Тесная связь между лексикологией и грамматикой определяется многосторонними связями между объектами изображения. Даже изолированные слова, представленные в словаре, имеют определенное отношение к грамматической системе языка, так как относятся к определенной части речи и соответствуют лексико-грамматическим характеристикам класса слов, к которому они относятся. Наряду с лексическим, они обладают грамматическим значением. Оба значения часто взаимозависимы. Определенные грамматические значения и функции возможны только для слов, чье лексическое значение делает их подходящими для этих функций. С другой стороны, некоторые лексические значения в некоторых словах наблюдаются только в определенных грамматических функциях и формах. Например, функция глагола-связки в сложном сказуемом не может быть осуществлена любым непереходным глаголом, но часто осуществляется глаголами движения:

come true, go wrong, turn red, run dry, run mad и другими подобными комбинациями, имеющими значение «становиться чем-либо».

С другой стороны, грамматическая форма и функция слова влияют на его лексическое значение. Хорошо известный пример – глагол *go*, когда он используется во временах группы Continuous, то имеет смысловое значение, а когда за ним следует частица *to* и инфинитив (кроме *go* и *come*), он служит для выражения действия в ближайшем будущем или запланированного будущего действия. Например:

You are not going to sit here saying nothing all the evening?

Одно и то же слово в некоторых его значениях может быть смысловым, в то время как в других – служебным, то есть служить для определения отношений и функций других слов. Например:

- *What you do's nothing to do with me* – здесь *do* имеет значение смыслового глагола;

- *It doesn't interest me* – здесь он же является служебным.

Семасиология

1. Предмет и задачи семасиологии.
2. Различия терминов «семантика» и «семасиология».

1. **Семасиология** – область изучения языка, занимающаяся значением слов. Название произошло от греческого *semasia* – значимость (*sema* – знак и *sematicos* – значимый). Семасиология не исследует все виды лингвистического значения, она имеет дело только с лексическим значением и может быть рассмотрена как раздел лексикологии.

Это не значит, что семасиологист не должен обращать внимание на грамматическое значение. Наоборот, должен быть принят во внимание тот факт, что грамматическое значение оказывает специфическое влияние на лексическое. С диахронической точки зрения, семасиология изучает изменения в значении, которым подвергается слово. Описательный синхронический подход изучает не отдельные слова, а семантические структуры, типичные для изучаемого языка, и общую семантическую систему.

Основные предметы изучения семасиологии – это семантическое развитие слов, его причины и классификация, важные отличительные характеристики и типы лексического значения, полисемия и семантическая структура слов, семантическое группирование и связи в словарной системе, то есть синонимы, антонимы, терминологические системы и прочее.

2. Оба термина «семасиология» и «семантика» часто неосторожно используются как синонимы. В действительности первый термин

предпочтительней, так как является менее двусмысленным. Он имеет только упомянутое в пункте одно значение. Термин «семантика» включает несколько различных значений. Он используется для обозначения изучаемого явления, то есть значения слов или фраз. Такой же двойной цели служат термины «фонетика» и «грамматика». Однако в случае «семантики» существуют другие значения, незначительно отличающиеся от лингвистического и создающие путаницу.

«Академическая семантика» или так называемая «чистая семантика» - это направление **символической и математической логики**, основанное Р. Карнапом. Её целью является построение абстрактной теории отношений между предметами и их обозначениями. Она является частью семиотики, изучающей обозначения и языки в общем, включая все виды кодов, таких, как военные сигналы, дорожные знаки и прочее. В отличие от лингвистической семантики, которая работает с реальными языками, **чистая семантика** изучает формализованный язык.

Неоспоримо, что «семантика» - менее четкий термин по той причине, что наличие в нем нескольких различных обозначений создает путаницу.

Полисемия

1. Определение полисемии.
2. Формы существования полисемии.
3. Лексико-семантический вариант.

1. **Полисемия** – это явление, которое имеет исключительную важность для описания языковой системы и для решения практических задач, связанных с адекватным пониманием значения слова и его использования.

Слово может иметь несколько значений. В этом случае оно называется **полисемантическим**. Слова, имеющие только одно значение, называются **моносемантическими**. Такие слова составляют меньшинство в языке. Это, главным образом, научные термины. В английском языке преобладают полисемантические слова. **Значения** слов фиксированы и привычны для большинства людей, знающих лингвистическую систему. **Способ употребления** – только возможное применение одного из значений полисемантического слова, иногда очень индивидуальное, иногда более-менее общепринятое. Значение – не идентично способу употребления.

2. Особенно важен тот факт, что полисемия существует только в языке, а не в речи. Значение слова в речи зависит от контекста. Полисемия не мешает коммуникативной функции языка, так как в каждом отдельном случае ситуация или контекст, то есть окружение слова, отбрасывает все ненужные значения и делает речь однозначной.

3. **Лексико-семантический вариант** – это двусторонняя единица, формальная сторона которой – звуковая форма слова, в то время, как смысловая сторона – одно из значений данного слова, то есть обозначение определенного класса объектов. Слова с одним значением представлены в языковой системе одним лексико-семантическим вариантом, полисемантические слова – определённым числом лексико-семантических вариантов.

Все лексико-семантические варианты слова формируют однородную семантическую структуру, определяющую единство и уникальность данного слова. Все лексико-семантические варианты объединены вместе определенным значением – семантической осью слова, называемой семантическим центром слова. Следовательно, семантический центр слова – часть значения, которая остается неизменной во всех лексико-семантических вариантах слова.

Омонимия

1. Фонетическое совпадение и семантическое различие.

2. Классификация омонимов:

а) собственно омонимы;

б) омофоны;

в) омографы.

3. Теория оппозиций.

1. Многие слова, особенно часто употребляемые, не соединяются со значением в соотношении 1:1. Один символ, как правило, служит для передачи нескольких значений. Это явление противоположно синонимии, где несколько символов соответствуют одному значению.

Два и более слова, идентичных по звучанию и/или правописанию, но различных по значению, употреблению, происхождению, называются омонимами. Данный термин заимствован из греческого языка (от греческого *homos* – *схожий* и *опота* – *имя*) и выражает сходство в имени при разнице значений.

Например:

1) fast – быстрый (run fast = quickly);

2) stand fast = firmly;

3) fast – голод.

A clean fast is better than a dirty breakfast. – Чистый пост лучше, чем грязный завтрак.

Все возможные значения каждого лингвистического знака отражаются в словарях. Лексикографы определяют границы каждого слова, то есть различают омонимы и объединяют варианты, решая в каждом случае: относится ли другое значение к тому же полисемантическому слову или его необходимо

рассматривать как другое слово, идентичное первому по форме. В речи, однако, только одно из возможных значений определяется контекстом, поэтому недопонимания обычно не возникает. Комбинация двух или более значений в рамках одного предложения может быть либо шуткой, либо небрежностью.

Is life worth living?

It depends on liver. – Все зависит от живущего/от печени.

Омонимы существуют в различных языках, но для английского языка они наиболее типичны, особенно среди односложных слов. Оксфордский словарь дает список из 2540 омонимов. Из них 89% - односложные и 9% - двусложные. С точки зрения структуры – это в основном, одноморфемные слова.

2. Общепринятой является классификация, подразделяющая омонимы на собственно омонимы, омофоны и омографы.

а) **собственно омонимы** – это слова, одинаковые по произношению и написанию.

Например:

back – спина, отступать, сзади,

bark – лай, лодка, грубо говорить, кора дерева.

Важно, что омонимы – это отдельные слова, а не различные значения одного слова;

б) **омофоны** – это слова одного звучания, но различного правописания и значения.

Например:

air – heir,

arms – alms (милостыня),

ore – oar,

piece – pease,

rain – reign,

scent – cent – sent,

steel – steal,

storey – story,

write – right – rite и многие другие.

The playwright on my right thinks it right that some conventional rite should symbolize the right of every man to write as he pleases. – Драматург справа от меня полагает правильным, что некоторое традиционное правило должно символизировать право каждого писать, что он хочет. – Здесь звуко сочетание [rait] является существительным, наречием, глаголом и прилагательным; имеет три различных написания и шесть различных значений.

Различие может быть обозначено использованием заглавной буквы как, например, в *bill* и *Bill*:

- *How much is my milk bill?*
- *Excuse me, Madam, but my name is John.*

С другой стороны, целые выражения могут быть омофонами. Например:
The sons raise meat. – The sun's rays meet.

Чтобы понять данные выражения, необходим широкий контекст. Например, если вы слышите второе выражение в курсе лекций по оптике, вы его поймете как отражающее взаимодействие солнечных лучей;

в) **омографы** – это слова, различные по звучанию и значению, но случайно идентичные по правописанию. Например:

bow [bou] – bow [bau],

лук – поклон;

row [rou] – row [rau],

ряд – скандал;

wind [wind] – wind [waind],

ветер – заводить (часы), извиваться, виться.

3. Более широкая система может быть выработана, если мы будем руководствоваться теорией оппозиции и при классификации принимать во внимание разницу или одинаковость парадигмы и базовой формы. Когда несколько взаимосвязанных значений ассоциируются с одной и той же формой, слово называется полисемантическим. Когда два или более невзаимосвязанных значений ассоциируются с одной и той же формой, эти слова – омонимы. Когда две или более формы ассоциируются с одним и тем же или почти одним и тем же значением, эти слова – синонимы. Форма может быть фонетической и графической, значение – лексическим и грамматическим, слово может иметь парадигму грамматической формы, отличную от базовой формы.

Термин «почти одно и то же лексическое значение» означает, что соответствующие члены оппозиции имеют несколько общих инвариантов семантических компонентов. «Одно и то же грамматическое значение» подразумевает, что оба члена относятся к одной и той же части речи.

Диахроническая и синхроническая омонимия

1. Диахроническая омонимия.
2. Синхроническая омонимия.

Домашнее задание: выписать все значения слова “mail” из толкового словаря.

1. Интенсивное развитие омонимии в английском языке, совершенно очевидно, является результатом действия ряда взаимосвязанных факторов, прежде всего таких, как его односложный характер и аналитическая структура.

В современном английском языке флексии практически исчезли и заменились отдельными словами абстрактного характера (предлогами, вспомогательными глаголами и так далее), определяющими отношения, ранее выражавшиеся флексиями.

Изобилие омонимов тесно связано с характерной чертой английского языка – фонетической идентичностью слова и основы или преобладанием свободных форм среди наиболее часто употребляемых корней. Если частота употребления слов обратно пропорциональна их длине, то односложные слова оказываются самыми часто употребляемыми.

Так как наиболее часто употребляемые слова являются высоко полисемантическими, естественно, что они развивают значения, которые с течением времени могут очень сильно удаляться от первоначального. Когда промежуточные связи умирают, некоторые из этих значений теряют связь с первоначальной структурой и начинают отдельное существование. Это явление называется **распадом** или **расщеплением полисемии**.

Таким образом, причины возникновения омонимии могут подразделяться на две основные группы:

1) омонимия посредством конвергенции звукового развития, когда два или три слова различного происхождения случайно совпадают по звучанию;

2) омонимия, возникающая из полисемии посредством дивергентного развития.

Обе группы могут комбинироваться с потерей окончания и другими морфологическими процессами. Например, два различных латинских глагола *cadere* – падать и *capere* – держать являются основой омонимов *case*: 1) случай: *cadere* → *casus* → *cas* (ст. фр.) → *case*;

2) коробка: *capere* → *capsa* → *casse* (ст. фр.) → *case*.

В действительности, первое значение получено от старофранцузского *cas* = лат. *casus* = падение. Второе значение произошло от северного наречия старофранцузского *casse* = лат. *capsa*.

Омонимы группы *box* возникли в результате распада полисемии. Одинаковость формы здесь не является случайной, а основана на генетической связи. Все эти слова происходят друг от друга и прослеживаются, в конечном счете, к лат. *boxus*. Краткий Оксфордский словарь приводит шесть различных значений слова *box*:

1) род небольшого вечнозеленого кустарника;

2) коробка – некоеместилище из дерева, картона, металла и т.п., обычно с крышкой;

3) класть в коробку;

4) давать подзатыльник;

- 5) драться на кулаках в набивных рукавицах;
- 6) изолированное закрытое помещение.

Такие омонимы могут происходить друг от друга частично, а общность их происхождения выходит за пределы английского языка. С появлением нового значения, отличного от предыдущего, семантическая структура исходного слова расщепляется. Новое значение получает отдельное существование и становится новой семантической структурой. Этим объясняется термин «распад» или «расщепление полисемии», и хотя число примеров, в которых этот процесс наблюдается значительно, трудно определить точный критерий установления распада полисемии. Вся концепция основана на утверждении, что существует связь между значениями или же она отсутствует, а эта связь очень субъективна. В примерах, относящихся к фонетической конвергенции (как в случае с *case*), мы определяем критерий случая распада полисемии, опираясь на интуицию и личный интеллектуальный лингвистический опыт. Например, увидеть связь между *beam* в значении «луч света» и *beam* в значении «металлическая опора здания» можно, если знать, что исходное значение слова *beam* в староанглийском и в старонемецком языках было «дерево» и использовать такой метафорический подход для других слов. Родственная связь очевидна, когда слова содержат одинаковые элементы как, например, *hornbeam* – граб, *whitebeam* – рябина.

С диахронической точки зрения наиболее существенный критерий – этимологический, отражающийся в толковых словарях английского языка, где слова представлены исходя из их происхождения. Интересно отметить, что из 2540 омонимов из Оксфордского словаря только 7% возникли из расщепления полисемии, все остальные являются этимологически различными. Собственно омонимия или образцовая омонимия в этом случае не учитывается. Такая недооценка собственно омонимии может создать ложное впечатление. Действительно, омонимия существительных и глаголов, возникающая из-за утраты окончаний, с одной стороны, и конверсии, с другой, является наиболее важной чертой современного английского языка. Эти явления могут комбинироваться с семантическими изменениями. Например:

long – длинный,
to long – очень долго хотеть чего-либо.

Противоположный процесс добавления морфем также может привести к омонимии.

Например, суффикс *-er* формирует несколько слов из одной основы:

trail – *trailer*

плющ – автопоезд.

Суффикс *-s* добавил омонимов основе *arm* («рука») – *arms* («оружие»).

Подводя итог диахронического анализа омонимии, следует подчеркнуть, что существуют два способа возникновения омонимов:

- 1) конвергентный (конвергентное развитие звуковой формы);
- 2) дивергентный (дивергентное развитие значения).

Первый может состоять из:

- а) только фонетических изменений;
- б) фонетических изменений в сочетании с потерей аффиксов;
- в) независимого образования основ омонимов с помощью омонимичных морфем.

Второй (дивергентный) может быть:

- а) ограничен одним лексико-грамматическим классом слов;
- б) комбинироваться с различиями в лексико-грамматическом классе и, таким образом, с различиями в грамматических функциях;
- в) основываться на независимом образовании от одной основы с помощью омонимичных морфем.

Иногда процесс может быть сложнее. Глагол «stick» образовался как смесь среднеанглийского *stikken* от староанглийского *stician* (*sticca* – прикреплять) и среднеанглийского *steken* от греческого *stizo* – «крючок». Сейчас существуют два омонима: высокополисемантический глагол *stick*, означающий «вставлять нечто отмеченное» и, не менее полисемантическое, существительное *stick* в значении «палка, удочка».

2. Синхроническое изучение английских омонимов выявляет ряд проблем:

- критерий отличия омонимии от полисемии;
- формулирование правил распознавания различных значений одного и того же омонима с точки зрения дистрибуции;
- определение различия между образцовой и необразцовой омонимией.

Все эти проблемы связаны с трудностями, создаваемыми омонимией в понимании сообщений читателями или слушателями, а не в формировании собственных мыслей. Они существуют для говорящего только с точки зрения построения речи, чтобы избежать недопонимания. Все три проблемы практически неразделимы, поэтому мы будем рассматривать их по мере возникновения для различных практических целей.

Для лексикографа – это проблема установления границ слова. Легко увидеть, что *match* как в *safety match* – это отдельное слово от глагола *to match* – «подходить, годиться». Однако, гораздо труднее установить, что *match* в *football match* и в *meet one's match* взаимосвязаны.

На синхроническом уровне, когда этимологическая разница не имеет значения, проблемы установления критерия различия между различными

словами, идентичными по звучанию и различными по значению, становятся трудно разрешимы. Актуальные решения различны. Среди английских лексикографов широко распространено комбинирование в одну словарную статью слов идентичной фонетической формы, показывающую одинаковость лексического значения или, другими словами, показывающую лексический инвариант, даже если они принадлежат к другой части речи. В лексикографии нашей страны установилась другая тенденция. Англо-русский словарь под редакцией В.Д. Аракина вводит девять различных словарных статей слова *right* по сравнению с четырьмя значениями, данными словарем Хорнби.

На самом деле, не существует универсальных критериев для различия полисемии и омонимии, если не принимать теорию Абаева, из которой следует, что омонимами считаются только те слова, которые имеют различные источники происхождения и только случайно совпали фонетически. Необходимым ограничением этой теории является то, что различные источники должны отслеживаться в пределах истории языка. Слова, совпадавшие фонетически до проникновения в английский словарь, не принимаются во внимание.

Более-менее простая процедура, основанная на чисто синхронических данных, может быть осуществлена[®] посредством трансформационного анализа. Ее можно назвать трансформацией. Она основывается на предположении о том, что если различные значения передаются одним фонетическим комплексом и их можно определить с помощью идентичной центральной словарной группы, их можно рассматривать как достаточно близкие и считать вариантом одного и того же слова. В противном случае это омонимы. Например:

1. A child's voice is heard.
2. His voice was annoyingly well-bred.
3. The voice-voiceless distinction sets up some English consonants in opposed pairs.
4. In the voice contrast of active and passive the active is the unmarked form.

Первый вариант *voice* может быть определен как «звуки, издаваемые во время разговора или пения, как характеристика определенного человека», второй – «манера воспроизведения звуков в процессе речи или пения», третий – «изменение вибрации связок в издаваемых звуках». Пока что все определения характеризует одинаковый центральный элемент перевода общей инвариантной основы их значений. Однако невозможно использовать тот же центральный элемент в четвертом случае. В данном случае *voice* – «форма глагола, выражающая отношения предмета к действию». Ошибочность применения формулы одинакового объяснения подтверждается отличием значения в четвертом случае. Исходя из вышеприведенного правила можно считать, что в первых трех случаях – полисемия, а в четвертом – омонимия первого.

Рассмотренное правило создает проблему **образцовой омонимии** (правильной омонимии), то есть инварианта лексического значения, присутствующего в омонимах, которые возникли из одного общего источника и относятся к различным частям речи. Такой вопрос возникает в отношении слов *after* и *before* – предлога, союза и наречия. Одно и то же слово не может относиться к различным частям речи, так как это бы противоречило определению слова как системы форм. Эффективность лексикографической работы гарантирована строгим применением этимологического критерия в комбинации с формализованными процедурами установления лексической инварианты предлагаемыми синхроническими лингвистическими методами.

Наиболее часто используемые слова представляют собой наибольшие трудности.

Например:

I think that this “that” is a conjunction but that that “that” that man used was a pronoun.

Я думаю, что это “that” является союзом, но что то “that”, которое использовал тот мужчина, местоимение.

Дистрибутивный анализ данного типа имеет большую практическую важность для компьютерного перевода. Для того чтобы перевести выражение, компьютер должен проанализировать его, то есть определить тип элементарных конфигураций, которые его составляют. Элементарные конфигурации – это не группы слов, а комбинации классов слов. В процессе идентификации данных символов необходимо определить, к какому классу они принадлежат. Если словоформа имеет окончание, типичное для одного класса и невозможное для других, его класс определен. Когда морфологическая база исчерпана, анализируются синтаксические комбинации.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что различие между полисемией и омонимией важно для лексикографии, но оно не относится к практике разговорной речи и компьютерному переводу. Различие между образцовой и необразцовой омонимией имеет большое значение. В необразцовой омонимии каждая единица изучается отдельно с точки зрения лексики и грамматики. В образцовой омонимии, когда известно лексическое значение слова одной части речи, можно четко определить значение однозвучного комплекса в другой части речи, естественно, опираясь на достаточный контекст.

Сложные слова

1. Структурное единство сложных слов.
2. Три типа отношений в сложных словах.

1. **Сложные слова** – это слова, состоящие, по меньшей мере, из двух основ, которые существуют в языке как свободные формы. В сложных словах непосредственные компоненты приобретают неделимость и структурную целостность, которая позволяет им функционировать в предложении в качестве отдельной лексической единицы.

Структурная целостность и неделимость сложного слова может зависеть от ударения, правописания слитно или через дефис, семантического единства, единства морфологической и синтаксической функциональности или чаще от совместного влияния нескольких вышеперечисленных факторов или похожих фонетических, графико-семантических, морфологических или синтаксических факторов.

Целостность сложных слов ясно проявляется в неделимости, то есть невозможности вставить другое слово или группу слов между их элементами. Например, говоря а sunbeam, мы можем поставить несколько слов между артиклем и существительным, как то а bright sunbeam, потому что артикль а – это отдельное слово, однако невозможно вставить слово между sun и beam, так как они являются не словами, а морфемами.

2. При описании структуры сложных слов следует различать три типа отношений, называемых отношениями членов друг с другом, отношением целого к его членам и взаимоотношениями равноценных свободных фраз.

Некоторые сложные слова состоят из определяющей и определяемой частей, которые могут быть названы **определителем** и **определяемым**. В нашем примере sunbeam вторая основа beam – это базовая часть, определяемое. Определитель sun служит для его отличия от других лучей. Определяемое является грамматически более важной частью, которая претерпевает изменения, например, sunbeams.

Существуют неидиоматические сложные слова с четкой мотивацией. Здесь значения компонентов образуют в сумме значение полученного слова и называют означаемое прямо или фигурально. Например, комбинация seaman изначально была нетрудной для понимания и означала «человек, профессионально связанный с морем». Таким образом, это слово выделяет моряка из всего человечества.

Семантическая целостность сложного слова, с другой стороны, очень часто идиоматична по своему характеру, и значение целого не является суммой значений его элементов. Сложные слова часто значительно отличаются от значения соответствующей синтаксической группы. Например: а blackboard и а black board. А black board – доска (кусок дерева) черного цвета, в то время как а blackboard – «классная доска» - может быть не деревом, а куском линолеума или другого подобного материала, необязательно черного цвета. Аналогичный пример

а black bird – черная птица;

а blackbird – дрозд.

Сокращения

1. Сокращения как тип словообразования.
2. Связь сокращенных слов с их прототипами.
3. Классификация сокращений.
4. Акронимы.
5. Аббревиатуры.

1. **Сокращение** может быть представлено как значимое единство, в котором отсутствует часть исходного слова. Как способ словообразования, сокращения были зафиксированы в английском языке в XV в. В XX в. развитие этого способа словообразования проходило особенно интенсивно. Постоянно возникают новые сокращенные слова, что подтверждается большим количеством неологизмов, таких как *demo* от *demonstration*, *frig* или *fridge* от *refrigerator*, *mike* от *microphone*, *meet* от *meeting* и прочее.

Высокий процент английских сокращений наблюдается в **заимствованиях**. Односложность распространена в английском языке более, чем в других европейских языках, поэтому сокращенные слова более похожи на исконно английские, чем их длинные прототипы. Таким образом, сокращения можно объяснить **распространением аналогии**, то есть модификацией формы на основе аналогии с широко распространенными словами. Например, три омонима, полученные как сокращения от трех различных слов, звучат как чисто английские слова:

- 1) *van* – «движущееся средство», от *caravan*;
- 2) *van* – «армейский фронт», от *vanguard*, от французского *avant-garde*;
- 3) *van* – теннисный термин «преимущество», от *advantage*.

Изменения, связанные с сокращением, бывают не только количественного характера. Сокращенное слово – это не просто слово, утратившее начало или конец. Также нельзя рассматривать сокращение как использование части вместо целого. Сокращение всегда отличается от целого слова по использованию и значению. Каждый вид сокращения является не другим размещением морфем, а источником новых. Сокращения можно рассматривать как вид корневых образований, так как используемые новые морфемы являются свободными формами и объединяются в новые связанные формы. Например, *bike* – *bicycle*. Большинство сокращений, образованных посредством конверсии, являются глаголами. Они также служат основой для дальнейшего словообразования путем деривации или композиции. Например:

fancy от *fantasy* – существительное;
to fancy – глагол;
fancier – существительное;
fanciful – прилагательное;
fancifully – наречие;
fancifulness – существительное;
fancy-ball – существительное;
fancy shoes – существительное.

2. Соотношение сокращенного слова с прототипом очень важно. Здесь можно отметить две основные тенденции.

1) Сокращенная форма рассматривается как вариант или синоним, отличающийся от прототипа количественно, стилистически и эмоционально, причем прототип является стилистически и эмоционально нейтральным. Например:

doc – doctor;

exam – examination.

2) Соотношение между сокращением и прототипом может быть установлено только этимологически. Лексико-грамматическое значение может измениться настолько, что сокращение становится самостоятельным словом. Например:

fan – fanatic.

Семантический статус группы вариантов или синонимов и группы этимологических дублетов также различен. Сокращенные слова первой группы передают одно из возможных значений прототипа, обладая при этом большей выразительностью, разговорностью или сленговостью. Для таких сокращенных слов типично передавать вторичные значения полисемантических слов. Слова этой группы, в основном, односложные.

Между двумя этими хорошо определенными группами, называемыми вариантами или синонимами и дублетами, существует ряд промежуточных случаев, классификация которых сложна. Появление больших комплексных семантических структур в слове – это шаг к приобретению большей независимости и, таким образом, превращению в дублет, а не вариант прототипа.

Слова второй группы могут развивать собственную семантическую структуру.

Как правило, сокращения соответствуют делению слова на слоги, например:

prep – preparation.

В отличие от конверсий, сокращения создают новые слова в той же части речи, что и их аналоги. Большинство сокращений являются существительными. Глаголы в современном английском языке сокращаются редко. Сокращение прилагательных также редко и, в основном, представляет собой комбинацию сокращения и добавления суффикса, например:

comfy – comfortable.

3. Сокращения могут быть классифицированы:

- по типу урезания конца слова;
- по типу урезания начальной части слова;
- по типу урезания средней части слова.

1) Урезание конца слова, при котором начало прототипа сохраняется, - это практически основное правило формирования множества слов. Например, *lab – laboratory.*

2) Слов с урезанной начальной частью и сохраненным концом намного меньше, но они намного четче определены как отдельные лексические

единицы со значением, сильно отличным от значения прототипа и стилистически нейтральных дублетов. Например, *story* – *history*.

Конечное и начальное урезание иногда комбинируются, и получаются слова с сохраненной средней частью прототипа. Например, *frig* – *refrigerator*.

3) Сокращенных слов с урезанной средней частью также мало. Они могут быть разделены на две группы:

а) слова с конечно урезанной основой, сохраняющие функциональную морфему. Например, *maths* – *mathematics*;

б) сокращенная форма, полученная под влиянием ритма и контекста. Например, *ma'am* – *madam*.

Также можно рассматривать сокращенные слова на основе структуры, характеризующей прототип. Тогда две взаимно исключаящие группы взаимосвязаны со словами и фразами.

Эллипс определяется как пропуск слова или слов, важных для грамматической целостности, но не для передачи расширенного лексического значения. Например: *Police summonses are being served in an effort to stop the big sitdown planned for September 17*, где *sitdown* – сокращение от *sitdown demonstration*.

Как упоминалось выше, существует мало сокращенных слов, образованных от сложных слов; по сравнению с фразовыми прототипами, случаев сложного урезания немного больше.

Среди этих формирований существует особая группа так называемых смешанных или слитных слов. Процесс их формирования называется телескопированием, потому что слова кажутся скользящими от одного к другому, как секции телескопа.

В зависимости от фразового прототипа смешанные слова могут быть разделены на две группы: добавленную и урезанную. Обе содержат «скольжение» не только по звучанию, но и по значению.

Семантические отношения различны. Первый тип (добавочный) преобразуется во фразу, содержащую соответствующие полные основы, комбинированные посредством союза *и*. Например, *smog* = *smoke* + *fog*, *transceiver* = *transmitter* + *receiver*.

Урезанный тип преобразуется в атрибутивную фразу, где первый элемент служит определением второго. Например, *positron* – *positive electron*.

Урезанные слова появляются в различных типах речи, в основном, разговорной, и пока их связь с прототипом существует, они являются его синонимами. “*They present the tops in pops*”. Когда связь с прототипом утеряна, урезанное слово становится стилистически нейтральным. Например, *cab* (*cabin*), *cello* (*violon cello*), *brig* (*brigade*).

Стилистически окрашенные слова относятся к разговорному стилю. Их особенно много в различных вариантах сленга: школьный сленг, студенческий сленг, профессиональный сленг, спортивный сленг, газетный сленг и прочее.

4. Акронимы – это слова, сформированные из первых букв или букв каждой последующей части или главных частей сложного термина. Нужно отметить два возможных типа орфоэпической связи между письменной и разговорной формами:

1) если аббревиатурная форма может быть прочитана как самостоятельное слово в английском языке, его нужно читать как слово;

2) если подгруппа состоит из исходных аббревиатур с сохраненным алфавитным прочтением, ее нужно читать по буквам

tips = to inspire prompt service

tip – глагол давать

блины = млины от слова «молоть» → мельник →

miller → müller

5. Термин «аббревиатура» может быть использован для обозначения сокращенной формы написанного слова или фразы, использованных в тексте, т.е. на месте целого для экономии места и сил. Аббревиатура получается путем пропуска одной и более букв, например, *abbr* для *abbreviation*.

Особый тип аббревиатур, не имеющий аналога в русском языке, представлен латинскими аббревиатурами, которые иногда не читаются как латинские слова, но заменяются английскими эквивалентами, например, *ad lib* – at pleasure; *i.e.* (*id est*) – that is.

Интересная характерная черта современного английского – это использование заглавных аббревиатур имен и фамилий знаменитых людей, например, *George Bernard Shaw* – *G.B.S.*

Особый образец английского слова, почти не имеющий аналога в русском языке – это инициальные аббревиатуры, в которых первый элемент – буква, а второй – целое слово. Например, *A-bomb*, *H-test*, где *A* – атомный или атомная бомба, *H* – водородная бомба. В данном случае стилистическое и семантическое обобщение невозможно, все примеры принадлежат разным типам. Например, *U-language*, где *U* – *upper classes*, не одно и то же с *Non-U speakers* – people, whose speech habits show that they don't belong to the upper classes. (Люди, чьи речевые навыки демонстрируют, что они не принадлежат к высшим классам).

Часть 3. Теоретическая грамматика английского языка

Роль и место грамматики в языковой системе

1. Теоретическое и практическое описание языка.
2. Противоречия традиционной грамматики.
3. Попытки искусственного нивелирования грамматических правил.
4. Единство грамматических правил и значений.
5. План содержания и план выражения.

1. Любое лингвистическое описание может иметь практические или теоретические цели. **Практическое описание** нацелено на обеспечение студента руководством для практического освоения соответствующей части языка. Однако, поскольку практика языкового общения может быть реализована только путем использования языка как единства всех его составных частей, практическое описание чаще всего охватывает три типа, представленные в комплексе: фонологическое описание, лексическое описание, грамматическое описание.

Что касается **теоретического описания**, то оно преследует аналитические цели и, следовательно, представляет изучаемые части языка в относительной изоляции, для того чтобы получить информацию об их внутренней структуре и раскрыть внутренние механизмы их функционирования. Следовательно, цель теоретической грамматики языка заключается в представлении теоретического описания его грамматической системы, то есть научного анализа и определения его грамматических категорий и исследования механизмов построения грамматических высказываний из слов в процессе речи.

2. На более ранних стадиях развития знаний о лингвистике грамматисты полагали, что единственной целью грамматики являлось создание строгих правил правильной письменной и устной речи. Четкие правила для корректного оформления высказывания из-за отсутствия глубокого понимания социальной природы языка часто базировались на чисто субъективных и произвольных суждениях отдельных грамматистов. Результатом этого "нормативного" подхода являлось то, что наряду с весьма существенной и полезной информацией, были сформулированы несуществующие "правила", противоречащие языковому употреблению. Следы этого произвольно-нормативного подхода к преподаванию грамматики на сегодняшний день можно легко найти даже в школьной практике.

Самым ярким примером является *употребление артиклей*. Примеры из современного английского языка противоречат школьным правилам:

"I've just read *a* book of yours about Spain".

"It's not *a* very good book, I'm afraid".

Другой пример - использование *to be* как глагола связки в продолженном времени:

My holiday at Crote *isn't being* a disappointment (подчеркивает длительность действия).

А также использование продолженного времени с глаголами восприятия:
For the first *time*, Bobby felt, he *was* really *seeing* the *man*.

3. Вышеупомянутая традиционная точка зрения на цели грамматики была позднее пересмотрена вследствие появления некоторых современных тенденций в лингвистике. В частности, ученые, являющиеся приверженцами таких тенденций, большое внимание уделяют искусственному созданию и анализу неправильных высказываний с целью лучшего формулирования правил для создания верных конструкций. Но их примеры и выводы также часто расходятся с реальными примерами использования языка.

1. *Colorless green ideas sleep furiously.*

2. *Furiously sleep ideas green colorless.*

Хотя первое высказывание логически не имеет смысла, грамматически оно верно. Второе же, состоящее из тех же слов, следующих в обратном порядке, рассматривается, как бессвязное неграмматическое перечисление, не являющееся предложением.

Таким образом, примеры демонстрируют, что грамматика в целом представляет собой набор несемантических правил построения предложения. Однако, несколько лет назад было проведено экспериментальное исследование с носителями языка. В процессе обсуждения они не смогли прийти к единому мнению о правильности или неправильности обоих высказываний. В частности, некоторые носители языка предположили, что второе из высказываний «звучит, как поэзия».

4. Для понимания противоречий между прямо сформулированными "правилами" и реальностью, а также правильной оценки результатов информационных тестов, которые уже приводились выше, мы должны учитывать, что верные грамматические правила или закономерности не могут быть отделены от выражения значения, а, наоборот, они сами являются значимыми. А именно, они связаны с наиболее общими и абстрактными частями содержания, присущими элементам языка. Эти части содержания вместе с формальными средствами, с помощью которых они выражаются, обрабатываются грамматистами с точки зрения "грамматических категорий". Таковы, например, категории числа, либо наклонения в морфологии, категории общей цели или акцентирования в синтаксисе и т.д. Так как грамматические формы и правила имеют смысл, становится очевидным, что правила грамматики должны быть семантически оформлены, или более точно, они должны быть облечены в соответствующую словесную форму. Например, ошибочно было бы утверждать без каких-либо комментариев, что обратный порядок слов в английском повествовательном предложении является грамматически неверным. Порядок слов как элемент грамматической формы имеет собственные значимые функции. Он может выражать, в частности, различие между основной и побочной идеями высказывания, между эмоциональной и неэмоциональной моделями речи, между различными типами стиля. Таким образом, если обратный порядок слов в данном предложении выполняет перечисленные функции, то его использование следует рассматривать как совершенно верное.

Пример. In the center of the room, under the chandelier, as became a host, stood the head of the family, old Jolyon himself.

5. Природа грамматики лучше всего понимается в двух планах языка, а именно, плане содержания и плане выражения.

План содержания охватывает чисто семантические элементы, содержащиеся в языке, в то время как *план выражения* охватывает материальные (формальные) единицы языка, взятые отдельно от передаваемых ими значений. Оба плана неразделимы, поэтому значение не может быть реализовано без каких-либо материальных средств выражения. Грамматические элементы языка представляют собой единство содержания и выражения (единство формы и значения).

С другой стороны, соотношение между планами содержания и выражения является очень сложным и специфическим для каждого языка. Эта сложность наглядно иллюстрируется явлениями полисемии, омонимии и синонимии.

В случае полисемии и омонимии две или более единицы плана содержания соответствует одной единице плана выражения. Например, глагольная форма простого настоящего времени (одна единица в плане выражения) многозначно выражает грамматические значения привычных действий, действий в настоящий момент, действий, воспринимаемых в качестве прописной истины (несколько единиц в плане содержания).

Пример. I get up at half past six in the morning. I do see your point clearly now. As a rational being, I hate war.

В случаях синонимии, напротив, две или более единицы плана выражения соответствуют одной единице плана содержания. Например, формы простого будущего неопределенного, будущего продолженного и настоящего продолженного времени (несколько единиц в плане выражения) могут в определенных условиях синонимично передавать значение будущего времени (одна единица в плане содержания).

Пример. Will you come to the party, too? Will you be coming to the party, too? Are you coming to the party too?

Принимая во внимание различия между двумя планами, можно сказать, что цель грамматики как языковой дисциплины, в конечном счете, обнаружить и сформулировать закономерности в соответствии между планами содержания и выражения при формировании высказывания из набора слов в процессе речи.

Знаковость единиц языка в общей системе

1. Единство формы языкового знака и его значения.
2. Коренное отличие единиц языка от знаков искусственных знаковых систем.
3. Микро- и макросистемы языка. Системный характер существующих отличий языка.

1. Знаковость единиц языка проявляется в том, что они служат для обозначения предметов и явлений действительности, то есть служат, в очень широком смысле, «знаками» предметов и явлений. Для лингвиста принципиально важно видеть реальное единство формы языкового знака и его значения.

Рис. 2. Варианты «знакового треугольника».

2. Однако признание знакового характера единиц языка не должно вести к отождествлению этих единиц со знаками в искусственных знаковых (семиотических) системах или кодах, применяемых в различных областях деятельности человека: таковы сигналы светофора, дорожные знаки, морская сигнализация, формализованная запись в различных областях знания и искусства, языки программирования и т.д. Коренное различие между языком и искусственной знаковой системой состоит в том, что искусственная знаковая система специально создается как заместитель языка, репрезентируя его в определенной узкой сфере общения.

3. Общая система языка распадается на некоторые малые, частные системы, каждая из которых членится на еще более малые системы. Общая система является «макросистемой» по отношению к образующим ее частным «микросистемам». В более гибких терминах подобные отношения описываются как отношения надсистем и подсистем.

Язык в целом - это макросистема или всеобщая надсистема по отношению к системным рядам элементов, ее составляющих. Три основные подсистемы языка образуют его фонетический строй, лексический строй (словарный состав) и грамматический строй. Данные подсистемы настолько сложны, что о них никогда не говорят как о «микросистемах»; как правило, их мыслят в виде определенных систем, расчленяющихся на множества соответствующих подсистем и микросистем.

В рамках грамматического строя, являющегося существенно более сложной областью языка, чем фонетический строй, происходит расчленение общей системы на систему морфологии и систему синтаксиса.

Современная лингвистика и теория грамматики как ее составная часть являются продуктами долгого исторического развития. Ранние грамматические описания языка не могли быть системными, поскольку понятие системы в те времена еще не было разработано.

Тем не менее, идея системности присутствовала в грамматическом учении с самого начала его появления. Ранние грамматические описания языка были стихийно, или интуитивно, системными, так как, излагая факты познаваемого языка, они одновременно отражали их внутренний системный характер (Аристотель, стоики, Александрийские ученые - Древняя Греция; Панини – Древняя Индия; Пор Руаяль – «рациональная грамматика» эпохи Возрождения).

Системный характер языка и всех его составляющих

1. Язык как знаковая система. Синтагматические и парадигматические отношения.
2. Сегментальные и супraseгментальные единицы языка.
 - 2.1. Определение сегментальных и супraseгментальных единиц.
 - 2.2. Языковая иерархия:
 - а) низший (фонемический) уровень;
 - б) морфемический (морфемный) уровень;
 - в) лексический (лексемный) уровень;
 - г) фраземический (фразовый) уровень, как часть денотемического уровня
 - д) пропоземический уровень;
 - е) супraseгментальные структуры.

1. Современная лингвистика обращает особое внимание на системный характер языка и всех его составных частей. Она подчеркивает мысль о том, что язык – это система знаков (знаковых единиц), которые тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Непосредственно взаимосвязанные единицы (такие как классы и подклассы слов, различные подтипы синтаксических конструкций и т.д.) формируют различные микросистемы (подсистемы) в рамках глобальной макросистемы или суперсистемы всего языка.

Каждая система – это структурированный набор элементов, связанных друг с другом общей функцией. Общая функция всех языковых знаков – выражение человеческих мыслей.

Системная природа грамматики вероятно более очевидна, чем природа какой-либо другой сферы языка, поскольку грамматика отвечает за истинную организацию информативного содержания высказываний [Блох, 1986, 11]. Благодаря этому факту даже самые ранние курсы по грамматике раскрывали некоторые системные черты описанных материалов. Но научно устойчивые и

последовательные принципы системного приближения к языку и его грамматике были существенным образом разработаны в лингвистике XX в., а именно после публикации работ ученых Бодуэна де Куртене и Фердинанда де Соссюра.

Язык в узком смысле слова является системой значений выражения, в то время как речь также в узком смысле понимается как проявление системы языка в процессе общения.

Языковая система включает, с одной стороны, совокупность материальных единиц: звуков, морфем, слов, групп слов; а с другой стороны, закономерности или правила использования этих единиц. Речь включает в себя и создание высказываний, и сами высказывания, например текст. Язык и речь неразделимы, вместе они создают органичный союз. Что касается грамматики (грамматической системы), будучи неотъемлемой частью лингвистической макросистемы, она динамично соединяет язык и речь, потому что она категориально определяет лингвистический процесс создания высказываний.

Таким образом, мы расширили философскую концепцию языка, которая разделена лингвистикой на два разных аспекта: система знаков (собственно язык) и использование знаков (собственно речь). Обобщающее понятие «язык» также сохраняется в лингвистике, показывая единство двух этих аспектов [Блох, 1986, 18].

Знак (знаковая единица) в языковой системе имеет только потенциальное значение. В речи потенциальное значение лингвистического знака «актуализируется», например, делает ситуационный знак частью грамматически организованного текста.

Лингвистические единицы вступают друг с другом в две основные группы отношений: *синтагматические* и *парадигматические*.

Синтагматические отношения – это непосредственные линейные отношения между единицами в сегментальной последовательности (уровне).

Пример:

The spaceship was launched without the help of a booster rocket.

В этом предложении синтагматически связаны следующие слова и группы слов: *the spaceship, was launched, the spaceship was launched, was launched without the help, the help of a rocket, a booster rocket, the help of a booster rocket*.

Морфемы в словах также связаны синтагматически.

Пример: *space/ship; launch/ed; with/out; boost/er*.

Поскольку синтагматические отношения в действительности изучаются в высказываниях, они описаны Латинской формулой отношений «in praesentia» («в присутствии»).

Другой тип отношений, противопоставленный синтагматическим, называется «*парадигматические*». Это отношения, существующие между элементами системы вне случаев, в которых они совместно взаимодействуют. Эти внутрисистемные отношения и зависимости находят свое выражение в том, что каждая лингвистическая единица включена в набор или серию связей, основанных на различных формальных и функциональных качествах.

В отличие от синтагматических отношений, парадигматические отношения не могут быть точно изучены в высказываниях, поэтому они обращены к отношениям «in absentia» («в отсутствии»).

Парадигматические отношения сосуществуют с синтагматическими отношениями таким образом, что некоторые из синтагматических связей оказываются необходимыми для реализации какой-либо парадигматической серии. Грамматические парадигмы выражают различные грамматические категории.

Минимальная парадигма состоит из двух форм-этапов. Эта разновидность парадигм показана, например, в выражении количественных категорий: boy –boys. Более комплексная парадигма может быть разделена на компонентные парадигматические категории, например, на соответствующие под-парадигмы (has been asked; is being looked at) .

2.1. Единицы языка разделяются на *сегментальные* и *супрасегментальные*. Сегментальные единицы состоят из фонем, они образуют фонемические уровни различного статуса (слоги, морфемы, слова и т.д.). Супрасегментальные единицы не существуют сами по себе, они используются вместе с сегментальными единицами и показывают различные модификации значений (функций), отраженных в уровнях сегментальных единиц. К супрасегментальным единицам относятся интонации (интонационные структуры), акценты, паузы, структуры порядка слов.

2.2. Сегментальные единицы языка формируют иерархию уровней. Эта иерархия такого вида, что любой высокий уровень поддается анализу по единицам (т.е. состоит из непосредственно более низких уровней). Таким образом, морфемы декомпозируются в фонемы, слова декомпозируются в морфемы, фразы декомпозируются в слова и т.д.

Но эта иерархическая связь ни в коем случае не сводится к механическому построению больших единиц из меньших; единицы каждого уровня характеризуются своими, специфическими функциональными особенностями, которые обеспечивают распознавание соответствующих уровней языка:

а) низший уровень лингвистических сегментов – *фонемический*: он сформирован фонемами как вещественными элементами сегментов высшего уровня. Фонема не имеет значения, её функция чисто дифференцирующая: она дифференцирует морфемы и слова как вещественные единицы. Так как фонема не имеет значения, она не является знаком.

Фонемы составляют звуки. Звуки, ритмическая сегментная группа фонем, также не являются знаком, у них чисто формальное значение. Принимая во внимание тот факт, что едва ли имело бы смысл определять в языке отдельный звуковой уровень, предпочтительнее, чтобы звуки определялись в свете интра-уровневых комбинационных частей фонем.

В письменной форме фонемы представлены буквами. Так как у буквы есть представительский статус, она является знаком, хотя принципиально она отличается от формирования знаковых уровней языка.

Единицы всех высших уровней языка – значимые;

б) уровень, находящийся над фонемическим – *морфемический* уровень. Морфема – элементарная значащая часть слова. Она состоит из фонем. Самые короткие морфемы включают только одну фонему;

в) третий уровень сегментальной лингвистической иерархии – уровень слов, или лексемический уровень.

Слово (лексема) отличается от морфемы. Это точно названная (номинативная) единица языка: она называет вещи и их отношения. Слова построены из морфем, самые короткие слова могут состоять из одной морфемы;

г) следующий, более высокий уровень – фразовый (группа слов), фраземический уровень. Для уровнеобразующего фразового типа достаточно комбинации из двух или более смысловых слов.

Смысловые фразы могут быть стабильного (постоянного) типа и свободного. Стабильные фразы (фразеологические единицы) формируют фразеологическую часть лексикона, и изучаются фразеологическим разделом лексикологии. Свободные фразы строятся в процессе речи по существующим продуктивным моделям и изучаются нижним разделом синтаксиса.

Для лучшего понимания природы фраз как уровнеобразующих единиц мы принимаем во внимание их статус на более высоких уровнях, построенных из меньших. Эти большие единицы – предложения. Именно в предложении фраза получает уровнеопределяющую функцию (при использовании как смысловая часть предложения). С другой стороны, любое смысловое слово, а не только фраза, может быть использовано как отдельная часть предложения, как предмет, объект, сказуемое и т.д. Единицы, расположенные над словами в сегментальной лингвистической иерархии – это смысловые части предложения. Они могут быть сформированы фразами (группами слов) или отдельными смысловыми словами. Функция этих частей предложения *указывающая* (они не только называют, но также указывают, или *отмечают*, объекты и явления). Уровень, на котором они обнаруживаются – указывающий. В этой связи фраземический уровень должен быть представлен как высший подуровень указывающего уровня;

д) надуказывающий уровень – уровень, где находятся предложения, или *пропоземический* уровень.

Предложение произносится говорящим в процессе речи как конкретно, ситуационно привязанное высказывание. В то же время оно поступает в языковую систему синтаксической структуры лингвистической модели, которая, как и все другие типы лингвистических единиц, имеет и парадигматические, и синтагматические характеристики;

е) предложение – не самая высокая единица языка в иерархии уровней. Над ним существует еще один, чьи единицы формируются отдельными предложениями, объединёнными топологическими группами. Эти группы предложений, отличающиеся микротемами как частями продолженного текста, называются «супрасегментальные конструкции».

В отпечатанном тексте супрасегментальная (супрасегментная) конструкция очень часто совпадает с абзацем.

Супрасегментальная конструкция является сочетанием отдельных предложений, образующих текстовое единство.

Таким образом, мы исследовали шесть уровней языка, каждый из которых определяется функциональным типом сегментальных единиц.

Часть 4. Стилистика английского языка

Варианты языка

1. Основные факторы воздействия на литературный язык.
2. Устный и письменный варианты языка.
3. Основные отличия устного варианта языка.
4. Характерные черты письменного варианта языка.

1. Функционирование литературного языка в различных сферах деятельности человека и с различными целями коммуникации привело к его дифференцированию. Это дифференцирование предопределено двумя чётко выраженными факторами, а именно, фактической ситуацией, в которой используется язык, и целью коммуникации.

Фактическая ситуация коммуникации выделяет две разновидности языка – *устную* и *письменную*. Меняющиеся цели коммуникации заставили литературный язык разделиться на самостоятельные системы (функциональные стили языка).

2. Диахронически из двух вариантов языка устный – основной, а письменный – вторичный. Каждый из этих вариантов развил свои собственные особенности и качества, которые могут быть расценены как противоположные друг другу.

Ситуация, в которой используется устный вариант языка, может быть кратко описана как присутствие реального собеседника. Письменный вариант, напротив, предполагает отсутствие реального собеседника. Устный язык поддерживается в форме диалога, письменный – в форме монолога. У устного языка есть значительное преимущество перед письменным в том, что действует человеческий голос. Это – мощное средство модуляции высказывания, как и все виды жестов, которые вместе с интонацией дают дополнительную информацию.

Письменное высказывание неизбежно будет более многословным, более пояснительным. Другими словами, оно должно произвести усиленное представление коммуникации, для того чтобы быть достаточно явным.

Формы письменного языка заменяют формы устного языка, когда распространение идей – основная цель. Именно письменный вариант языка с его тщательной организацией и преднамеренным выбором слов и конструкций может иметь политическое, культурное и образовательное влияние на широкую публику и отдельных читателей.

Письменный язык приобрёл свои собственные характерные особенности, происходящие от необходимости усилить высказывание, что является существенным для письменного языка.

Разрыв между устным и письменным вариантами языка, больший или меньший в различные периоды развития литературного языка, будет всегда оставаться очевидным из-за различия в обстоятельствах, при которых используются эти два варианта.

Пример: «Marvelous beast, a fox. Great places for wild life, these wooded chines; so steep you can't disturb them – pigeons, jays, woodpeckers, rabbits, foxes, hares, pheasants – every mortal thing.»

Письменный аналог выглядел бы следующим образом: «What a marvelous beast a fox is! These wooded chines are splendid places for wild life. There are so steep that one can't disturb anything. Therefore one can see every imaginable creature here – pigeons, jays, woodpeckers, rabbits, foxes, hares and pheasants.»

Должно быть принято во внимание, что в стиле беллетристики могут оказаться элементы устного языка, но они в большей или меньшей степени всегда будут стилизованы автором. Устный язык по своей природе является самопроизвольным, мгновенным, мимолётным. Он исчезает, достигнув своей цели, передачи мысли, независимо от того, тривиальна ли она или действительно важна. Идея остаётся, язык растворяется в ней. Письменный язык, напротив, сосуществует с мыслью, которую он выражает.

3. Устный вариант отличается от письменного языка (то есть, языка в его письменном представлении) фонетически, морфологически, лексически и синтаксически. Например, устный язык морфологических форм обычно использует сокращённые формы, такие как: 'he'd' (he would), 'she's' (she is), 'I'd've' (I would have), *leggo* = 'let go', *hellova* = 'hell of a'.

Однако, основное различие между устным и письменным языком находится в используемом словаре. Есть слова и фразы типично разговорные, с одной стороны, и типично книжные, с другой. Такие слова и фразы как : «to be gone on somebody» (= to be violently in love with); «I take it» (= I understand); «a sort of»; «to hob-nob with» (to be very familiar with) – и т.п. немедленно отмечают высказывание как разговорное. Их редко можно найти в рассказе автора, если не преследуются специальные стилистические цели.

«He says you were *struck off the rolls* for sometimes.»

«*Removed from the Register*' is the correct expression,» placidly interrupted the doctor (Maugham).

Вот ещё некоторые примеры современных разговорных фраз, которые являются ярко выраженными разговорными: «How come?» (= Why? How does it happen?); «so much the better»; «to be up to something»; «to buddy-buddy together» (= to be friends).

Устный язык достаточно объёмно использует усиливающие слова. Это междометия и слова с сильным эмоциональным значением, такие как присяги,

клятвы, и прилагательные, которые потеряли своё основное значение и служат только для усиления эмоционального заряда высказывания. Пример:

«In fact, you ought to be *darn* glad you went to Buringame» (L. Ford).

Слова «here» и «there» также используются, чтобы усилить значение указательных местоимений:

«If I can get a talk with *this here* servant...» said Weller.

Другая характерная особенность устного языка – вставка в высказывание слов без какого-либо значения, которые называются заполнителями или пустыми словами.

«She looked so damn nice, the way she kept going around and around in her blue coat *and all*».

Синтаксические особенности устного высказывания показывают истинный характер устного варианта языка, то есть, ситуационные особенности коммуникации.

Первая из них – это опущение, то есть, опущение частей высказывания, легко восстанавливающихся ситуацией, в которой имеет место коммуникация.

«Tell you what»;

«Who you with? (Who are you with?)»

Вторая особенность – тенденция использовать прямой порядок слов в вопросах или опускать вспомогательный глагол, предоставляя интонации право указать грамматическое значение предложения, например:

«*Scrooge knew* Marley was dead?» (Dickens)

«*Miss Holland look after* you and all that?»

Незаконченные предложения также типичны для разговорного языка, например: «If you behave that I'll...».

Существует синтаксическая структура с тавтологическим подлежащим, которое также считают характерным для разговорного английского языка. Это конструкция, в которой используются два подлежащих, где вполне достаточно одного. Обычно это существительные и местоимения, например:

«He was a kind boy, Harry.»

«Helen, she was there. Ask her.»

В разговорном языке очень естественна последовательность предложений без каких-либо связей или связанных союзом «и», например:

«Came home late. Had supper and went to bed. Couldn't sleep, of course. The evening had been too much of strain».

Разговорный вариант языка намного более эмоциональный, чем его письменный аналог. Эта эмоциональность разговорного языка создала много синтаксических структур.

Например:

«A witch she is!»;

«And didn't she come over on the same boat as myself!»;

«He fair beats me, does James!»;

«Somebody is going to touch you with a broomstick!».

4. Характерные синтаксические особенности письменного варианта языка могут быть легко восприняты. Это означает, что отношения между частями высказывания должны быть точными. Отсюда изобилие всех видов соединительных конструкций, наречий и других средств, которые могут служить соединительными словами. Такие соединительные слова как: *moreover, furthermore, likewise, similarly, nevertheless, on the contrary, however, presently, eventually, therefore, in connection with, hereinafter, henceforth* – имеют книжный оттенок и редко используются в обычной беседе.

Другая синтаксическая особенность письменного языка – это использование сложных единиц предложения. Письменный язык предпочитает гипотаксис паратаксису; длительные периоды встречаются чаще, чем короткие высказывания. Характер монолога письменного языка требует логической последовательности выраженных идей и прерывания высказывания в определённые промежутки; то есть это такие единицы, как сверхфразовые единицы и параграфы.

Слова и словосочетания письменного языка создают отдельный слой английского словаря. Существует много фраз, которые становятся «затратчиками места» в книгах. Например: *despite the fact* (= although); *in the matter of* (= about); *a long period of time* (= a long time); *in the capacity of* (= as); *resembling in nature* (= like); *reach a decision* (= decide); *met with the approval of Jones* (= Jones approved); *announced himself to be in favor of* (= said he favored) и другие. Конечно, есть любители книжного слога, которые часто излишествуют книжными выражениями, таким образом вызывая естественный протест со стороны обычных читателей.

Книжный словарь, одно из отличительных свойств письменного языка, часто может быть непонят даже самым умным читателем и в этом случае нуждается в интерпретации.

Функциональные стили языка

1. Определения функционального стиля.
2. Функциональные стили английского литературного языка.
3. Под-стиль основных функциональных стилей. Разнообразие подходов к классификации.

1. Функциональный стиль языка – это система взаимосвязанных средств языка, которая служит определённой цели в коммуникации. Таким образом, функциональный стиль должен расцениваться как продукт определённой конкретной задачи, поставленной отправителем сообщения. Функциональные стили, главным образом, появляются в литературном стандарте языка.

Английский литературный стандарт, не столь однородный, как это может показаться.

Стандартный английский литературный язык в ходе своего развития разделился на несколько подсистем, каждая из которых приобрела свои собственные особенности, которые типичны для данного функционального стиля. Члены языкового сообщества, особенно те, которые достаточно обучены и отзывчивы к языковым изменениям, признают эти стили полностью независимыми. Специфический выбор языковых средств, прежде всего, предопределён целью коммуникации, так что в итоге создана более или менее закрытая система. Один набор языковых средств языковой среды противопоставлен другому набору языковых средств с другими целями, и у этих других наборов есть другие выборы и организация языковых средств.

То, что мы здесь называем функциональными стилями, также называют *регистрами* или *дискурсами*.

2. В английском литературном стандарте мы различаем следующие основные функциональные стили (далее ФС):

- 1) язык беллетристики;
- 2) язык публицистики;
- 3) язык прессы;
- 4) язык научной прозы;
- 5) язык официальных документов.

Каждый ФС может характеризоваться многими отличительными особенностями, основными или второстепенными, постоянными или изменяющимися, обязательными или дополнительными. Однако, большинство ФС воспринимаются как полностью независимые благодаря специфической комбинации и взаимосвязи особенностей, характерных для каждого ФС.

3. Каждый ФС подразделён на многие под-стили. Они представляют разновидности абстрактного инварианта. У каждой разновидности есть основные характеристики, присущие всем разновидностям данного ФС, и специфические особенности, типичные только для одной разновидности. В некоторых случаях, под-стиль может так отклониться от инварианта, что становится самостоятельным.

Классификация, представленная здесь, ни в коем случае не произвольна. Это результат длительных и тщательных наблюдений за фактическим материалом, в котором были приняты во внимание не только особенности языкового использования, но также и экстралингвистические факторы в особенности смысл коммуникации. Однако, эта классификация может быть подвергнута критике. Возможно, другие схемы могут быть разработаны и выдвинуты на первый план,

благодаря разным подходам к проблеме функциональных стилей. Классификация ФС – не простой вопрос и любое обсуждение обязано отражать более чем одну точку зрения. Например, некоторые стилисты полагают, что газетные статьи (включая тематические статьи) следует классифицировать как функциональный стиль языка прессы, а не как язык публицистики. Другие настаивают на включении повседневного языка в систему функциональных стилей.

Конечно, неизбежно, что любая классификация приводит к некоторому упрощению классифицированных фактов, потому что вопросы рассматриваются в ней обособленно. Кроме того, под-стили предполагают, на самом деле, аспект закрытых систем. Но ни одна классификация, может быть даже полезная с теоретической точки зрения, не может отвлечь от вопроса относительной целостности классификации вообще.

Выразительные средства и стилистические приёмы

1. Нейтральные и стилистически окрашенные языковые средства.
2. Выразительность и эмоциональность.
3. Фонетические и морфологические выразительные средства.
4. Лексические выразительные средства.
5. Синтаксические выразительные средства.
6. Стилистические приёмы.
7. Соотношение выразительных средств и стилистических приёмов.

1. В лингвистике существуют различные термины для определения средств формирования высказывания, то есть того, что делает высказывание более ярким, эффективным и передающим дополнительную информацию. Они называются выразительные средства, стилистические маркеры, стилистические приёмы, фигуры речи т.д. Все эти термины употребляются равноправно и обозначают средства, противоположные нейтральным. Большинство лингвистов различают обычно семантические и стилистические различия значений. Фактически все языковые средства обладают значением. Некоторые обладают общепринятым грамматическим и лексическим значениями, другие помимо них специфическими значениями, которые можно назвать стилистическими.

Стилистические значения не являются автоматическими. Когда имеет место стилистическое значение, процесс разавтоматизации привлекает внимание читателя и концентрирует его восприятие. Внимание захватывается необычным использованием языковой среды, и читатель начинает расшифровывать её. Он осознаёт форму создания высказывания, и в результате двустороннее использование языковой среды (обычное и стилистическое) становится ясным.

2. Категория выразительности долгое время являлась предметом обсуждения среди лингвистов. С этимологической точки зрения выразительность понимается как вид интенсификации высказывания или его части в зависимости от положения в высказывании средств, которые демонстрируют эту категорию.

Но в последнее время выразительность часто путают с понятием эмоциональности. Эмоциональность и соответствующие элементы языка – это то, что обнаруживает эмоции писателя или говорящего, но они не являются непосредственно демонстрацией эмоций, они лишь их отражения, претерпевшие интеллектуальное переосмысление. Выразительность шире чем эмоциональность, и не может быть до неё ограничена.

Эмоциональность – это часть выразительности, занимающая ведущее положение в категории выразительности. Но существуют среды языка, нацеленные на выделение определённых частей высказывания. Они не создают интеллектуального представления чувства, но вербально актуализируют высказывание. Так, например, когда мы говорим «It was July 1975 that cosmos experiment of joint American-soviet flight took place», мы делаем высказывание логически выразительным благодаря непосредственной синтаксической конструкции. То же самое явление наблюдается в следующих предложениях:

- 1) Mr. Smith was an extremely unpleasant person.
- 2) Never will he go that place again.
- 3) In rushed the soldiers!
- 4) It took us a very, very long time to get there.

В предложении (1) выразительность достигнута лексическими средствами посредством слова «extremely». В (2) и (3) синтаксическими средствами – различными типами инверсии. В (4) акцент расставлен с помощью повторения слова «очень», которое является само по себе словом, используемым, чтобы усилить высказывание.

Но в предложениях:

- 1) Isn't she cute!
- 2) Fool that he was!
- 3) This goddam window won't open!
- 4) We buddy-buddied together

мы можем заметить положительную эмоциональность, поскольку есть элементы, которые вызывают определённые представления о чувствах говорящего. В предложениях (1) и (2) есть синтаксические средства, которые вызывают такое воздействие. В (3) и (4) есть лексические средства – «goddam», «buddy-buddied» (= were on very friendly relationships).

Необходимо отметить, что не всегда можно провести чёткое разграничение между логическим и эмоциональным ударениями, они часто налагаются друг на друга. Выразительные средства языка – это фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические, фразеологические и синтаксические формы, которые существуют в языке

как системе с целью логического и эмоционального окрашивания высказывания. Эти формы выделяются в грамматике, курсах фонетики и словарях, включая фразеологические, как имеющие специфические функции в придании высказыванию выразительности. Некоторые из них нормативны, и хорошие словари помечают их как стилистические, в большинстве случаев они имеют нейтральные синонимы.

Например:

1) He shall do it! = I shall make him do it.

2) Isn't she cute! = She is very nice? Isn't she?

Выразительность может также быть достигнута композиционными приёмами, включающими много предложений – в синтаксическом единстве и в высказываниях.

3. Наиболее сильными выразительными средствами любого языка являются фонетические. Морфологические выразительные средства языка обеднены. Однако, некоторые из них, наряду с грамматикой демонстрируют некоторую выразительность:

the Historical Present.

Глагол shall во втором и в третьем лице единственного числа:

He shall do it – он обязательно сделает.

Использование указательных местоимений в эмфатических значениях:

Those gold candles.

Наряду со словообразовательными средствами, мы обнаруживаем формы, которые часто употребляются для придания высказыванию выразительности, усиливая некоторые семантические и грамматические свойства.

Например, суффикс-у (-ie):

deary – дорогуша;

sonny – сыночек;

auntie – тётушка.

4. На лексическом уровне существует много слов, которые благодаря своей внутренней выразительности создают особый слой.

Все типы фразеологических единиц обладают свойством выразительности. Устоявшиеся фразы, поговорки, крылатые выражения охватывают значительное количество языковых единиц, которые служат для выразительности речи. Благодаря общему эмоциональному характеру разговорной речи, устоявшиеся выражения являются естественными для повседневной жизни. Они – неотъемлемая часть формы человеческого взаимодействия. Но когда они появляются в письменных текстах, их выразительность становится явной, т.к.

письменные тексты логически ориентированы, если отсутствует преднамеренная попытка придать выразительный элемент высказыванию. Устоявшиеся выражения являются временно обусловленными и оживляют устную речь, но они редко употребляются в этих же целях в письменной речи.

5. На синтаксическом уровне существует много конструкций, которые при противопоставлении семантически нейтральным обнаруживают определённую степень логического или эмоционального выделения.

Чтобы различать выразительные средства и стилистические приёмы, необходимо иметь в виду, что выразительные средства являются фактами языка. Они представлены в соответствующих языковых справочниках, но нужно принять к сведению, что некоторые грамматисты учитывают элементы, придающие выразительность языку, как не имеющие значения для теории языка.

Стилистика изучает под особым углом выразительные средства, притом она учитывает модификации значений, которые претерпевают выразительные средства, используемые в разных стилях. Они заметно окрашивают высказывания независимо от того, логичны они или эмоциональны.

6. Стилистический приём – это сознательная интенсификация типичных структурных и/или семантических характеристик языковой единицы (нейтральной или выразительной), поднятая до обобщающего статуса и ставшая таким образом продуктивной моделью. Стилистический приём – абстрагированный образец модели, в которую может быть влиито любое содержание. Стилистический приём функционирует в тексте как маркированная единица. Он всегда несёт некоторую добавочную информацию. Мотивированное использование стилистических приёмов в произведении литературы не всегда легко опознаваемо, хотя они используются в отношении фактов, событий или людей. Большинство стилистических приёмов демонстрируют два значения:

- 1) обычное, которое уже установилось в языке как системе;
- 2) специальное (навязанное текстом).

Однако иногда двусторонне применение лексической единицы осуществляется не взаимодействием двух значений, а двух слов (обычно синонимов), одно из которых воспринимается на фоне другого. Происхождение стилистических приёмов является естественным процессом развития языковой среды. Языковые единицы, которые используются с более или менее определёнными целями в письменной речи и

функциональных стилях, начинают развивать новые характеристики, более широкий диапазон новых функций, т.е. становятся многофункциональными. Таким образом, их можно считать инвариантами с конкретными переменными.

7. Взаимоотношения между выразительными средствами и стилистическими приёмами можно определить с точки зрения теории информации. Выразительные средства имеют более высокую степень прогнозируемости, чем стилистические приёмы. Последние могут появляться в чуждой среде и быть мало прогнозируемыми или вообще непрогнозируемыми.

Выразительные средства, наоборот, следуют естественному ходу мыслей, подчёркивая его с помощью средств, обычно используемых в языке. Стилистические приёмы несут большой объём информации и таким образом требуют больших усилий для декодирования их значений и цели. Стилистические приёмы должны рассматриваться как специальный код, который должен быть хорошо известен читателю и легко расшифровываться. Не всякое стилистическое использование языкового факта подходит под понятие стилистического приёма. Хотя некоторые использования наводят на мысль о существовании практически неограниченной возможности стилистического использования любого языкового факта. Чтобы языковой факт стал стилистическим приёмом, он должен подразумевать двустороннее восприятие лексического или структурного значения. Необходимо различать стилистические использования языковой единицы (стилистическое значение) и стилистические приёмы (реализацию уже хорошо известно «абстрактной» схемы, созданной для достижения определённого художественного воздействия). До сих пор система стилистических приёмов не полностью признана полноправной частью общей системы языка. Это объясняется, в основном, концепцией грамматической теории как имеющей дело исключительно с совершенно организованной и жесткой схемой языковых правил, чётких и категорических в применении.

Стиль и стилистика

1. Определение стилистики, её задачи и связь с другими науками.
2. Стилистика и стиль.
3. Индивидуальный стиль и индивидуальный диалект.
4. Общее и особенное в индивидуальном стиле.
5. Языковая норма.

1. *Стилистика*, иногда называемая *лингвистикой*, является разделом общей лингвистики. Главным образом, она имеет дело с двумя взаимосвязанными задачами: а) исследование или инвентаризация специальной языковой среды, которая своими онтологическими особенностями обеспечивает желаемое

воздействие высказывания и б) определенные типы текстов (дискурсы), которые благодаря выбору и расположению языковых средств отличаются прагматическим аспектом сообщения. Цели стилистики определяют две отдельные области исследования.

Типы текстов, которые отличаются прагматическим аспектом сообщения, называют *функциональными стилями языка (ФС)*; специальные средства языковой среды, которые обеспечивают желаемое воздействие высказывания, называют *стилистическими приёмами (СП)* и *выразительными средствами (ВС)*.

Первая область исследования, то есть СП и ВС, обязательно затрагивает такие основные языковые проблемы, как эстетическая функция языка, синонимичные способы представления одной и той же мысли, эмоциональная окраска языка, взаимосвязь между языком и мышлением, индивидуальная манера автора в использовании языка.

Вторая область, то есть функциональные стили, обсуждает такие основные лингвистические проблемы, как устный и письменный варианты языка, понятие литературного (стандартного) языка, составляющие текстов, больше чем предложение, порождающий аспект литературных текстов.

Смежные со стилистикой дисциплины – это теория информации, литература, психология, логика и до некоторой степени статистика.

2. Для того чтобы установить границы стилистики, необходимо довольно долго вникать в проблему того, что является стилем. Слово *стиль* происходит от латинского слова «*stilus*», которое означало короткую палочку, с одного конца острую и плоскую с другого, используемую римлянами для того, чтобы писать на восковых табличках. Теперь слово «стиль» используется в таких разных смыслах, что оно порождает двусмысленности. Например: «Стиль – это сам человек» (Буффон); «Стиль – это глубина» (Дербишир); «Стиль – это выбор». Все эти идеи прямо или косвенно связаны с проблемами стилистики.

Примеры:

«Стиль – свойство языка, которое точно передаёт эмоции или мысли, или систему эмоций или мыслей, специфических для автора» (Д. Мидлтон Марри).

«Стиль – это выбор нехарактерных особенностей языка» (Л. Блумфилд).

«Стиль синонимичен с формой или выражением, а значит это ненужный термин» (Бенедетто Кроче).

«Стиль – по существу процесс питания, тело формулы, память (почти в кибернетическом значении слова), культурное, а не выразительное наследие» (Ролан Барт).

Некоторые лингвисты считают, что слово «стиль» и предмет лингвистической стилистики ограничены исследованием влияния сообщения, то

есть его воздействием на читателя. Стилистика в этом случае расценивается как языковая наука, которая занимается результатами актов коммуникации. По большей степени, это правда. Но стилистика должна также исследовать онтологические, то есть естественные, врожденные, и функциональные особенности средств общения, которые могут гарантировать необходимое воздействие.

Самое распространённое определение стиля выразил Сеймур Четмен: «Стиль – продукт индивидуальных выборов и *образцов выборов* (при условии добавления выразительности) среди лингвистических возможностей».

3. Из сказанного следует, что термин «стиль», будучи неоднозначным, нуждается в ограничительном определении, чтобы обозначить, какой именно аспект стиля мы будем рассматривать. Под этим предполагается, что термин индивидуальный стиль должен относиться к той сфере лингвистической и литературной науки, которая занимается особенностями индивидуальной манеры автора использовать язык для достижения желаемого воздействия. Речь человека, которая характеризуется особенностями, типичными для данного человека, называют *идиолектом*. Идиолект нужно отличать от того, что мы называем индивидуальным стилем, поскольку слово «стиль» предполагает преднамеренный выбор.

Индивидуальный стиль автора отмечен его уникальностью. Его можно узнать по особенной специфической комбинации языковых средств и по стилистическим приёмам, которые в своём взаимодействии представляют определённую систему. Эта система происходит из духа созидания, но её, тем не менее, можно определить. Естественно, индивидуальный стиль автора никогда не будет совершенно независимым от литературной нормы и законов рассматриваемого времени.

Индивидуальный стиль автора часто определяется общим термином «стиль». В действительности, стиль – более широкое понятие. Индивидуальный стиль автора – одно из применений термина «стиль».

4. Истинный характер индивидуального стиля автора не обязательно является демонстрацией сложных или тщательно продуманных выражений, которые он использует.

Некоторые формы языка, которые остаются незамеченными даже опытным читателем из-за их кажущейся незначительности в общей системе языка, могут быть превращены в элементы, отмеченные творческим умом автора.

В каждом индивидуальном стиле мы можем найти как обобщающее понятие,

так и деталь. Чем значительнее автор, тем более индивидуальным будет его стиль. Если нам удастся отделить и рассмотреть выборы, которые предпочитает делать автор, мы можем определить детали, которые составляют его стиль и делают его узнаваемым.

В то же время лингвист сможет распознать те потенциальные возможности языковых средств, которые до настоящего времени были скрыты или использовались, если вообще использовались, периодически.

Индивидуальность автора проявляется не только в выборе лексических, синтаксических и стилистических средств, но также и в их толковании. Только талантливый автор может заставить нас чувствовать то, что он хочет, чтобы мы чувствовали.

Индивидуальный стиль – это уникальная комбинация языковых единиц, выразительных средств и стилистических приёмов, присущих данному автору, которая делает его работы или даже высказывания легко узнаваемыми.

Следовательно, индивидуальный стиль можно приравнять к имени собственному.

Индивидуальный стиль допускает некоторые отклонения от строгих норм.

Индивидуальный стиль необходимо изучать в курсе стилистики, поскольку он использует потенциальные возможности языковых средств, какого бы характера эти потенциальные возможности ни были. Стиль каждого автора должен быть проанализирован отдельно, что естественно невозможно в рамках общей стилистики.

5. Рассмотрение отобранных авторами элементов поднимает проблему *нормы*. Понятие нормы, главным образом, относится к литературному языку и всегда предполагает *очевидный* или *общепризнанный стандарт*.

Существование различных норм для различных типов и стилей языка не исключает возможность и даже необходимость достижения некоторого абстрактного понятия нормы как *инварианта*, который должен охватить все *разновидности* с их самыми типичными свойствами. У каждого стиля языка есть свой собственный инвариант и разновидности языка. Как устные (разговорные), так и письменные (литературные) варианты могут быть также объединены в инвариант стандартного (общепринятого) языка.

Поэтому норму следует рассматривать как инвариант фонематических, морфологических, лексических и синтаксических образцов, циркулирующих в активном языке в установленном периоде времени. Разновидности этих образцов иногда могут отклоняться от инварианта, но они никогда не выходят за пределы, установленные инвариантом, чтобы не стать неузнаваемыми или вводить в заблуждение.

Проблема разновидностей норм или отклонений от нормы литературного языка получила широкое распространение среди лингвистов и является основной в некоторых современных крупных спорах.

Одно из самых характерных и существенных свойств нормы – её гибкость. Слишком строгая приверженность норме делает язык автора педантичным, независимо от того, является это проблемой речи или письма. Но с другой стороны, пренебрежение нормой всегда расценивается как попытка нарушить установленные сигналы языкового кодекса, который охраняет и ускоряет процесс общения.

Некоторые учёные полагают, что необходимо обладать так называемым «чувством языка» для того, чтобы понять норму языка и её возможные разновидности.

Рассматривая различные концепции термина «стиль», необходимо также упомянуть общепринятую коннотацию стиля как *украшения языка*. Язык и стиль как украшение рассматриваются как отдельные явления.

Стиль – продукт намерения автора оформить свои мысли так, чтобы придать им важность и неповторимость, облегчив тем самым их осознание читателем.

В. Гумбольдт

Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков

<...> Уже давно сложилось такое мнение, что различия между языками суть досадное препятствие на пути культуры, а изучение языков – неизбежное зло всякого образования. Никому не приходит в голову, что язык – это не просто средство для понимания народа, который на нем говорит, или писателя, который на нем пишет. Отсюда – неправильная склонность оценивать важность языка в зависимости от совершенства его литературы, полное пренебрежение к языкам, литературы вовсе не имеющим, и превратная методика обучения языку, при которой усилия направляются на то, чтобы понимать произведения писателей.

Язык, и не только язык вообще, но каждый язык в отдельности, даже самый бедный и грубый, сам по себе и для себя есть предмет, заслуживающий самого пристального осмысления. Язык – это не просто, как принято говорить, отпечаток идей народа, так как множество его знаков не позволяет обнаружить никаких существующих отдельно от него идей; язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию. Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее; и если вещь эта не является предметом внешнего мира, каждый [говорящий] по-своему ее создает, находя в ней ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль. Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, поэтому в нем не следует бояться ни изощренности, ни избытка фантазии, которые кое-кто считает нежелательными. <...>

Изучение языков мира – это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех степеней культурного развития; в нее должно входить все, что касается человека.

В. Гумбольдт

Характер языка и характер народа

В одной из моих академических лекций я уже обращал внимание слушателей на то, что различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, что слова и формы слов образуют и определяют понятия и что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями. <...>

Едва ли нужно упоминать о том, что индивидуальность есть единство различий. Она заметна только тогда, когда в той части, в которой один язык отличается от всех остальных, удастся усмотреть обусловленное и одновременно обуславливающее единообразие. <...> Исследование этой индивидуальности, а также ее точная характеристика в каждом случае есть труднейшая задача языкознания. <...>

В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации. Во всяком случае, нет возможности определить точный момент возникновения у нации языка, ибо даже возникновение самой нации есть лишь переход [от одной точки к другой] в устойчивом ряду, и нельзя себе представить начальную точку нации или языка. Однако наша историческая наука нигде не доказывает положения о том, что нация очевидным образом возникла до своего языка или, другими словами, что язык может быть построен только с помощью нации, которой он принадлежит. При этом и в самом языке заложено исконное своеобразие и определенные способы воздействия. Такая связь двух характеров обнаруживается и в тех языках, источник которых теряется в глубине столетий, так что нельзя ничего решить об их исконных свойствах. <...>

Греки, благодаря своему развитому чувству языка, ощущали тесную связь между поэтическими жанрами и языковым обликом, поэтому, поскольку было соблюдено требование общепонятности, каждому жанру был отведен в этом богатом языке отдельный диалект. Здесь мы находим разительный пример силы языкового характера. Если же, например, переменить роли, представив себе эпическую поэзию на дорическом, а лирическую – на ионийском диалекте, то сразу можно почувствовать, что изменились не звуки, а дух и сущность. Высокая проза никогда не достигла бы расцвета без аттического диалекта, само возникновение которого, равно как и примечательное сходство его с ионийским, принадлежит к важнейшим достижениям в истории человеческого духа. Вряд ли смогла бы проза в высшем понимании этого слова явиться до него или независимо от него; та проза, которая необходима человеческому духу для его благороднейшего и свободного развития, была создана на аттическом диалекте.

Это последнее заслуживает и требует особого разъяснения в рамках настоящей работы.

Выше я пытался установить, существует ли у языков характер, и если да, то каковы его границы. В своем наиболее полном и очищенном виде он проявляется прежде всего в живой речи. Однако речь исчезает вместе с говорящими, поэтому приходится связывать характер языков с тем, что остается в их мертвых творениях, в их строе, в их составных частях. В более узком смысле мы понимаем под характером языков то, чем они либо обладали изначально, либо приобрели настолько давно, что получили способность воздействовать на поколения их носителей как на нечто относительно постороннее.

Благодаря своему характеру языки могут воздействовать не только на все поколения народов, говорящих на них, но и на другие языки, с которыми они рано или поздно приходят в соприкосновение либо непосредственное, либо, как уже мертвые языки, через свои памятники, либо через науку, изучающую их строй. Влияние языков друг на друга двояко: оно может быть произвольным, когда заново образующиеся языки наследуют характер и сущность своего предка, и другим, по мере углубления и прояснения осознанности лишь возрастающим, когда языки одного строения становятся предметом изучения народов, говорящих на иначе построенных языках, либо различные языки вступают друг с другом в живое взаимодействие. <...>

С этой точки зрения различия между языками приобретают всемирно-историческое значение. Совместное рассмотрение различных [их] особенностей придает мысли новую форму, которая перейдет к грядущим поколениям; возрастает сила идей и одновременно расширяется их пространство, они [произвольно] становятся собственностью того, кто не отваживается проложить к ним путь самостоятельно. До тех пор пока звенья этой цепи, сплетаемой в течение тысячелетий мыслями и в большинстве своем чувствами народов, не будут разорваны мощным потрясением, никогда не утратится старое, ибо в нем заключены ростки нового, и это продвижение вперед безгранично, как сама мысль, как само чувство. <...>

Языки и различия между ними должны таким образом рассматриваться как сила, пронизывающая всю историю человечества; если же оставить их без внимания или распознать их влияние не в чистом или ограниченном виде, тогда остается неполным понимание того, как доходит человечество до овладения той духовной массой, если можно так выразиться, которую оно вынесло из царства мысли в область ясного и определенного. В этом случае будет недоставать важнейшего, поскольку язык вступает в действие самым непосредственным образом в той точке, где порождение объективной мысли и возвышение субъективной силы происходят друг из друга при обоюдном нарастании.

Исследование воздействия, которое производит прогресс народов в науке и в искусстве, а также взаимосвязей [национальных] литератур не может восполнить указанный недостаток. Все перечисленные сферы деятельности содержат, с одной стороны, то, на что влияние языка не распространяется, а с другой – не содержат всего, что входит в язык.

С этой точки зрения каждый язык имеет по-своему очерченный круг влияния. Для одних мы должны признать, что они внесли существенный вклад в наше сегодняшнее образование, сопровождая все формы его развития начиная с глубокой древности. Другие языки создали себе обособленную и не связанную непосредственно с нашей духовную область. Многие либо не достигли той ступени развития, на которой могут быть созданы творения духа, либо, достигнув ее однажды, деградировали впоследствии. Тем самым они важны здесь либо для истории других языков, либо как отдельные примеры культурного состояния разных народов. Таким образом, наше всемирно-историческое рассмотрение языков должно ответить и на вопрос о том, как язык, исходя из природного звука и потребности, становится родителем и воспитателем всего высочайшего и тончайшего в человечестве. Исследуя различия в исторических судьбах, разного рода взаимодействия и родственные связи, можно обособить и сопоставить неизвестные нам до сих пор языки, определить их характер, найти в их строе источник этого характера и оценить их историческую ценность. <...>

Между тем и поныне многие измеряют ценность изучения языка ценностью его литературы, а занятия лишенными литератур языками объявляют пригодными лишь для утоления праздного научного любопытства, находя исследования их звуков, словаря и словоизменения ничтожными и недостойными философского осмысления. Однако здесь все очень просто. В действительности – и в целом именно такое убеждение складывается у нас из опыта – своеобразие языка влияет на сущность нации, как той, которая говорит на нем, так и той, для которой он чужой, поэтому тщательное изучение языка должно включать в себя все, что история и философия связывают с внутренним миром человека. Поскольку язык оказывает воздействие только через самого себя, приходится изучать его, как и всякий предмет, который мы хотим по-настоящему обосновать сам по себе и независимо от любых других целей. Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уводит. Такое исследование языка самого по себе уподобляет его любому другому природному объекту. Оно должно объять все различия, поскольку каждое из них принадлежит понятийному целому; оно должно вникнуть в подробнейшие расчленения на составные части, поскольку совокупное воздействие языка складывается из

постоянно возобновляющегося действия этих составных частей.

Приходится также отвечать и на вопрос о том, каким образом различия в характере языков способны расширять и возвышать познание.

Язык имеет тройную цель, соответствующую интенсивности его действия.

Он – посредник в процессе понимания и требует поэтому определенности и ясности.

Он дает чувству выражение, и сам вызывает чувство и потому требует силы, отчетливости и гибкости.

Он побуждает через сообщаемый мысли облик к новым мыслям и их сочетаниям и потому требует действия духа, который оставляет в словах свой отпечаток.

Один язык может отличаться от другого, превосходя его в одном из способов действия и уступая в другом, но каждый из трех способов требует для своего осуществления двух других, если же какой-то из них возобладает, то путь его исказится, ясность станет скучной бессодержательностью, выражение чувств – высокопарной надуманностью и неясностью. Безупречное своеобразие возникает благодаря соразмерному взаимоопределению этих способов действия, в котором, однако, один является господствующим.

Язык выражает мысли и чувства как предметы, но он к тому же следует движениям мысли и чувств, их скорости, повторяет равномерность и неравномерность их хода, своеобразные избирательные отношения, в соответствии с которыми различные народы соединяют свои мысли и чувства.

<...>

Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка, для того чтобы научиться понимать действующее помимо языка искусство. Но человек чувствует и знает, что язык для него – только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие.

Из сказанного выше можно вывести два в высшей мере примечательных различия между языками; одно из них связано со степенью осознания упомянутой недостаточности говорящими и стремлением ее преодолеть, второе – с разнообразием точек зрения на способы обозначения, поскольку многосторонность предметов в сочетании со множественностью механизмов понимания делают число этих точек зрения неопределенным. <...>

[Вторая] разновидность языковых различий, связанная со способами обозначения, выражает точку зрения на предметы и на построенные для этих предметов понятия. Несмотря на бесконечное их разнообразие, во всем том, что имеет название у какого-либо народа, заложена некая общность явления, которая сообщается слову как знаку. В общих чертах можно представить себе, что слова одного языка являют больше чувственной образности, другого – больше духовности, третьего – больше рассудочного отражения понятий и т.п., только многообразии и главным образом своеобразии способа обозначения не поддается выражению в столь общем виде. Ни одна из упомянутых особенностей не встречается изолированно, и если даже в языках различных народов можно найти что-либо с этой точки зрения общее, никогда нельзя утверждать, что они обладают одной и той же особенностью. <...>

Из всего сказанного следует, что различия в характере языков лучше всего проявляются в состоянии духа и в способе мышления и восприятия. Влияние характера языка на субъективный мир неоспоримо. Наиболее отчетливо проявляется своеобразие каждого языка в поэзии, где устройство конкретного материала налагает на дух менее всего оков. Еще естественнее это своеобразие выражено в народной жизни и в связанных с ней типах литератур. Но прекраснее и одухотвореннее всего раскрывается языковая индивидуальность в языке философии, где из благороднейшего субъективного мира в его гармоничном движении рождается объективная истина. <...> Там, где по счастливому случаю человечество в лице какого-либо народа достигает высот развития и язык обладает способностью тесно сплести объективное и субъективное, при том, что превосходство первого не ущемляет прав второго, там и распускается прекрасный цветок человеческого общения. Живо построенная, основанная на обмене чувствами и идеями беседа сама по себе является как бы центром языка, сущность которого можно представить себе как звук и ответный звук – как речь и ответную речь; происхождение и преобразования языка никогда не принадлежат одному человеку, но только – общности людей; языковая способность покоится в глубине души каждого отдельного человека, но приводится в действие только при общении. <...>

В. Гумбольдт

О буквенном письме и его связи со строением языка

При размышлениях о связи буквенного письма с языком мне всегда казалось, что первое находится в прямом соотношении с качествами последнего и что принятие, обработка и даже разновидность алфавита, а может быть, и его изобретение зависят от степени совершенства языка, а в конечном счете – от языковых предпосылок каждой нации.

Длительные занятия американскими языками, изучение древнеиндийского и некоторых родственных ему языков и наблюдения над строением китайского языка, как мне казалось, давали и историческое подтверждение этого положения. Американские языки, строение которых определенно отличается от совершенного, хотя их вовсе не справедливо было бы называть грубыми и дикими, насколько нам сейчас известно, никогда не обладали буквенным письмом. С семитскими и индийскими буквенное письмо связано настолько тесно, что нет даже малейших следов, указывающих на то, что они когда-либо пользовались каким-либо иным письмом. Если китайцы упорно отвергают столь давно уже известные им европейские алфавиты, то это, по моему мнению, объясняется вовсе не приверженностью их к своему и антипатией к чужому, но, скорее всего, тем, что в соответствии с их языковыми предпосылками и строением их языка в них еще не проснулась внутренняя потребность в буквенном письме. Если бы это было не так, то присущая им в большой степени изобретательность и сами их письменные знаки привели бы их к разработке настоящего, полноценного и совершенного алфавита в отличие от тех фонетических знаков, которые они сейчас используют только в качестве вспомогательного средства.

Эта гипотеза плохо подходила, как будто бы, только к Египту. Ибо современный коптский язык, бесспорно, показывает, что и древнеегипетскому было свойственно строение, не говорящее о больших языковых способностях нации, и все же Египет не только обладал буквенным письмом, но даже был, согласно вполне достоверным свидетельствам, его колыбелью. Но даже если нация является изобретательницей буквенного письма, то все равно способ ее обращения с ним будет соответствовать национальным способностям к восприятию мысли и ее закреплению и развитию в языковой форме; и истинность этого утверждения вытекает из той удивительной манеры, в которой египтяне сочетали друг с другом рисунок и буквенное письмо.

Итак, буквенное письмо и языковая предрасположенность находятся в тесной взаимосвязи и в непрерывной взаимозависимости. Я постараюсь доказать здесь это как исходя из чистых понятий, так и исторически, насколько это позволит скромный объем данной работы. <...>

Звучащее слово – это как бы воплощение мысли, а письмо – воплощение звука. Самая общая его функция заключается в том, что оно прочно скрепляет язык и тем самым делает возможным совершенно иное его осмысление, чем то, когда произнесенное слово просто находит себе определенное место в памяти. В то же время ясно, что не любая функция письменного обозначения и конкретных его разновидностей принимает участие во влиянии языка на дух. Следовательно, ни в коем случае не все равно, какой именно импульс получает духовная

деятельность со стороны конкретного характера письменного обозначения. Законами этой деятельности обусловлено рассмотрение мыслимого и зримого как знака и обозначенного, поочередное обращение к ним и их различное взаимное соотнесение; ей свойственно сопровождать идеи или воззрения другими, родственными им, и потому перенос мысли, закрепленной только в звуке, на зримый предмет, в зависимости от того, как этот перенос осуществляется, может придать духу весьма различные направления. Но если взаимосвязь явлений не нарушается, то очевидно, что языковое мышление, речь и письмо должны быть согласованы друг с другом и как бы отлиты из единой формы. <...>

Само по себе ясно, что всякое рисуночное письмо, передавая зрительный образ реального предмета, должно мешать действию языка вместо того, чтобы его поддерживать. Язык нуждается и в наблюдении, но закрепляет эту потребность в словоформе, связанной посредством звука. Последней должно быть подчинено представление о предмете, чтобы оно превратилось в звено той бесконечной цепи, на которую по всем направлениям нанизывается языковое мышление. Когда рисунок становится письменным знаком, он произвольно оттесняет на второй план то, что он должен обозначать – слово. Сущность языка – главенство субъективности – ослабляется; реальная сила явления наносит ущерб системе идей; объект давит на дух всеми своими признаками, причем не теми, которые избирательно характеризуют слово в соответствии с индивидуальным духом языка; письмо, которое должно быть лишь знаком знака, становится одновременно и знаком объекта и, проецируя в мысль непосредственный зрительный образ, ослабляет то воздействие, которое слово осуществляет именно за счет того, что стремится быть чистым знаком. Рисунок не может добавить языку живости, поскольку такая живость не соответствует языковой природе, и обе разные функции духа, которым рисуночное письмо должно было бы способствовать, в результате его применения не усиливаются, но лишь рассеиваются.

Напротив, идеографическое письмо, обозначающее понятия, казалось бы, хорошо удовлетворяет системе идей языка. Ведь его произвольно выбранные знаки так же, как и буквы, не содержат ничего, что могло бы отвлечь дух, а внутренняя закономерность этих знаков замыкает мышление на самом себе.

Однако и такое письмо, пусть даже устроенное в соответствии с совершенно четкими закономерностями, действует наперекор идеальной, то есть превращающей внешний мир в идеи, природе языка. Ведь для языка материалом является не только чувственное явление, но и неопределенное мышление в той мере, в какой оно не связано прочными и четкими узами звука; ибо оно отсутствует в собственно присущей языку форме. Индивидуальность слов, которая состоит в том, что в каждом слове имеется еще нечто, кроме его простой

логической дефиниции, зависит от звука в той мере, в какой последний непосредственно пробуждает в душе собственный отклик на каждое слово. Знак, который апеллирует только к понятию и пренебрегает звуком, следовательно, не может полноценно выразить эту индивидуальность. Система таких знаков передает лишь понятия, скопированные с внешнего и внутреннего мира; но язык должен содержать в себе сам этот мир, пусть превращенный в мысленные знаки, но во всей полноте его богатого, пестрого и живого многообразия. <...>

Буквенное письмо свободно от этих недостатков, будучи простым знаком знака, не отвлекающим посредством каких бы то ни было дополнительных понятий, повсюду сопровождающих язык, не обгоняя его и не отодвигая его в сторону, не обозначая ничего, кроме звука, и тем самым сохраняя естественный порядок, согласно которому мысль должна побуждаться производимым посредством звука впечатлением, а письмо должно передавать это впечатление не само по себе, но именно в этой конкретной форме.

Таким образом, точно следуя собственной природе языка, буквенное письмо как раз способствует его функционированию, отвергая кажущиеся достоинства рисунка и понятийного выражения. Оно не мешает чистой мыслительной природе языка, а, напротив, усиливает ее посредством разумного использования черт, которые сами по себе лишены смысла, а также облагораживает и возвышает ее чувственное выражение, разлагая на основные элементы звук, связанный в речи, выявляя взаимосвязь этих элементов и отношение их к слову и соотнося их также и со слышимой речью путем фиксации перед глазами. <...>

Правда, обнаружение звуковых элементов мыслимо и без использования буквенного письма, и китайцы, в частности, знакомы с анализом связанных звуков, ибо могут точно и определенно указать число и различия своих начальных и конечных артикуляций и своих словесных тонов. Но так как ничто в привычном им языке и письме (в той мере, в какой оно действительно является знаковым письмом – ведь китайцы, как известно, примешивают к нему также и звуковое обозначение) не побуждает к такому анализу, то уже поэтому он не может быть общеупотребительным. Далее, поскольку отсутствует изолированная передача каждого отдельного звука (согласного и гласного) через принадлежащий ему одному знак, но имеются лишь способы передачи начал и концов связанных звуков, то представление звуковых элементов не является столь же ясным и наглядным, как в буквенном письме, а потому такой звуковой анализ, хотя ему нельзя отказать в полноте и точности, не оказывает на дух воздействия, свойственного действительно завершеному языковому делению. <...> Напротив, алфавитное чтение и письмо каждое мгновение вынуждают к распознаванию звуковых элементов, различимых одновременно слухом и взглядом, и приучают к легкому разделению и сложению этих элементов; таким образом, они вводят

совершенно правильное представление о делимости языка на элементы в общем употреблении в той самой степени, в какой они сами распространены в пределах нации.

Прежде всего это справедливое представление сказывается на произношении, которое упрочивается и облагораживается через распознавание и заучивание звуковых элементов в изолированном виде. Поскольку для каждого звука имеется знак, то ухо и речевые органы привыкают к восприятию и передаче его всегда одним и тем же способом; в то же время вследствие отделения неопределенных оттенков, всегда сопровождающих переход от одного звука к другому в неразвитой речи, звуки яснее и правильнее отграничиваются друг от друга. Уже само по себе такое чистое произношение, высокое развитие слуха и речевых органов и воздействие этих факторов на внутреннее устройство языка имеют исключительно важное значение; но выделение звуковых элементов оказывает еще более глубокое воздействие на сущность языка.

А именно, в результате такого выделения, обособливающего и обозначающего членораздельные звуки, перед духом предстает звуковая артикуляция. Алфавитное письмо делает это яснее и нагляднее, чем какое бы то ни было иное средство, и не будет слишком смелым сказать, что алфавит позволяет народу совершенно по-новому взглянуть на природу языка. Поскольку сущность языка заключена в членораздельности, без которой язык просто был бы невозможен, а идея членения пронизывает его целиком, - даже там, где речь идет не только о звуках, - постольку осознание и представление расчлененного звука должны быть в первую очередь связаны с первоначальной правильностью и постепенным развитием языкового сознания. <...>

Столь непосредственно связанное с внутренней природой языка буквенное письмо неизбежно влияет на все его сферы, и потребность в нем ощущается всюду. Я напомним здесь всего лишь о двух моментах, связь письма с которыми наиболее очевидна: о ритмических достоинствах языков и об образовании грамматических форм.

<...> Конечно, ритмическая поэзия имела у всех наций еще до появления у них письма, при этом у некоторых она была слоговой, а у немногих, высокоорганизованных народов, достигала в этом отношении большого совершенства. Но появление алфавита, бесспорно, могло отразиться на поэзии только самым положительным образом, а до него уже само наличие поэзии свидетельствует о столь развитом чувстве природы отдельных языковых звуков, что для этого чувства недостает только обозначения – так же, как и в других случаях человек часто бывает вынужден ждать от руки судьбы чувственного выражения того, что давно уже созрело в его душе. Ибо при оценке влияния

буквенного письма на язык нужно прежде всего обратить внимание на то, что и в этом письме, собственно, заложены два фактора: выделение артикулированных звуков и их внешние обозначения. Мы уже отметили выше, при обсуждении китайского письма – в данном случае то же самое утверждение можно распространить и на алфавитное письмо, - что не всякое использование звуковых обозначений оказывает на язык решающее влияние, такое, какое обеспечивает для нации и ее языка принятие буквенного письма в его настоящем виде. Напротив, если выдающиеся языковые предпосылки народа подготавливают и обуславливают внутреннее восприятие членораздельного звука (являющееся как бы духовным компонентом алфавита), то и при отсутствии алфавитных знаков, еще до возникновения буквенного письма, народ этот может частично пользоваться его преимуществами.

Поэтому слоговые размеры, подобно гекзаметру и шестнадцатисложному стиху шлок, дошедшие до нас из тьмы веков, но до сих пор неподражаемо чарующие слух одной только последовательностью своих слогов, являют собой, может быть, еще более сильное и надежное доказательство глубокого и тонкого языкового сознания породивших их наций, чем сами сохранившиеся их стихотворения. Ведь в каком бы тесном родстве ни состояла поэзия с языком, все же на нее, естественно, одновременно действуют многие духовные факторы; но нахождение способа гармонического переплетения слоговых долгот и краткостей свидетельствует о восприятии языка в его истинном своеобразии, о способности слуха и сознания к такой реакции на соотношение артикуляций, которая приводит к различению отдельных артикуляций внутри связанных и к определенному и правильному распознаванию их звуковых качеств. <...>

Словоизменение, на котором основывается сущность грамматических форм, неизбежно ведет к различению отдельных артикуляций и вниманию к ним. Когда язык соединяет друг с другом только значимые звуки или, во всяком случае, не умеет прочно сплавлять грамматические обозначения со словами, он имеет дело только со звуковым целым и не стремится к различению отдельной артикуляции так, как это происходит в том случае, когда одно и то же слово выступает в различных словоизменительных формах. Поскольку в результате утонченности и живости языкового сознания возникают прочные грамматические формы, то они способствуют распознаванию системы звуков, за которым следует уже беспрепятственное изобретение или плодотворное использование видимых знаков. Ибо когда алфавитом начинает пользоваться народ, обладающий еще грамматически несовершенным языком, то за счет добавления и изменения отдельных букв могут быть образованы новые словоизменительные формы, старые же формы могут лучше сохраняться, а еще не полностью сформировавшиеся – могут быть четче отграничены.

Еще более существенным образом, хотя это и не так заметно на конкретных признаках, буквенное письмо воздействует на язык тем, что только оно завершает представление о его членении и повсеместно его распространяет. <...> В языках без буквенного письма и без явных признаков осознания потребности в нем следствия подобной незавершенности сказываются не только на правильности и полноте представления о членораздельности звуков, но на всем их строении и употреблении в целом. Однако членение есть самая сущность языка; в нем нет ничего, что не могло бы быть частью либо целым, и эффективность его непрерывного действия зависит от легкости, точности и согласованности его делений и сочетаний. Понятие членения есть логическая функция языка, в той же мере, в какой оно является функцией самого мышления. Следовательно, если народ благодаря остроте своего языкового сознания воспринимает язык в его подлинном своеобразии, духовном и звуковом, то он стремится дойти до его исходных элементов – основных звуков, – различить их и дать им обозначение, иными словами – изобрести буквенное письмо или с готовностью усвоить предлагаемое ему извне. <...>

Ибо настоящим письмом можно назвать только такое, которое обозначает определенные слова в определенном порядке, что даже и при отсутствии букв можно осуществлять при помощи понятийных знаков и даже при помощи рисунков. Но если, напротив, письмом в широчайшем смысле этого слова называть любую передачу мыслей, осуществляемую посредством звуков, то есть при которой пишущий представляет себе слова и которую читающий также переводит в слова, пусть не совсем в те же самые (определение, без которого не было бы никакой границы между рисунком и письмом), то между двумя этими конечными пунктами окажется обширное пространство для разнообразных степеней совершенства письма. Последнее, в частности, зависит от того, закреплены ли знаки в своем употреблении за более или менее определенными словами или же только за мыслями, и, следовательно, от того, в какой мере расшифровка их приближается к чтению как таковому. И мексиканское иероглифическое письмо, как кажется, в своем развитии остановилось внутри этого пространства, не достигнув уровня настоящего письма, хотя и на такой ступени развития, которую сейчас трудно точно определить. Так, например, сейчас нельзя уже установить, можно ли было в иероглифической форме записывать стихи – а некоторые стихи были весьма известны, и упоминания о них сохранились в источниках, – ведь неопровержимо, что форма поэзии связывает ее с определенными словами в определенном порядке. Если это было невозможно, то здесь перуанцы находились в более выгодном положении. Ибо письмо, или его аналог, не представляющее объекты как таковые, но являющееся скорее внутренним вспомогательным средством памяти, может, пусть не вполне

адекватно, передаваться другому народу и весьма долго сохраняться во времени в органической связи с языком. При этом, конечно, нельзя забывать, что народ, пользующийся таким письмом, обладает не столько настоящим письмом, сколько лишь способом непосредственной отсылки к памяти без письма, высоко усовершенствованным при помощи искусных средств. Но как раз в том и заключается важнейшее различие между наличием и отсутствием письма, что в первом случае памяти не отводится уже главная роль среди устремлений духа.

Каковы бы ни были достоинства и недостатки каждой из этих двух [1] систем письма, они все же удовлетворяли нации, их усвоившие; они к ним привыкли, и каждая из них (и прежде всего – перуанская) была даже интегрирована в государственное устройство и в аппарат государственной власти. Поэтому трудно представить себе, каким образом какой-либо из этих народов мог бы самостоятельно прийти к буквенному письму; однако возможность этого все же не исключена. Пример Египта показывает близкое родство звуковых иероглифов и букв, а из графического представления веревочных узелков могли бы возникнуть знаки, напоминающие по форме китайские, но допускающие также и фонетическую трактовку. Но для этого нужны были бы духовные предпосылки, сходные с теми, которые у египтян выявились настолько рано, что их можно обнаружить даже в самых древних источниках; а для будущего развития нации всегда является неблагоприятным признаком то, что она, еще при отсутствии подобных предпосылок, уже стоит на таком значительном уровне развития и характеризуется такими многообразными и прочными общественными формами, как это было в Мексике и Перу. Можно предположить, что в обоих государствах, как в настоящее время в Китае, имело бы место сопротивление принятию буквенного письма, если бы последнее предлагалось добровольно, а не принудительно, в результате завоевания.

Разбирая грамматические формы, я пытался показать, что место их могут занимать всего лишь аналоги; точно так же обстоит дело и с письмом. Там, где отсутствует настоящее письмо, единственно пригодное для языка, все внешние, а до некоторой степени также и внутренние цели и потребности могут удовлетворять и другие, заменяющие его системы. Но своеобразное воздействие настоящего письма, равно как и своеобразное воздействие подлинной грамматической формы, не может быть заменено ничем и никогда; оно заложено во внутреннем восприятии и обращении с языком, в способе формирования мысли, в индивидуальности мыслительных и чувственных потенций.

Но если такие заменяющие средства (поскольку теперь это выражение уже понятно) уже пустили свои корни, если инстинктивно стремящееся к лучшему сознание нации не воспрепятствовало их закреплению, то они еще более притупляют это сознание, поддерживают ложную, удобную для себя

направленность системы языка и мышления или же придают ей такую направленность и становятся уже неискоренимыми, а если их все же удастся искоренить, то ожидаемые благотворные последствия этого проявляются уже значительно слабее и медленнее. Следовательно, если народ с радостью принимает и усваивает буквенное письмо, он должен сделать это рано, на заре своей юности, по крайней мере в то время, когда он еще не создал при помощи искусственных и мучительных усилий другой разновидности письма и не привык к ней. В еще большей мере так должно обстоять дело, когда буквенное письмо изобретается исходя из внутренней потребности, не проходя через каких бы то ни было посредников. Но могло ли такое когда-либо действительно произойти или же это настолько неправдоподобно, что может рассматриваться лишь как отдаленная возможность, - к обсуждению этого вопроса я предполагаю вернуться в другом месте.

В. Гумбольдт

О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества

Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением. <...>

Возникновение языков обуславливается теми же причинами, что и возникновение духовной силы, и в то же время язык остается постоянным стимулятором последней. Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей. Народ создает свой язык как орудие человеческой деятельности, позволяя ему свободно развернуться из своих глубин, и вместе с тем ищет и обретает нечто реальное, нечто новое и высшее; а достигая этого на путях поэтического творчества и философских предвидений, он в свою очередь оказывает обратное воздействие и на свой язык. Если первые, самые примитивные и еще не оформившиеся опыты интеллектуальных устремлений можно назвать литературой, то язык развивается в неразрывной связи с ней.

Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое. В самом деле, умственная деятельность и язык допускают и вызывают к жизни только такие формы, которые удовлетворяют их запросам. Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть

его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой. Впрочем, не пытаясь определять приоритет одного или другого, мы должны видеть в духовной силе народа реальный определяющий принцип и подлинную определяющую основу для различий языков, так как только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее. <...>

Переходя к объяснению различий в строении языков, не следует изучать духовное своеобразие народа обособленно от языка, а затем переносить его особенности на язык. О народах, живших в ранние эпохи, мы узнаем вообще только по их языкам, и при этом часто мы не в состоянии определить точно, какому именно из народов, известных нам по происхождению и историческим связям, следует приписать тот или иной язык. Так, Zendский является для нас языком народа, относительно которого мы можем строить только догадки. Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны. Если рассматривать языки в качестве основы для объяснения ступеней духовного развития, то их возникновение следует, конечно, приписывать интеллектуальному своеобразию народа, а это своеобразие отыскивать в самом строе каждого отдельного языка. Чтобы намеченный путь рассуждения мог быть завершен, необходимо глубже вникнуть в природу языков и в возможность обратного воздействия различных языков на духовное развитие и таким образом поднять сравнительное языковедение на высшую и конечную ступень.

Для успешного продвижения по намеченному выше пути необходимо, конечно, установить правильное направление в исследовании языка. Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как созидающий процесс (*Erzeugung*). При этом надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений. <...>

По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energieia*). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. В строгом смысле это

определение пригодно для всякого акта речевой деятельности, но в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. В беспорядочном хаосе слов и правил, которые мы по привычке именуем языком, наличествуют лишь отдельные элементы, воспроизводимые – и притом неполно – речевой деятельностью; необходима вся повторяющаяся деятельность, чтобы можно было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка. По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи, что является лишним доказательством в пользу того, что каждый язык заключается в акте его реального порождения. <...> Расчленение языка на слова и правила – это лишь мертвый продукт научного анализа. <...>

Так как каждый язык наследует свой материал из недоступных нам периодов доистории, то духовная деятельность, направленная на выражение мысли, имеет дело уже с готовым материалом: она не создает, а преобразует.

Эта деятельность осуществляется постоянным и однородным образом. <...> Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка. <...>

Из всего до сих пор сказанного с полной очевидностью явствует, что под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма. Различие, которое мы обычно проводим между грамматикой и лексикой, имеет лишь практическое значение[®] для изучения языков, но для подлинного языковедческого исследования не устанавливает ни границ, ни правил. <...>

В абсолютном смысле в языке не может быть никакой неоформленной материи, так как все в нем направлено на выполнение определенной цели, а именно на выражение мысли, причем работа эта начинается уже с первичного его элемента – членораздельного звука, который становится членораздельным благодаря приданию ему формы. Действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка. <...>

Тщательное проникновение во все грамматические тонкости слов, а также их простейших элементов совершенно необходимо, чтобы избежать ошибок в своих суждениях о них. Вместе с тем, само собой разумеется, что эти частности должны включаться в понятие формы языков не в виде изолированных фактов, а лишь постольку, поскольку в них вскрывается единый способ образования языка. Через описание формы мы должны установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке. Надо уметь видеть, чем отличается данный язык от других как в отношении своих

определенных целей, так и по своему влиянию на духовную деятельность нации. По самой своей природе форма языка есть синтез отдельных, в противоположность ей рассматриваемых как материя элементов языка, в их духовном единстве. Такое единство мы обнаруживаем в каждом языке, и посредством этого единства народ усваивает язык, который передается ему по наследству. Это же единство должно найти отражение и при описании языка, и только тогда, когда от разрозненных элементов поднимаются до этого единства, получают реальное представление о самом языке. Без такого подхода мы определенно рискуем просто-напросто не понять отдельных элементов в их подлинном своеобразии, и тем более в их реальной взаимосвязи. < ... >

Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность, совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая в известном смысле бесследно, посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия. Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое. В силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием. Нерасторжимая связь мысли, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы. При этом согласованность между звуком и мыслью сразу же бросается в глаза. < ... >

Поистине в языке следует видеть не какой-то материал, который можно обзреть в его совокупности или передать часть за частью, а вечно порождающий себя организм, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере даже способ порождения остаются совершенно произвольными. Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка в их памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнением. Услышанное не просто сообщается нам: оно настраивает душу на более легкое понимание еще ни разу не слышанного; оно проливает свет на давно услышанное, но с первого раза полупонятое или вовсе не понятое и лишь теперь – благодаря своей однородности с только что воспринятым – проясняющееся для окрепшей меж тем душевной силы; оно стимулирует стремление и способность все быстрее впитывать памятью все большую часть услышанного, все меньшей его части позволяя пролетать пустым звуком. Успехи здесь растут поэтому не как при заучивании вокабул – в арифметической прогрессии, возрастающей только за счет усиленного упражнения памяти, - но с постоянно увеличивающейся скоростью, потому что рост способности и накопление материала подкрепляют друг друга и взаимно раздвигают свои границы. Что у детей происходит не механическое выучивание

языка, а развертывание языковой способности, доказывается еще и тем, что коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями. <...>

Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия. И наоборот, вся работа по субъективному восприятию предметов воплощается в построении и применении языка. Ибо слово возникает как раз на основе этого восприятия; оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе. <...> Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, - живет с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает (*herausspinnt*) язык изнутри себя, он вплетает (*einspinnt*) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества. И только потому, что мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление о языке, мы не осознаем отчетливо и в полной мере, чего нам здесь удалось достичь. <...>

В языке решающим фактором является не обилие звуков, а, скорее, наоборот, - гораздо существенней строгое ограничение числа звуков, необходимых для построения речи, и правильное равновесие между ними. Языковое сознание должно поэтому содержать еще нечто, не поддающееся детальному объяснению, - сходное с инстинктом предчувствие всей системы в целом, на которую опирается язык в данной индивидуальной форме. Здесь уже проявляется то, что, в сущности, повторяется во всем процессе образования языка. Язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая – со всей тканью в целом. С какой бы стороны к этому ни подходить, человек всякий раз касается в речи лишь какой-то отдельной нити, но,

движимый инстинктом, он постоянно совершает это так, как будто в данный момент ему открыта вся основа, в которую неизбежно вплетена эта отдельная нить. <...>

Грамматически оформленное слово, которое мы до сих пор рассматривали в сочетании его элементов и в его единстве как нечто целое, призвано войти в предложение на правах опять-таки одного из элементов. Язык должен теперь образовать второе единство, более высокое, чем единство слова, - не просто потому, что оно больше по объему, но также и потому, что, не имея для себя никакого непосредственного звукового оформления, никаких непосредственных фонетических указателей, единство предложения почти исключительно зависит от упорядочивающей деятельности внутренней формы языкового чувства. Языки, которые, подобно санскриту, уже в самом словесном единстве содержат указание на связь слова с предложением, позволяют последнему распасться на части, в которых оно, в соответствии со своей природой, предстает перед рассудком; из этих частей они [языки] как бы выстраивают его [предложения] единство. Языки, которые, подобно китайскому, складывают предложение из жестких, неизменяемых корневых слов, поступают, собственно говоря, точно так же, причем даже в еще более строгом смысле, поскольку китайские слова выступают совершенно обособленными; однако здесь строить единство предложения помогают рассудку только нефонетические средства, как, например, место слов в предложении или особые, в свою очередь тоже изолированные слова. Если взять в сочетании оба эти способа, какими единство предложения фиксируется в понимании, то окажется, что есть еще и другой, противоположный им обоим способ, который нам здесь удобнее было бы считать третьим. Он заключается в том, чтобы рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово. <...>

Три перечисленных подхода – тщательное оснащение слова грамматическими указателями его связей внутри предложения; вполне косвенное, причем большей частью нефонетическое, обозначение этих связей; наконец, тесное сплочение всего предложения, насколько это только возможно, в единую, слитно выговариваемую форму – исчерпывают все способы, какими языки соединяют слова в предложение. В большинстве языков можно обнаружить более или менее отчетливые следы всех трех методов. Но иногда один из этих методов явно преобладает, становясь средоточием языкового организма и с более или менее строгой последовательностью подчиняя себе все его части. В качестве примера решающего преобладания какого-то одного из трех методов можно назвать санскрит, китайский и, как я сейчас покажу, мексиканский язык.

Этот последний, стремясь сплотить простое предложение в единую,

фонетически связную форму, выделяет в качестве его истинного средоточия глагол, присоединяет к нему по мере возможности все управляющие и управляемые части предложения и с помощью фонетического оформления придает этому сочетанию вид связного целого:

123 1 3 2 ЛАНЬ®

ni – pаса – qua ‘я ем мясо’

Такой союз субстантива с глаголом можно было бы принять за составной глагол наподобие греческого κρεωφαγέω, но мексиканский язык понимает все явно иначе. В самом деле, когда по какой-либо причине само по себе существительное не инкорпорируется, оно заменяется местоимением третьего лица, отчетливо показывающим, что язык требует при глаголе и внутри глагола сразу всей конструкции предложения по общей схеме:

1 2 3 4 5 1 3 2 4 5

ni – с – qua in pасаtl ‘я ем его это мясо’

Все предложение в том, что касается его формы, должно предстать завершённым уже в глаголе, и дальнейшие уточнения входят в него лишь задним числом наподобие предложений. По мексиканским представлениям, глагол вообще немислим без восполняющих его сопутствующих определений. Если объект действия не определен, язык привязывает к глаголу особое неопределённое местоимение, имеющее две формы – личную и предметную:

1 2 3 1 3 2 1 2 3 4 1 43 2

ni - tла - qua ‘я ем что-то’; ni - te - tла - mаса ‘я даю нечто кому-то’.

Язык недвусмысленнейшим образом обнаруживает свое намерение представить эти сочетания как одно целое. В самом деле, когда такой глагол, охватывающий собою все предложение или как бы его схему, переводится в прошедшее время, получая соответственно аугмент о, последний ставится в начало глагольного сочетания, и это ясно показывает, что сопутствующая глаголу схема предложения всегда и с необходимостью принадлежит глаголу, аугмент же добавляется только привходящим образом как указатель прошедшего времени. Так, перфектом от ni - nemí ‘я живу’, не присоединяющего к себе в качестве непереходного глагола никаких других местоимений, будет о - ni - nep ‘я пожил’, перфектом от mаса ‘давать’ - о - ni - с - te - mаса - с ‘я кому-то дал это’. Еще важнее, однако, то, что у слов, применяемых для инкорпорирования, язык тщательно различает две формы – абсолютную и инкорпорируемую; это предусмотрительное различие, без которого весь метод инкорпорации оказался бы затруднителен для понимания, надо рассматривать как его основу. Имена при инкорпорировании, как и в составе сложных слов, утрачивают окончания, которые в абсолютной форме всегда сопутствуют им в качестве именных

характеристик. Слово ‘мясо’, которое при инкорпорировании мы встретили выше в форме паса , имеет абсолютную форму pasatl . Из числа инкорпорлируемых местоимений ни одно не сохраняет ту же форму при обособленном употреблении.

<...>

В сравнении с инкорпорированием и с приемом нанизывания слов, лишенных внутри себя подлинного единства, флективный метод предстает гениальным началом, порождением верной языковой интуиции. В самом деле, пока инкорпорлирующие и изолирующие языки мучительно селятся соединить разрозненные элементы в предложение или же сразу представить предложение связным и цельным, флективный язык непосредственно маркирует (stempelt) каждый элемент языка сообразно выражаемой им части внутри смыслового целого и по самой своей природе не допускает, чтобы эта отнесенность к цельной мысли была отделена в речи от отдельного слова. Слабость языкотворческого порыва в языках, подобных китайскому, не позволяет флексии получить фонетическое воплощение, а в языках, применяющих только метод инкорпорирования, не допускает ее до свободного и безраздельного господства.

<...>

Сколь бы разнообразными ни были отклонения от чистого принципа, всегда есть возможность охарактеризовать каждый язык смотря по тому, насколько в нем явно либо отсутствие обозначений связи между частями предложения, либо стремление ввести такие обозначения и поднять их до статуса флексии, либо довольствование таким вспомогательным средством, как придание формы слова тому, чему в речи следовало бы выступать целым предложением. Степенью смещения этих трех начал определяется сущность каждого языка. Но, как правило, их взаимодействие ведет к образованию какой-то еще более индивидуальной формы. <...>

Язык – русло, по которому дух может катить свои волны в надежной уверенности, что питающие его источники никогда не иссякнут. <...>

SYSTEMIC CONCEPTION OF LANGUAGE

- 1. The systemic conception of language. The approaches towards language treatment. The notion of system. The communicative principle in the consideration of language.**
- 2. The definition of a sign. The specific nature of language signs. Types of signs.**
- 3. Paradigmatic and syntagmatic relations of language units. The role of F. de Saussure and LA. Beaudoin de Courtenay in the development of linguistic theory. The notion of synchrony and diachrony.**
- 4. Language levels and language units. The correlation of word, phrase, sentence, dicteme (utterance). The peculiar status of phoneme. Word and sentence as basic units of language.**
- 5. The word as a nominative unit. The notion of referent. The opposition of notional and functional words.**

1. System as a Linguistic Notion

Human language is a verbal means of communication; its function consists in forming, storing and exchanging ideas as reflections of reality. Being inseparably connected with the people who create and use it, language is social and psychological by nature. Language incorporates three constituent parts. They are the phonological system, the lexical system, and the grammatical system. The phonological system determines the material (phonetic) form of its significative units; the lexical system comprises the whole set of nominative means of language (words and stable word-groups); the grammatical system presents the whole set of regularities determining the combination of nominative units in the formation of utterances.

The aim of theoretical grammar of language is to present a theoretical description of its grammatical system. To achieve this aim it is necessary to scientifically analyze and define its categories and study the mechanisms of grammatical formation of utterances in the process of speech production.

Modern linguistics is essentially based on the systemic conception of language. System in general is defined as a structured set of elements related to one another by a common function. The interpretation of language as a system develops a number of notions, namely: the notions of language levels and language units, paradigmatic and syntagmatic relations, the notions of form and meaning (function), of synchrony and diachrony, of analysis and synthesis, and some others.

3. Paradigmatic and Syntagmatic Relations

Lingual units stand to one another in two fundamental types of relations: syntagmatic and paradigmatic.

Syntagmatic relations are immediate linear relations between units in a segmental sequence (string).

One of the basic notions in the syntagmatic analysis is the notion of syntactic syntagma. A "syntactic syntagma" is the combination of two words or word-groups one of which is modified by the other.

To syntagmatic relations are opposed paradigmatic relations. They exist between elements of the system outside the strings in which they co-occur. These intrasystemic relations find their expression in the fact that each lingual unit is included in a set or series of connections based on different formal and functional properties.

Paradigmatic and syntagmatic relations are not isolated from one another. Paradigmatic relations co-exist with syntagmatic relations in such a way that some sort of syntagmatic connection is necessary for the realization of any paradigmatic series. This is revealed to the full in a classical grammatical paradigm. It presents a productive series of forms. A paradigmatic form - a constituent of a paradigm - consists of a stem and a specific element (inflexion, suffix, auxiliary word). The function of a grammatical paradigm is to express a categorial meaning.

Questions:

1. What are the determining features of a system? How do they apply to language?
2. What is the functional relevance of the language unit?
3. What conceptual correlation is the language-speech dichotomy based on?
4. What is the correlation of syntagmatic and paradigmatic relations?
5. What is the difference between segmental and suprasegmental units?
6. What language levels are identified in the language system?
7. What conditions the non-overlapping of language levels?
8. What functions do the language units, representatives of the six language levels, perform?

The Practical Study of Languages. Grammar

Grammar, like all the other divisions of the study of language, has to deal with the antithesis between form and meaning.

The fact that in language there is generally a divergence between form and meaning - as when the idea of plurality is expressed by a variety of forms, and sometimes by none at all (trees, men, sheep), or when the same form is used to express distinct grammatical functions (he sees the trees) - makes it not only possible, but in many cases desirable, to treat grammatical form and grammatical meaning apart.

That part of grammar which concerns itself simply with forms, and ignores the meanings of the grammatical forms as far as possible, is called *accidence* or "forms" (German *formenlehre*); that which concentrates its attention on the meanings of grammatical forms is called *syntax*. Thus under *accidence* an English grammar describes, among other details, those of the formation of the plural of nouns - how some add -s, some -es, while others mark the plural by vowel-change, and so on. In the *syntax*, on the other hand, the grammar ignores such formal distinctions as are not accompanied by corresponding distinctions of meaning, or rather takes them for granted, and considers only the different meanings and grammatical functions of noun-plurals in general. The business of *syntax* is, therefore, to explain the meaning and function of grammatical forms, especially the various ways in which words are joined together to make sentences. As the form of a sentence depends partly on the order of its words, word-order is an important part of *syntax*, especially when it serves to make such distinctions as in the English, *The man saw the fox first*, and *The fox saw the man first*. In fact, word-order is the most abstract part of *syntax*, just as word-order is the most abstract grammatical form.

In accordance with its etymology, *syntax* is by some grammarians regarded entirely from this latter point of view, so that it is by them identified with the analysis of sentences, the meaning of grammatical forms being included under *accidence*. Thus the peculiar meaning of the plural inflection in such words as *sands*, *leads*, *waters of the Nile*, would by such grammarians be discussed under *accidence*, on the ground that *accidence* deals with isolated words, *syntax* only with combinations of words into sentences.

Although the application of grammatical terms cannot be allowed to depend on their etymology, yet, as we cannot avoid saying something about the meaning of grammatical forms under *accidence* - if only to discriminate between such inflections as *trees*, *John's*, *comes* - it is often convenient to clear off this part of the grammar under *accidence*, especially if the variations of meaning are only slight, or else so great that they cannot be brought under general rules.

The whole question is, after all, one of convenience. The separation of meaning

from form is a pure matter of convenience, and is not founded on any logical necessity, but only on a defect of language as it is, for in an ideally perfect language form and meaning would be one - there would be no irregularities, no isolated phenomena, no dictionary, and what is now dictionary and grammar would be all syntax. Even in languages as they exist, form and meaning are inseparable, so that the separation of accident and syntax must always be a more or less arbitrary one, which may vary in different languages, quite apart from any questions of convenience.

We have seen that grammar deals with those phenomena of language which can be brought under general rules, while the dictionary deals with isolated phenomena - especially with the meanings of separate words.

But not of all words. It is clear that while the meaning of such a word as man or house belongs to the dictionary, that of such a word as *oin* the disobedience of man belongs to the grammar, for it has exactly the same function as the *-s* of the genitive case: it cannot, indeed, be said to have any meaning of its own at all.

From the point of view of the practical study of languages, such a question as whether or not the prepositions are to be treated of in the grammar as well as the dictionary, and the further question whether all of them, or only some of them, are to be included in the grammar, must be answered by showing whether or not the acquisition of the language will be facilitated thereby: and this will depend on the structure of each language.

We have seen that there is no real necessity for the separation of accident and syntax. Although practical convenience often seems to call for a separation, there may be circumstances under which it is desirable to treat forms and their grammatical functions and meanings together.

In this book I have also tried to do justice to another important principle of practical grammar, namely, that grammatical analysis has two stages, one of recognition or identification, and another of reproduction or construction. As I say in the preface, "The first requisite is to understand written texts, which involves only the power of recognizing grammatical forms, not of constructing them, as in the further stage of writing or speaking the language."

I then go on to say, "All these principles are those which are carried out - consciously or unconsciously - by most linguists. An experienced linguist in attacking a new language begins with the shortest grammar he can find. He first takes a general bird's-eye view of the language, finds out what are its special difficulties, what has to be brought under general rules, what to learn detail by detail, what to put off till a later stage. The rash beginner who starts with a big grammar forgets two-thirds of it soon after he begins independent reading. Such a grammar as the one in the present work simply attempts to give him the really useful residue which, when once learnt, is not and cannot be forgotten."

The evils of the separation of syntax from accident are well shown in the way in which the dead languages are taught in schools. Boys are made to learn paradigms by heart, and are then set to read the classical authors with the help of a dictionary before they have acquired any real knowledge of the meanings of the inflections they are expected to recognize in their texts - much as if they were taught the names of tools without being taught their uses.

It is now generally admitted that a grammatical rule without an example is of no practical use: it is an abstraction which is incapable of entering into any direct associations with anything in the language itself. The example, on the one hand, is concrete: it can be imprinted firmly on the memory by the mere force of the mechanical associations involved in carefully reading it and carefully pronouncing it aloud; while, on the other hand, it is logically associated with the rule, which it explains, illustrates, and justifies. The example serves also as a standard or pattern by which the learner can recognize other examples of the rule as they occur in his reading. The example is thus a link between these other examples and the rule itself.

Many of the older grammarians, while expending much thought and care on elaborating their statement of the rules, considered the choice of examples as of subordinate importance. They forgot that the first object of grammatical study is not the acquisition of rules, but of a practical command of the language itself; so that instead of the examples being intended solely to illustrate the rules, the true relation is almost the reverse: the rules are mere stepping-stones to the understanding of the examples; so when the latter are once thoroughly understood, the rules become superfluous and may be forgotten.

Questions:

- 1. What problem does grammar have to deal with, according to H. Sweet?**
- 2. What is the province of syntax?**
- 3. What proves that in grammar meaning and form sometimes diverge? Does it mean that meaning is virtually independent of form?**

Firth J.R.
Papers in Linguistics 1934-1951

Contextualization

The central concept of the whole of semantics considered in this way is the context of situation. In that context are the human participant or participants, what they say, and what is going on. The phonetician can find his phonetic context and the grammarian and the lexicographer theirs. And if you want to bring in general cultural background, you have the contexts of experience of the participants. Every man carries his culture and much of his social reality about with him wherever he goes. But even when phonetician, grammarian, and lexicographer have finished, there remains the bigger integration, making use of all their work, in semantic study. And it is for this situational and experiential study that I would reserve the term "semantics".

For the adequate description and classification of contexts of situation we need to widen our linguistic outlook. Certain elementary categories are obvious, such as speaking, hearing, writing, reading; familiar, colloquial, and more formal speech; the languages of the Schools, the Law, the Church, and all the specialized forms of speech.

Then one might add such types of situation as those in which there is an "individual" or "monologue" use of language, and those in which there is a sort of "choric" use, as when vocal interchange merely promotes or maintains affective rapport. Malinowski has applied to this kind of linguistic behaviour the very happy phrase "phatic communion" - "a type of speech in which ties of union are created by a mere exchange of words".

Malinowski has also insisted on the specially interesting types of situation in which vocal interchange is just part of a job of work in hand, such as fishing, hunting, loading a truck, or the co-operative handling of tools and materials. He says the meaning of such words is "their pragmatic efficiency". Most of our contemporary "eye-language" in notices and directions is of this kind.

A great deal of conversation or discussion may also be in preparation for concerted or socially determined action. All the language of public administration and government may be said to be the language of planning and regulation, the language of public guidance. The subsequent discussion of success or failure may be regarded both as "phatic communion" and as a situation in which something planned is either accomplished or ends in failure.

In more detail we may notice such common situations as

Address: "Simpson!", "Look here, Jones", "My dear boy", "Now, my man", "Excuse me, madam".

Greetings, farewells, or mutual recognition of status and relationship on contact,

adjustment of relations after contact, breaking off relations, renewal of relations, change of relations.

Situations in which words, often conventionally fixed by law or custom, serve to bind people to a line of action or to free them from certain customary duties in order to impose others.

In Churches, Law Courts, Offices, such situations are commonplace. Your signature or your word is a very important piece of linguistic behaviour. In passing, we may notice that, when other things fail, judges often have recourse to very rudimentary semantics in their interpretations. There is a great field for practical semantics in the contextualization of crucial words in judicial remarks and judgements, particularly in the lower courts.

Such words are made binding by law, but many other words and phrases are used with a similar binding effect in everyday life, because their use releases overwhelming forces of public opinion, of social custom. "Be a sport!", "I know you won't let us down". One of the magic words of the age is plan. The mere use of this word and its derivatives releases certain forces of opinion and experience and gives the word weight. Its association with certain influential contexts gives it a power over us in this age of uncertainty.

Many more types of situation will occur to the interested student, but there is an obvious need for a more accurate study of our speech situations in order that categories may be found which will enable us to extend such social studies all over the world.

Questions:

- 1. What is meant by the "context of situation"? In what does its significance for analysis lie?**
- 2. What is "phatic communion"? Dwell upon the types of situations in which phatic communion occurs.**
- 3. What makes phatic communion effective?**

Lyons J.
Semantics
What Is Communication?

To say that language serves as an instrument of communication is to utter a truism. Indeed, it is difficult to imagine any satisfactory Definition of the term "language" that did not incorporate some reference to the notion of communication. Furthermore, it is obvious, or has appeared so to many semanticists, that there is an intrinsic connexion between meaning and communication, such that it is impossible to account for the former except in terms of the latter. But what is communication? The words "communicate" and "communication" are used in a fairly wide range of contexts in their everyday, pre-theoretical sense. We talk as readily of the communication of feelings, moods and attitudes as we do of the communication of factual information. There can be no doubt that these different senses of the word (if indeed they are truly distinct) are interconnected; and various definitions have been proposed which have sought to bring them under some very general, but theoretical, concept defined in terms of social interaction or the response of an organism to a stimulus. We will here take the alternative approach of giving to the term "communication" and the cognate terms "communicate" and "communicative" a somewhat narrower interpretation than they may bear in everyday usage. The narrowing consists in the restriction of the term to the intentional transmission of information by means of some Established signaling-system; and, initially at least, we will restrict the term still further - to the intentional transmission of factual, or Propositional, information.

- The principal signalling-systems employed by human beings for the transmission of information, though not the only ones, are languages. [...] It will be assumed that the sense in which the terms "sig- "sender", "receiver" and "transmission" are being employed in section is clear enough from the context. [...]

A signal is *communicative*, we will say, if it is intended by the sender to make the receiver aware of something of which he was not previously aware. Whether a signal is communicative or not rests, then, upon the possibility of choice, or selection, on the part of the sender. If the sender cannot but behave in a certain way (i.e. if he cannot choose between alternative kinds of behaviour), then he obviously cannot communicate anything by behaving in that way. This, we say, is obvious; and upon it depends one of the most fundamental principles of semantics - the principle that choice, or the possibility of selection between alternatives, is a necessary, though not a sufficient,

condition of meaningfulness. This principle is frequently expressed in terms of the slogan: meaning, or meaningfulness, implies choice. "Communicative" means "meaningful for the sender". But there is another sense of "meaningful"; and for this we will reserve the term "informative" and the cognate expressions "information" and "inform". A signal is *informative* if (regardless of the intentions of the sender) it makes the receiver aware of something of which he was not previously aware. "Informative" therefore means "meaningful to the receiver". If the signal tells him something he knew already, it tells him nothing (to equivocate deliberately with the verb "tell"): it is uninformative. The generally accepted slogan, that meaningfulness implies choice, can thus be interpreted from either the sender's or the receiver's point of view. It is worth observing, at this point, that sender's meaning involves the notion of intention and receiver's meaning - the notion of value, or significance. [...]

Under a fairly standard idealization of the process of communication, what the sender communicates (the information put into the signal, as it were, by the sender's selection among possible alternatives) and the information derived from the signal by the receiver (which may be thought of as the receiver's selection from the same set of alternatives) are assumed to be identical. But there are, in practice, frequent instances of misunderstanding; and we must allow for this theoretically.

The communicative component in the use of language, important though it is, should not be overemphasized to the neglect of the non-communicative, but nevertheless informative, component which is of such importance in social interaction. All utterances will contain a certain amount of information which, though put there by the speaker, has not been intentionally selected for transmission by him; and the listener will commonly react, in one way or another, to information of this kind.

There are two further points having to do with the notion of communication which should be mentioned, though they will not be discussed in detail here. The first has to do with the distinction between the actual and the intended receiver of a signal. It is not uncommon for there to be more than one receiver linked to the sender by a channel of communication and for the sender to be communicating with only one (or some subset) of these receivers. The sender may then include as part of the signal some feature which identifies the intended receiver, or addressee, and invites him to pay attention to, or respond to, the signal. The most obvious case of this in communication by means of language is when the sender uses a name or some other term of address in what we will later refer to as the *vocative* function. But the distinction between receiver and addressee is more widely relevant in communication, since, as we shall see later,

the sender will often adjust what he has to say according to his conception of the intended receiver's state of knowledge, social status, and so on.

The second point is of more general theoretical importance: that successful communication depends, not only upon the receiver's reception of the signal and his appreciation of the fact that it is intended for him rather than for another, but also upon his recognition of the sender's communicative intention and upon his making an appropriate behavioural or cognitive response to it. This has long been a common place of non-philosophical treatments of meaning and communication (e.g., Gardiner 1932); and it has been forcefully argued more recently, from a philosophical point of view, by such writers as Grice (1957) and Strawson (1964).

As far as statements of fact (or what purport to be statements of fact) are concerned, it is generally the case that the sender will intend that the receiver should believe what he is told: that he should hold it to be true and should store it in memory as a fact. Furthermore, the sender's desire to convince the receiver that such-and-such is true commonly derives from, or is associated with, some other purpose. For example, there are all sorts of reasons why we might wish to draw someone's attention to the fact that it is raining: we may think that he will be pleased to know that he need not water the garden; we may be concerned that he should not forget to take his raincoat or umbrella; we may want him to close the window or bring in the washing. The particular purpose that we have in telling someone that it is raining will vary, but there will usually be some purpose over and above our desire to inform him of a fact of which he was previously ignorant. Indeed, it may be the case (and it commonly is) that what we actually say is of itself uninformative, in that the receiver knows (and we may know that he knows) whatever fact it is that we are drawing to his attention. This does not invalidate in any way the notions of communication and information with which we are operating here. There is nothing paradoxical in the suggestion that a non-informative utterance should be produced with the intention, that the receiver should infer from it (and from the fact that, despite its banality, it is uttered) something that is not said and in the context need not be said. It may be assumed, however, that the interpretation of non-informative utterances trades upon our ability to interpret the same utterances in contexts in which they would be informative; so too does our ability to infer the very specific and context-bound purposes that the sender might have had for producing such-and-such an utterance-token on some particular occasion. The sentence "It's raining" has a certain constancy of meaning which is independent of the specific purposes that someone might have in uttering it. The question is whether this constant meaning of

"It's raining" and of any arbitrary sentence that might be uttered in order to make a statement of fact can be said to depend intrinsically upon some more general notion of communicative intention.

We will not go into this question here. Meanwhile, it may be pointed out that, whereas it is clearly not essential to the notion of making a communicative and informative statement that the person making the statement should be speaking what he believes to be the truth or should intend the addressee to believe what he is being told, these are arguably the conditions under which the communication of factual information is normally assumed to operate.

Questions:

- 1. How does J. Lyons define the notion of "communication"?**
- 2. When does a signal become "communicative" or "informative"?**
- 3. How do the terms "communicative" and "meaningful" correlate?**
- 4. In what does the difference in communication between the receiver and the addressee lie?**
- 5. What makes communication successful, according to J. Lyons?**

Haas W.
Linguistic Relevance

Linguistic Analysis

To the linguist, fundamentally the most puzzling characteristic of language is its enormous productivity - that obvious ability we have, every one of us, of always adding something new to an infinite variety of utterances; of saying what has never been said before, and understanding what we have never heard before. To explain how this is possible, is the root-problem of linguistic analysis. It is of course immediately clear that there are, and must be, certain partial similarities between the new utterances and the old - certain regularities in those operations of saying and understanding: what is novel must be assumed to arise from a new but regular combination of old parts. The first task, then, of linguistic description - somewhat analogous to the chemist's attempt to "explain" the puzzling variety of material things - may be said to be a reductive one: the task, namely, of reducing the practically infinite variety of utterances to a relatively few recurrent relations of a relatively few recurrent elements. So much seems to be obvious and un-controversial. But much that is less obvious seems to follow from having located the problem and determined the task in this way.

Something about the objects to be described and analysed must be taken for granted; and the question is, how much. One may ask, for instance, whether it would be profitable to apply linguistic methods to arbitrary stretches of speech, i.e. to nothing more than certain events of acoustic disturbance. We seem to require more, as a basis for linguistic operations: nothing less, in fact, than that succession of different *significant utterances* which is our problem. They are the objects of our analysis. Precisely as the chemist is not concerned to verify the perceived variety of material things (including the instruments of his laboratory), so the linguist simply observes the various meaningful utterances and knows of their distinct existence, without feeling obliged to explain how he knows it. Neither the chemist's nor the linguist's presupposition is beyond question. But the question is asked by other disciplines - by psychologists, anthropologists, philosophers. The linguist (and, *mutatis mutandis*, the chemist) asks about the *internal structure* of his "facts", always taking for granted that he can observe and roughly distinguish them.

J.R. Firth refers here to a "basic postulate", which he calls "the implication of utterance". "Language text," he says, "must be attributed to participants in some context

of situation," before it can be analysed. The various global forms and meanings of the pieces of text, which are subjected to linguistic analysis, are regarded as "given" by the linguist, though they are capable of being "established" and "explained" by anthropological inquiries - that is, by a study of speakers and listeners in "contexts of situation". This tells us something about the relation between the linguistic and the social studies of human speech. "Context of situation," says Firth, "makes sure of the sociological component" of linguistic descriptions. It is "a convenient abstraction at the social level of analysis, and forms the basis of the hierarchy of techniques", which are employed by linguistic analysis proper.

L. Bloomfield was equally explicit on what he called "the fundamental assumption of linguistics". "We must assume," he said, "that in every speech-community some utterances are alike (or partly alike) in form and meaning." This is the basis of linguistic analysis. Bloomfield, however, made it unnecessarily difficult for himself, and his followers, to feel at ease with this fundamental assumption. In Bloomfieldian linguistics, likeness of meaning becomes a source of trouble. **It** is formulated in such a way as to allow mysterious "elements" of meaning ("sememes") to attach themselves to the clear-cut formal elements of any given utterance. As a result, an unmanageable crowd of elusive extra-lingual entities intrudes, in haphazard fashion, into the very fabric of linguistic analysis; whereas for Firth, situational context, lying itself safely *outside* the utterance, provides all we need to presuppose in order to describe the significant functions and elements within.

It is on account of that "semantic" function of any described utterance - a function in "contexts of situation" - that Firth regarded **the** whole of linguistic description, from syntax to phonetics, as a Statement of various "modes of meaning". The unfortunate idiosyncrasy of this special terminology - which confined the term "semantic" to an anthropological study, while ascribing "meaning" to everything that is linguistically relevant, whether it be a sentence or a word or a mere sound - seems to have been seriously misleading. It suggested a highly eccentric and esoteric theory, precisely at the point at which Firth in fact affirmed what is generally acknowledged to be the fundamental presupposition of linguistic studies. Indeed, he succeeded, where others had failed - namely, in admitting extralingual presuppositions, without allowing them to disrupt the proper autonomy of linguistic studies. Extralingual "context of situation", which replaces all those sporadically intrusive "semantic entities", was simply thought of as infusing every linguistic element with *relevance*, or, as Firth put it, with some "mode of meaning".

Yet, whatever the difference between Firth and Bloomfield, they were agreed on one important point - namely, that the objects of linguistic analysis are not just physical objects, not arbitrarily selected "stretches of speech". Such, they were sure, would not offer them enough information for their reductive task. "As long as we pay no attention to meanings," says Bloomfield, "we cannot decide whether two uttered forms are "the same" or "different"." To be able to decide so much as this, we need to assume that some of those physical "stretches" make sense, and that they make different kinds of sense (though full information as to what specific sense any utterance makes will not need to be presupposed as given). Meaningful utterances, then, many and various, are the objects of linguistic inquiry. The linguist's concern is with their internal constitution, the question being how to reduce them to recurrent elements in recurrent relations.

Questions:

- 1. What is the task of linguistic description, as seen by W. Haas?**
- 2. In what does W. Haas see the difference between Bloomfield's and Firth's approaches to meaning?**

Список литературы

Основная

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. - М.: ФЛИНТА, Наука, 2012.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - М.: ФЛИНТА, 2016.
3. Андросова И.Г. Деловой английский язык для экономистов и менеджеров (бакалавриат и магистратура) / И.Г. Андросова. - М.: КноРус, 2017.
4. Анохина Т.Я. Стилистика и культура русской речи. - М.: Форум, 2015.
5. Алимов В.В. Теория перевода: пособие для лингвистов-переводчиков. - М.: Ленанд, 2015.
6. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. - М.: Стереотип, 2019.
7. Баранникова Л.И. Введение в языкознание. - М.: КД Либроком, 2010.
8. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 2000.
9. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий - М.: Флинта, 2016.
10. Бонк Н.А. и др. Учебник английского языка. - М.: ГИС, 2001.
11. Бонк Н.А. и др. Сборник упражнений к учебнику английского языка. - М.: 2006.
12. Веренинова Ж.Б. Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка: звук – слог-слово-фраза. - М.: МГЛУ, 2005.
13. Васильев В.А. Фонетика английского языка: - М.: Высшая школа, 2009.
14. Голикова Ж.А. Лексикология и фразеология современного английского языка. - Минск: Новое знание, 2006.
15. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. - М.: Айрис-Пресс, 2003.
16. Голуб И.Б. Упражнения по стилистике русского языка. - М.: Айрис-Пресс, 2003.
17. Гуревич В.В. English Stylistics. - М.: Флинта, 2015.
18. Демченко В.Н. Пособие по грамматике и переводу научно-популярных и научных текстов на английском языке для студентов технических вузов. – Томск: ТПУ, 2011.
19. Заволокин А.И. Активная грамматика английского языка. - М.: ГЛТ, 2015.
20. Истомина Т.Н., Корельская Н.И. Курс технического перевода. - Архангельск: Изд-во АГТУ, 2000.
21. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2005.
22. Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н. Грамматика английского языка. - Л.: АЙРИС ПРЕСС, 2008.
23. Климова И.И. Деловой английский язык (для бакалавров) / И.И. Климова, А.Ю. Широких. - М.: КноРус, 2015.

24. Кожевникова Т.В. Учебник английского языка для университетов и институтов связи. – М.: КноРус, 2020.
25. Кожевникова Т.В. Высокие технологии в современной англоязычной литературе. – М.: Амирит, 2020.
26. Кожевникова Т.В. Аудиокурс английского языка для университетов и институтов связи. – М.: КноРус, 2020.
27. Кожевникова Т.В. Английский язык для слушателей ИПК МТУСИ (Подготовка резерва для работы в международных организациях связи). - М., 2005.
28. Кожевникова Т.В. Видеокурс английского языка для университетов и институтов связи / МТУСИ. – М., 2020.
29. Кожевникова Т.В. Etiquette. - М., 1996.
30. Комиссаров В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты: учебник для вузов / В.Н. Комиссаров. - М.: Альянс, 2013.
31. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - Дубна: Феникс+, 2005.
32. Левицкий Ю.А. Общее языкознание. - М.: КД Либроком, 2014.
33. Любимцева С.Н., Тарковская В.М., Памухина Г.Л. Деловой английский. - М.: ГИС, 2014.
34. Маньковская З.В. Деловой английский язык: ускоренный курс: учебное пособие / З.В. Маньковская. - М.: Инфра-М, 2017.
35. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. - СПб.: СПбГУ, Академия, 2005.
36. Орлова Е.В. Научный текст. Аннотирование, реферирование, рецензирование - М.: Златоуст, 2013.
37. Петрякова А.Г. Культура речи: - М.: Флинта, 2016.
38. Полякова Т.Ю., Синявская Е.В., Тынкова О.И., Улановская Э.С. Английский язык для инженеров. - М.: Высшая школа, 2002.
39. Попов С.А. Технический перевод и деловая коммуникация на английском языке. - Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2006.
40. Рахманов Л.В. Стилистика русского языка и редактирование служебных документов. - М.: ФЛИНТА, 2019.
41. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. - М.: Букинист, 2004.
42. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: "Питер", 2000.
43. Селянина Л.И. Практический курс английского языка. - М.: ВЛАДОС, 2013.
44. Семко С.А., Сдобников В.В., Чекунова С.Н. Учебник коммерческого перевода. – М.: АСТ, 2010.
45. Степанов А.В. Практическая стилистика русского языка. - М.: МГУ, 2005.
46. Смекаев В.П. Учебник технического перевода. – М.: ГОУ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006.
47. Турук И.Ф. Курс делового английского языка. - М.: УК, 2011.
48. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. - М.: Academia, 2018.
49. Шаповалова Т.Р. Реферирование и аннотирование специальных текстов на иностранном языке. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012.

-
50. Шимановская Л.А. Аннотирование и реферирование научно-популярной литературы на английском языке. - Казань: КГТУ, 2010.
 51. Яшина Н.К. Практикум по переводу с английского языка на русский. - М.: Флинта, 2015.
 52. English across cultures. De Gruyter Mouton; 1st edition, 2012.
 53. Coady, James and Huckin, Thomas. Second language vocabulary acquisition and pedagogy. Peter Lang, 2009. Электронный ресурс:
https://www.researchgate.net/publication/321760269_Second_Language_Vocabulary_Acquisition

Дополнительная

54. Антонов С.И. Английский язык для бизнесменов. - Тверь: Глосса, 1992.
55. Аннотирование и реферирование: пособие по английскому языку. – М.: Высшая школа, 1991.
56. Аспекты частной и общей лингвистической теории текста. – М., 1972.
57. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию – М.: Изд. АН СССР.1963.
58. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М., 1973.
59. Громова Н.М. Основы деловой переписки. - М.: РУССЛИТ, 1992.
60. Зильберлан Л.И. Структурно-семантический анализ текста. - М.: Высшая школа, 1982.
61. Зильберлан Л.И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы. - М.: Наука, 1988.
62. Кисилёва Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. - Л.: ЛГУ, 1978.
63. Мильчевская Т.Н. Научный текст как объект исследования при разработке стилистических проблем теории речевой коммуникации. - Л.: Наука, 1974.
64. Мухин А.М. Лингвистический анализ: теоретические и методические проблемы. - Л.: Наука, 1976.
65. Ахманова О.С., Задорнова В.Я. Теория и практика перевода в свете учения о функциональных стилях речи. Сб.: Лингвистические проблемы перевода. - М.: МГУ, 1981.
66. Батрак А.В. Семантический анализ текста и перевод. - М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1978.
67. Борисова Л.И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский. - М.: Всесоюзный центр переводов, 1978.
68. Брандес М.П. Стиль и перевод. - М.: Высшая школа, 1988.
69. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1978.
70. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: Константа и вариативность // Тетради переводчика. № 24. - М.: МГЛУ, 1999.
71. Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. Смысловое восприятие речевого сообщения. - М.: Наука, 1976.

72. Коммисаров В.Н. Лингвистика и перевод. - М.: Международные отношения, 1980.
73. Коммисаров В.Н. Теоритические основы методики обучения переводу. - М.: Тема, 1997 .
74. Пьянкова Т.М. ABC переводчика научно-технической литературы. - М.: Летопись, 1994.
75. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. - М.: Высшая школа, 1964.
76. Рецкер Я.Р. Теория перевода и переводная практика. - М.: Высшая школа, 1974.
77. Руччи Марко. Перевод письменный и устный: языковая компетенция и психологические процессы. Сб. научн. тр. МГУ, № 423. - М.: МГУ, 1996.
78. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М.: Высшая школа, 1983.
79. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. - М.: Международные отношения, 1976.
80. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. - М.: Воениздат, 1973.
81. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988.
82. Сборник «Мастерство перевода». - М.: Советский писатель, 1959 – 1982.
83. Альманах «Тетради переводчика» №№ 1-24. - М.: МГЛУ.
84. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. - М.: Международные отношения, 1980.
85. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения). - М.: Международные отношения, 1981.
86. Миньяп-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. - М.: Московский лицей, 1996.
87. Разинкина Н.М. Международные контакты. - М.: Высшая школа, 1992.
88. Сальникова Л.В. Английский язык для менеджеров. - М.: Агентство печати «Новости», 1992.
89. Кохтев Н.И., Розенталь Д.Э. Популярная стилистика русского языка. - М.: Русский язык, 1984.
90. Акишина А.А., Формансовская Н.И. Русская речевая этика. - М.: Русский язык, 1984.
91. Верещагин Е.Я., Костомаров В.Т. Язык и культура речи. - М.: 1976.
92. Головин Б.Н. Основы культурной речи. - М., 1980.
93. Терминологическая культура речи. - М., 1984.
94. Шмелев Д.Н. Русский язык и его функциональные разновидности. - М.: Наука, 1977.
95. Панфилов А.К. Сборник упражнений по стилистике русского языка. - М.: Просвещение, 1984.
96. Бурлакова В.В. Синтаксическая структура современного английского языка. - М.: Просвещение, 1984.
97. Иофик Л.Л., Чихоян Л.П., Поспелова А.Г. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. - Л.: Просвещение, 1981.
98. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. - М.: Наука, 1986.

-
99. Смирницкий А.А. Морфология английского языка. - М.: Изд. лит на ин.яз., 1959.
 100. Теоретическая грамматика английского языка / Под ред. В.В. Бурлаковой. - Л.: ЛГУ, 1983.
 101. Хлебникова И.Б. Основы английской морфологии. - М.: Высшая школа, 1994.
 102. Bloch M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. - М.: Высшая школа, 1983.
 103. Горбачевич К.С. Нормы современного русского языка. - М.: Просвещение, 1989.
 104. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. - М.: Высшая школа, 1981.
 105. Скребнев Н.М. Основы стилистики английского языка. - М.: Высшая школа, 1994.
 106. Станкеева Е.Г. Английский язык для деловых людей (пособие по корреспонденции). - М.: Высшая школа, 1991.
 107. Jones, Leo and Alexander, Richard. International Business. Cambridge Univ. Press, 1994.
 108. Corbett, Jim. English for International Banking. Cambridge Univ. Press, 1994.
 109. Лайонз Дж. Введение в языкознание. - М.: Высшая школа, 1998.
 110. Реформатский А.А. Введение в языкознание – М.: Аспект Пресс, 1996.
 111. Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.
 112. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
 113. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л.: ЛГУ, 1963.
 114. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. - М.: Высшая школа, 1977.
 115. Гинзбург Р.З. и др. Курс лексикологии современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1979.
 116. Зятковская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка. М.: Высшая школа, 1971.
 117. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М.: Изд. лит. на ин.яз., 1956.
 118. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М.: Наука, 1968.
 119. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. - М.: Высшая школа, 1963.
 120. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. - М.: Известия АН СССР, № 3, 1944.
 121. Mc. Carthy, Michael e.a. Vocabulary: description, acquisition and pedagogy. Cambridge Univ. Press, 1977.
 122. Народы мира. Историко-этнографический справочник / Под ред. Ю.В. Бромеля. – М.: Сов. энциклопедия, 1988.
 123. Общее языкознание / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1970.
 124. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию. – М., 1999.
 125. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1981.
 126. Кузин В.С. Психология. – М., 1997.
 127. Ночевник М.Н. Человеческое общение. – М., 1988.

128. Философская энциклопедия. – М.; 1970.
129. Зильберман Л.И. Структурно-семантический анализ текста. – М., 1982.
130. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
131. Station N. Mastering Communication. - L.: Macmillan, 1996.
132. Громова Н.М. Основы деловой переписки. – М.: РУССЛИТ, 1992.
133. Памухина Л.Г. Деловая поездка за рубеж. – М.: Высшая школа, 1989.
134. Шевелева С.А., Скворцова М.В. Английский язык для деловых людей. - М.:
Банки и биржи, 1994.
135. Кожевникова Т.В. Etiquette. - М., 1998.
136. Станкеева Е.Г. Английский язык для деловых людей (пособие по
корреспонденции). – М.: Высшая школа, 1991.
137. Carbett, Jim. International Business English. – Oxford Univ. Press., 1999.
138. Jones, Leo and Alexander, Richard. International Business English. – Cambridge
Unive.Press, 1994.
139. Kench A.B. Writing English Business Letters.- L. Mc. Millan, 1985.
140. Белостоцкий Ю.Г. Пособие по переводу. – М.: Русский язык, 1990.
141. Кутькова А.С. Методические указания к переводу англо-американской
патентной терминологии. – М.: Просвещение, 1973.
142. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее
достижения). - М.: Международные отношения, 1981.
143. Латышев Л.К. Перевод: проблемы, теория, практика и методы преподавания.
- М.: Просвещение, 1988.
144. Пособие для участников международных научных конференций. - М.: Наука,
1988.
145. Чебурашкин Н.Д. Технический перевод. – М., 1987.
146. Шпетный К.И. Пособие по обучению, реферированию и аннотированию
текстов английской научно-технической литературы. - М., 1996.
147. Пронина Р.Ф. Пособие по переводу английской научно-технической
литературы. - М.: Высшая школа, 1973.
148. Успенская Н.В., Михельсон Т.Н. Как писать по-английски научные статьи,
рецензии и рефераты. - СПб.: Спец. лит., 1995.
149. Ермолович Д.И. Основы профессионального перевода. – М., 1996.
150. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научно-технической
литературы на английский язык. - М.: Наука, 1981.
151. Пьянкова Т.М. Пособие по переводу русских полиэквивалентных терминов
на английский язык. - М.: Высшая школа, 1973.
152. Пьянкова Т.М. ABC переводчика научно-технической литературы. - М.:
Летопись, 1994.
153. Рецкер Я.Р. Пособие по переводу с английского языка на русский. - М.:
Просвещение, 1988.
154. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода.
- М., 1964.
155. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996.
156. Венедиктова В.И. О деловой этике и этикете. - М., 1994.
157. Ягер Дж. Деловой этикет. – М., 1994.

-
158. Аннотирование и реферирование: пособие по английскому языку. - М., 1991.
 159. Вейзе А.А. Реферирование текста. – М., 1978.
 160. ГОСТ 7.9.-77. Реферат и аннотация. – М., 1978.
 161. Типовые нормы времени на перевод и переработку научно-технической литературы и документов. - М., 1990.
 162. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. - М., 1973.
 163. Рецкер М.И. Теория перевода и переводческая практика. - М., 1974.
 164. Звягинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 1976.
 165. Axtell R. Do's and Taboos Around the World. N.Y. 1985/
 166. Stenton N. Mastering Communication - England: The Open University, 1996.
 167. Post E. Etiquette. - М., 1961.
 168. Symposium.
 169. Программы MULTIS.
 170. Материалы кафедры.
 171. Барбарина А.А. В школах Англии: пособие по страноведению. - М.: Просвещение, 1988.
 172. Берман И.М. Грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1994.
 173. Борисова Л.В. Практическое пособие по интерпретации текста. - М.: Высшая школа, 1987.
 174. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста: учебное пособие. - М.: Высшая школа, 1985.
 175. Громова Н.М. Основы деловой переписка. - М.: РУССЛИТ, 1992.
 176. Дудкина Г.А. Учебник английского языка для делового общения. Ч. 5-6. - М.: АБЕРС, 1991.
 177. Крупаткин Я.Б. Читайте английские научные тексты. - М.: Высшая школа, 1991.
 178. Токарева Н.Д. Страницы истории Великобритании и США: пособие по страноведению на английском языке.
 179. Станкеева Е.Г. Английский язык для деловых людей (пособие по корреспонденции). - М.: Высшая школа, 1991.
 180. Успенская Н.В., Михельсон Т.Н. Как писать по-английски научные статьи, рецензии и рефераты. - СПб.: Спец. лит., 1995.
 181. Шамшина С.Р. Чтение и составление контрактов на английском языке. - М.: Высшая школа, 1991.
 182. Шах-Назарова В.С., Журавченко К.Б. Английский для вас. - М.: Вече, 1994.
 183. Bladford, Barbara. Intonation in context. Cambridge Univ. Press, 1989.
 184. Brazil, David. Pronunciation for advanced learners of English. . Cambridge Univ. Press, 1966.
 185. Brazil, David. The communication value of Intonation in English. Cambridge Univ. Press, 1997.
 186. Памухина Л.Г. Деловая поездка за рубеж. - М.: Высшая школа, 1989.
 187. Murphy, Raymond. English Grammar in Use. Cambridge Univ. Press, 1991.
 188. Coady., James and Huckin, Thomas Second Language Vocabulary acquisition. Cambridge Univ. Press, 1997.

-
189. Mc. Carthy, Michael and Schmitt, Norbert. Vocabulary description, acquisition and pedagogy. Cambridge Univ. Press, 1997.
190. Carbett, Jim. International Business English. Oxford Univ. Press, 1994.
191. Jones; Leo and Alexander, Richard. International Business English. Cambridge Univ. Press, 1994.
192. Kench A.B. Writing English Business Letters. L.: Mac Millan, 1985.
193. Soars, Liz and John . Headway . Oxford Univ. Press, 1991.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Часть 1. Введение в языкознание	5
Наука о языке, язык как средство общения, функции языка	5
Язык и речь, язык и мышление, язык и общество	8
Литературный язык. Стилистические различия в языке	15
Классификация языков.....	18
Язык как знаковая система	24
Часть 2. Лексикология английского языка	30
Предмет лексикологии	30
Понятие лексической системы	32
Мотивация	35
Основные проблемы теории слова.....	37
Связь лексикологии со стилистикой, фонетикой и грамматикой.....	38
Семасиология	40
Полисемия	41
Омонимия	42
Диахроническая и синхроническая омонимия	44
Сложные слова.....	49
Сокращения	51
Часть 3. Теоретическая грамматика английского языка	55
Роль и место грамматики в языковой системе.....	55
Знаковость единиц языка в общей системе.....	57
Системный характер языка и всех его составляющих	59
Часть 4. Стилистика английского языка.....	64
Варианты языка.....	64
Функциональные стили языка.....	67
Выразительные средства и стилистические приёмы	69
Стиль и стилистика.....	73
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	78
Список литературы	113

План УМД на 2021/22 уч.г.
С. 11, п. 45

Татьяна Витальевна Кожевникова

Курс лекций по теории английского языка

Учебное пособие

Подписано в печать 13.05.2021г. Формат 60x90 1/16.
Объём 7,8 усл.п.л. Изд. № 38.

**ВЫГОДНО. УДОБНО.
НАДЕЖНО**

ИНТЕРНЕТ

WI-FI

**СТАБИЛЬНАЯ СКОРОСТЬ
НАДЕЖНОЕ СОЕДИНЕНИЕ**

ТЕЛЕВИДЕНИЕ
**ИНТЕРЕСНЫЕ ТЕЛЕКАНАЛЫ СО
ВСЕГО МИРА НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ**
HDTV

WWW.AKADO.RU

ОАО «КОМКОР», 117535, РОССИЯ, МОСКВА, ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ, 133
ЛИЦЕНЗИИ № 123058, 123059, 123056, 123057, 153190, 153191, 153189, 123060